

№ 2
●
2018

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ**

ISSN 2412-9798

ISSN 2412-9798

02

9 772412 979007

16+

№ 2

(14)

16+

2018

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 25.06.2018
Размещен в сети Интернет: 29.06.2018

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия
МИРОНОВ Арсений Станиславович	кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскири г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.2
(14)
●
2018

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:
office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:
+7 (861) 268-22-98

E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on June 25, 2018
Published online June 29, 2018

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editors:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

- Vitaliy V.
BONDAR
Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Olga I.
BYCHKOVA
Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Aleksandr A.
GUTSALOV
Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Anna N.
EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Natalya A.
KOSTINA
Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Vladimir E.
NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia
-
-

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Science; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Lyudmila P. BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Moscow, Russia
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russia
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russia
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S. MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Oleg P. NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Adviser to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russia
Irina G. KHANGEL'DIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

Evgeniy P.

CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Anna I.

SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.

CHOLARIYA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Cecylia Malgorzata

DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Arkadiy I.

DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Kapil

KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, Republic of India

Christian John

MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos

PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala

PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin

SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.

ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»
(РЕДАКТОР О. Н. МАРКОВА)**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ	13
<i>Е. С. Студеникина</i> Гражданская война в представлениях современного студенчества	14
<i>Т. И. Трошина</i> Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на Севере России	19
<i>Н. В. Кияшко</i> Красный террор в годы Гражданской войны на Кубани: новые документы и материалы	28
<i>В. К. Ченкелиди</i> Греки Кубани и Черноморья в годы Гражданской войны (1918–1920)	36
<i>А. В. Гончаров</i> «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия	41
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР	48
<i>Ч. Б. Варма</i> Влияние буддизма на письменные источники Азии	48

<i>Р. А. Остапенко</i> Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа: социокультурные условия, трудности, итоги (1864–1917)	59
МЕМУАРЫ. ДНЕВНИКИ. ДОКУМЕНТЫ	78
<i>В. П. Громов</i> Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М. В. Губы	78
<i>О. М. Морозова</i> Дневник кадета Володи Ажинова, 11 марта – 4 мая 1917 года	90
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	95
<i>М. С. Нистоцкая</i> Как выживали российские ученые в ситуации гражданского противостояния	95

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
**THE RUSSIAN CIVIL WAR:
EVENTS, FATES, CULTURAL MEMORY**
(EDITOR - OKSANA N. MARKOVA)

THE RUSSIAN CIVIL WAR: EVENTS, FATES, CULTURAL MEMORY	13
<i>Elena S. Studenikina</i> The Russian Civil War in the Views of the Modern Students	14
<i>Tatyana I. Troshina</i> Filtration and Concentration Camps for Prisoners of the Civil War in the North of Russia (1920-1921).....	19
<i>Nikita V. Kiyashko</i> Red Terror during the Russian Civil War in the Kuban: New Documents and Materials	28
<i>Vasiliy K. Chenkelidi</i> The Greeks of Kuban and the Black Sea Region during the Russian Civil War (1918-1920).....	36
<i>Aleksey V. Goncharov</i> “To Winners and Losers”: the Epoch of Civil Confrontation in Kuban and in the Black Sea Region in the Objects of Cultural Heritage.....	41
ON THE CROSSROADS OF CULTURES	48
<i>Chandra B. Varma</i> Buddhism Influence on the Written Sources of Asia	48

<i>Roman A. Ostapenko</i>	
Orthodox Mission among the Adygs of the North-Western Caucasus: Social and Cultural Conditions, Difficulties, Results (1864-1917)	59
MEMOIRS. DIARIES. DOCUMENTS	78
<i>Vladimir P. Gromov</i>	
A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba	78
<i>Olga M. Morozova</i>	
The Diary of the Cadet Volodya Azhinov (March 11 – May 4, 1917)	90
BOOK REVIEW: CRITIQUE AND SURVEYS	95
<i>Marina S. Nistotskaya</i>	
How Russian Scientists Survived under the Extreme Conditions of the Civil War.....	95

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Очередной номер электронного научного журнала «Наследие веков» посвящен современному осмыслению духовного и материального наследия Гражданской войны в России 1918-1922 гг.

Гражданская война, разразившаяся столетие назад и последовавшая за крушением Российской империи, – пожалуй, самый трагический период в истории нашего Отечества. Отличавшаяся крайней жестокостью, обилием человеческих жертв, взаимной нетерпимостью враждующих сторон, война окончательно расколола российское общество, разорвала веками складывавшиеся связи, наложила глубокий отпечаток на все последующее историческое развитие страны, на судьбы нескольких поколений вплоть до ныне живущих. Последствия этого конфликта не преодолены до сих пор и прослеживаются во всех сферах общественной жизни не только в России, но и за ее рубежами.

В современном социуме восприятие событий того времени характеризуется болезненной остротой соперничающих суждений. Нет единых подходов к пониманию сущности этого явления и в науке. Хотя проблематика Гражданской войны в течение многих десятилетий занимала одно из ведущих мест в исследованиях ученых-историков, тем не менее здесь по-прежнему остается значительный пласт «белых пятен», постижение которых чрезвычайно затруднено отсутствием, по сути, так и не наступившего гражданского примирения.

Тщательно насаждавшаяся в советский период политика памяти, призванная утвердить однозначную историческую правоту завоевавшей власть «красной» стороны и в этих целях зачастую пренебрегавшая принципами научной объективности, ушла в небытие в конце XX века. При этом новая система памятования до сих пор не сложилась, современные мемориальные практики не имеют ясного концептуального базиса и большей частью носят стихийный или ситуативный характер, что нередко приводит к возникновению новых очагов социальной напряженности.

В этой связи очевидна необходимость актуализации и объективизации научного знания о Гражданской войне, всестороннее и глубокое исследование и введение в научный оборот новых фактов, выработка новой государственной политики мемориализации Гражданской войны, которая могла бы способствовать консолидации общества.

В номере представлены отдельные результаты современного анализа и реконструкции событий Гражданской войны и биографий ее участников, исследования обстоятельств формирования и бытования культурной памяти о ней, воплощения ее событий в монументальной политике, в культурном наследии.

Редактор специальной рубрики О. Н. Маркова

СТУДЕНИКИНА Елена Станиславовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Elena S. STUDENIKINA

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Assoc. Prof., Department of Sociology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
el.studenikina@yandex.ru

Гражданская война в представлениях современного студенчества

Статья посвящена представлениям современной студенческой молодежи о причинах, событиях и влиянии на жизнь страны Гражданской войны. В опросе принимали участие студенты 1 курса нескольких гуманитарных направлений Кубанского государственного университета. Социологическое исследование выявило наличие достаточно разрозненных и нечетких знаний о событиях вековой давности. Основным источником информации для респондентов - школьная программа по истории, которую лучше помнят выпускники, сдававшие ЕГЭ по этому предмету. Знания о Гражданской войне студенты также черпают из художественных произведений и СМИ. В отличие от Великой Отечественной, Гражданская война не является консолидирующим обществом событием и ее практически не обсуждают в семьях. Все опрошенные отметили достаточно сильное воздействие рассматриваемых событий на дальнейшую жизнь страны, склоняясь к тому, что это влияние нельзя назвать однозначно положительным или отрицательным.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, «красные», «белые», военные и политические лидеры, современное студенчество, Кубанский государственный университет, социологические исследования.

The Russian Civil War in the Views of the Modern Students

The article is devoted to clarifying the ideas of the modern Krasnodar youth about the Russian Civil war, its causes, events and impact on the life of the country. The survey was attended by the 1st year students of several Humanities directions of the Kuban state University. Sociological research has revealed the presence of rather disparate and unclear knowledge about the events which took place a century ago. The main source of information for respondents is the school program on history, which is better remembered by those who passed the exam in this subject. Also, students learn about the Civil war from works of art and the media. Unlike the Great Patriotic War, the Civil War is not a consolidating event and it is practically not discussed in families. All respondents noted a strong enough impact of the events on the further life of the country, leaning to the fact that this influence cannot be called unambiguously positive or negative.

Keywords: Russian Civil War, historical memory, "Reds", "Whites", military and political leaders, modern students, Kuban State University, sociological research.

Историческое знание и историческая память в настоящее время все чаще вызывают интерес социологов. Эти конструкты, так или иначе, влияют на современные представления и отношения людей. Кроме того, значимые юбилейные исторические даты «провоцируют» на исследование не только историков, но и социологов [1] [2] [3].

К историческому знанию в узком смысле И. Б. Орлова предлагает относить знание первого уровня – профессиональное общественно-научное, представленное исторической наукой. А сумму «усвоенной и признанной широкими слоями населения информации о прошлом народа, страны, вписанной в представления об их месте и роли в мировой истории и культуре» считать обыденным историческим знанием [4, с. 72]. Именно такое обыденное знание, по мнению И. Б. Орловой, больше всего интересует социолога, поскольку влияет непосредственно на сознание населения и дух народа: «обыденное историческое знание может служить духовной опорой государства и общества, формировать культурно-историческую идентичность, тем самым выполняя важнейшую социальную и политическую функцию» [4, с. 72].

Попытаемся выявить частицы такого знания, относящиеся к событиям вековой давности. От Гражданской войны нас отделяет столетие: небольшой срок для истории и жизнь 3-4 поколений обычных людей. Несмотря на возрастающий интерес к отечественной истории в обществе, мы не можем говорить о хорошем знании и понимании событий того периода современными россиянами. Причины этого – не только отдаленность во времени, но и сложность трактовки ситуации даже для профессиональных историков. Современная молодежь, в отличие от своих родителей, изучала историю уже не по советским учебникам со стройной концепцией и четкой идеологической направленностью. Участников и современников событий, ко-

торые могли бы поделить воспоминаниями «вживую», уже не осталось. Так что же и откуда знают о Гражданской войне краснодарские студенты?

С целью выяснения информированности молодежи и ее отношения к событиям столетней давности в апреле 2018 года был проведен опрос студентов нескольких гуманитарных направлений Кубанского государственного университета (мы сознательно не включали в выборку студентов-историков, более осведомленных об интересующих нас событиях в силу будущей профессиональной деятельности). В анкетировании участвовало 56 студентов 1 курса. Они недавно окончили школу, причем часть из них сдавала ЕГЭ по истории, а часть – нет.

Характеризуя причины Гражданской войны, респонденты чаще всего указывали поражение в Первой Мировой войне, социальные и политические противоречия, борьбу за власть, революцию и свержение монархии, поспешность большевистских преобразований. Встречались и своеобразные трактовки типа: «столкновение интересов рабочих и интеллигенции», «общий настрой на вооруженную борьбу» и т. д.

Соотношение мнений студентов о том, когда конкретно происходила Гражданская война, представлено на Рис. 1.

Подобный результат иллюстрирует не столько споры профессиональных историков о периодизации войны, сколько определен-

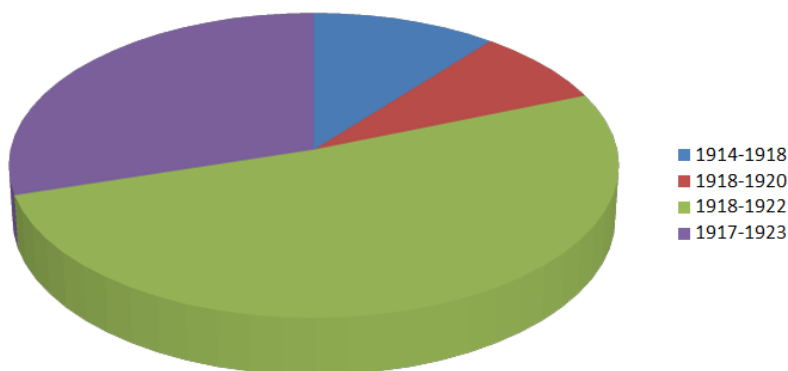

Рис. 1. Соотношение мнений студентов о хронологических рамках Гражданской войны

ную путаницу в сознании наших молодых респондентов: около 10% опрошенных выбрали вариант 1914-1918 гг., который относится к другому значимому событию – Первой Мировой войне.

Среди противоборствующих сторон 98,2% студентов уверенно назвали «красных» и «белых», 66% - упомянули также участие «зеленых», Около 8% сочли участниками войны фантастических «синих».

Гораздо больше сложностей возникло у респондентов при перечислении конкретных людей, принимавших участие в Гражданской войне (открытый вопрос). Чаще всего упоминались: Деникин (12 упоминаний), Ленин (9), Троцкий (8), Буденный (причем 5 человек считают, что он воевал за красных, 1 – за белых), Колчак (5), Чапаев (3), Тухачевский (2 респондента отнесли его к красным, 1 – к белым), Керенский (3), Врангель (2). Однократно упоминались: Фрунзе, Дзержинский, Котовский, Ворошилов, Махно, Краснов, Корнилов, а также Берия, Пастернак, Шолохов, Блок.

На вопрос об известных личностях, живших или воевавших в данный период на территории Кубани, более 75% студентов вообще не смогли дать ответ. Остальные чаще всего упоминали Буденного, также прозвучали фамилии Колчака, Троцкого, Чапаева и Головатого.

Подобные ответы говорят о неполных и разрозненных знаниях студентов не только о персоналиях, но и о данном историческом периоде в целом. Следует отметить, что более точные ответы давали студенты, сдававшие год назад ЕГЭ по истории.

Откуда же получили наши респонденты знания о событиях Гражданской войны? Среди источников информации самым весомым является курс истории в средней школе (этот вариант указали практически все респонденты), самым редким – друзья (см. Рис. 2).

Следует отметить, что вторым по частоте упоминания источником являются произведения искусства, за ними идут средства массовой информации. Семья существенно проигрывает: менее 18% опрошенных обсудили события Гражданской войны со своими родственниками. Это может быть связано как с отсутствием информации в семьях о предках, сражавшихся во время Гражданской войны, так и с неоднозначностью оценок их участия.

Здесь мы можем наблюдать разительное отличие Гражданской и Великой Отечественной войны в восприятии молодежи. Бесспорно, что «историческая память о Великой Отечественной войне сегодня – главная составляющая общероссийской идентичности, объединяющая людей разных убеждений, разного уровня образования, разных социальных, этнических групп». [4, с. 75]. После неопределенности 90-х гг. прошлого века в обществе вновь достигнуто согласие об отношении к событиям 1941-1945 гг. и их героям. Наличие в Великой Отечественной войне внешнего врага упрощает деление «свой» – «чужой» и соотнесение личных и общественных интересов.

В то же время Гражданская война по-прежнему остается сложным для общественной исторической памяти событием. В советский период трактовка послереволюционных событий была однозначной и транслировалась как учебниками истории, так и произведениями искусства. На этом фоне наличие в семье людей, не поддержавших Советскую власть сразу и однозначно, тщательно скрывалось. В 90-е гг. на волне критики коммунистического прошлого ситуация радикально поменялась, но наученные опытом представители старшего поколения (если они к тому моменту еще были живы) продолжали «дозировать» и «филь-

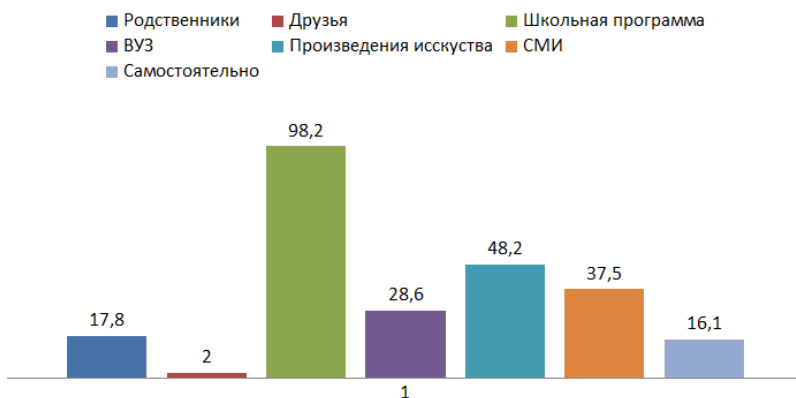

Рис. 2. Источники информации о событиях Гражданской войны (%)

тровать» информацию, преподносимую своим потомкам. Таким образом, за прошедший век во многих семьях сложилась ситуация либо реальной утраты знания о родственниках, участвовавших в Гражданской войне, либо имелись сложности обсуждения данных вопросов с молодым поколением.

Тяга к самостоятельному поиску исторической информации о событиях обсуждаемого периода была отмечена лишь у 16% респондентов, что говорит о небольшой привлекательности данного этапа отечественной истории для молодых людей.

Вместе с тем почти все респонденты были знакомы с художественными произведениями о Гражданской войне. Чаще всего упоминался в анкетах роман М. Шолохова «Тихий Дон» (за что надо сказать спасибо школьной программе и кинематографу), также многие студенты читали «Белую гвардию» М. Булгакова или смотрели снятые по этому произведению фильмы. Кроме работ, вышедших еще в советский период («Двенадцать» и другие стихи Блока, рассказ М. Шолохова «Родинка», фильмы «Чапаев», «Офицеры», стихи Есенина), ставших доступными после «перестройки» («Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, стихи А. Ахматовой, М. Цветаевой), наши респонденты указали и некоторые современные произведения, например, сериал «9 жизней Нестора Махно». Это демонстрирует большие возможности воздействия на историческое сознание молодежи средствами искусства и СМИ.

Оценивая по 10-балльной шкале влияние Гражданской войны на жизнь страны, все респонденты отметили ее достаточно высо-

кую значимость – не ниже 5 баллов (средний балл – 8,2).

При этом большинство респондентов (67,9%) указало, что влияние было «и негативным, и позитивным одновременно», 26,7% посчитали влияние «в большей степени негативным» и лишь 5,4% выбрали вариант «в основном, позитивным». Подобная позиция подтверждается и результатами ответа на следующий вопрос, о том, с чем ассоциируются у студентов слова «гражданская война» (открытый вопрос). Респонденты отметили, в основном, негативные ассоциации: разруха, братоубийство, потери, смерть, голод, потеря контроля в управлении, разрушения, убийства, кровопролитие, потрясение, утрата, разъединение семей и т. д. Всего подобные характеристики встречаются в ответах 53 раза. Существенно меньше условно нейтральных характеристик, фиксирующих события либо участников: борьба за власть, Ленин, победа большевиков, конец династии Романовых, коммунисты, Чапаев, революция, белые, красные, казаки, политические противоречия и т. д. (21 характеристика). И, наконец, самую малочисленную группу составляют позитивные ассоциации: союзники, справедливость, подъем после войны и т. д. (5).

Среди событий, которые, на взгляд респондентов, сопоставимы по масштабу и влиянию на жизнь страны с Гражданской войной начала XX в., были названы: Великая Отечественная война (16 упоминаний), Первая Мировая война (6), революция 1917 г. (4), распад СССР и Смутное время (по 3 упоминания), а также татаро-монгольское иго, крестьянские восстания и война с Наполеоном. Следует отметить, что не все студенты дали ответ на этот вопрос. В то же время ответившие явно пытались провести определенные исторические параллели, ориентируясь либо на масштаб события, либо на его причины.

Таким образом, мы можем констатировать разрозненность знаний о Гражданской войне у современной молодежи. События этого периода большинством опрошенных воспринимаются как отдаленные и не яв-

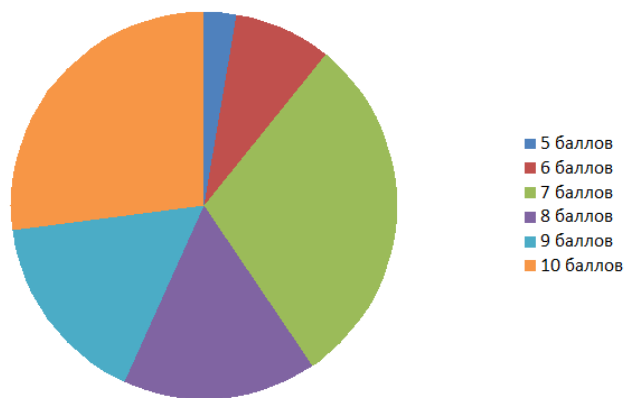

Рис. 3. Влияние Гражданской войны на жизнь страны (по 10-балльной шкале)

ляются лично значимыми. Их оценка достаточно абстрактная, ориентированная на знания, полученные в школе. И хотя практически все респонденты знакомы с художественными произведениями о событиях Гражданской войны, самостоятельным поиском дополнительной научной или публи-

цистической информации занимаются единицы. Если Великая Отечественная война в общественном сознании выступает консолидирующим событием, то Гражданская война таковым не является. Осмысление, оценка и личностное «принятие» Гражданской войны нам еще предстоит.

Использованная литература:

1. Гаврилова Н. И., Кисель Д. П. Октябрьская революция 1917 г. в исторической памяти иркутян среднего возраста. Результаты социологического исследования [Электронный ресурс] // Социальная компетентность. 2017. Том 2. № 2. С. 50-53. URL: <http://sociacom.istu.irk.ru/journals/2017/02> (дата обращения 10.04.18).
2. Горшков М. К., Петухов В. В. Октябрьская революция 1917 г. и ее последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 6-18.
3. Донцова М. В. Октябрьская революция 1917 года в историческом сознании современной студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 2. С. 15-19. URL: http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Dontsova_Tazhidinova.pdf (дата обращения 15.04.18).
4. Орлова И. Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 66-77.

References:

1. Gavrilova, N. I. and Kisel', D. P., Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 goda v istoricheskoy pamyati irkutyan srednego vozrasta. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya [The October Revolution of 1917 in the Historical Memory of the Middle-Aged Irkutsk Citizens. The Results of Sociological Research], *Social'naya kompetentnost'*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 50-53. <http://sociacom.istu.irk.ru/journals/2017/02>. Accessed April 10, 2018.
2. Gorshkov, M. K. and Petuhov, V. V., Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 goda i ee posledstviya v vospriyatii sovremennyh rossiyan [The October Revolution of 1917 and Its Consequences in the Perception of Modern Russians], *Sociologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 1, pp. 6-18.
3. Dontsova, M. V. and Tazhidinova, I. G., Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 goda v istoricheskom soznanii sovremennoy studencheskoy molodezhi [October Revolution of 1917 in the Historical Consciousness of the Modern Student Youth], *Nasledie Vekov*, 2017, no. 2, pp. 15-19. http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Dontsova_Tazhidinova.pdf. Accessed April 15, 2018.
4. Orlova, I. B., Istoricheskoe znanie kak predmet sociologicheskogo analiza (fenomenologicheskij aspekt) [Historical Knowledge as a Subject of Sociological Analysis (Phenomenological Aspect)], *Sociologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 9, pp. 66-77.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Студеникина, Е. С. Гражданская война в представлениях современного студенчества [Электронный ресурс] / Е. С. Студеникина // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 14-18. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Studenikina.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Studenikina E. S., Grazhdanskaya vojna v predstavleniyakh sovremennogo studenchestva [The Russian Civil War in the Views of the Modern Students], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2, pp. 14-18. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Studenikina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ТРОШИНА Татьяна Игоревна

доктор исторических наук,
профессор кафедры социальной работы
и социальной безопасности Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Tatiana I. TROSHINA

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Department of Social Work and Social Security
Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russia
tatr-arh@mail.ru

Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920-1921)

В статье представлена информация об условиях пребывания в северных лагерях так называемых «пленных гражданской войны». Автор опирается в первую очередь на анализ архивных документов. Рассмотрены фильтрационные лагеря для белогвардейских военнопленных, концентрационные лагеря, в которых размещались приговоренные к различным видам наказания, включая «принудительный труд». В них содержались главным образом местные жители, а также направленные в Архангельскую губернию участники боевых действий и выходцы с юга Европейской России, признанные виновными в иных видах антибольшевистской деятельности. Информация о происходивших в 1920-1921 гг. репрессиях в Архангельской губернии в отношении бывших белогвардейцев, была широко представлена в эмигрантских источниках. Положение заключенных было чудовищным, унижительная физическая работа дополнялась плохим продовольственным и материальным обеспечением, свирепствовали эпидемические заболевания, имели место массовые расстрелы.

Ключевые слова: гражданская война, военнопленные Южного фронта, заключенные, белогвардейские офицеры, фильтрационные лагеря, лагеря принудительных работ, Чрезвычайная комиссия, Архангельская губерния, холмогорский лагерь.

Filtration and Concentration Camps for Prisoners of the Civil War in the North of Russia (1920-1921)

The article presents information about the conditions of so-called “Civil War captives” in the northern camps in Arkhangelsk province. The author relies primarily on the analysis of the archival documents. The filtration camps for the White Guard prisoners, concentration camps, in which were sentenced to various types of punishment, including “forced labor”, were considered. They mainly contained local residents, as well as the participants in military operations and people from the south of European Russia sent to the Arkhangelsk province, who were found guilty of other forms of anti-Bolshevik activity. Information about the repressions in the Arkhangelsk province in 1920-1921 against the former White Guards was widely represented in emigrant sources. The situation of prisoners was monstrous, humiliating physical work was supplemented by poor food and material support, epidemic diseases raged, mass executions took place.

Keywords: Russian Civil war, prisoners of war of the Southern Front, captives, whiteguard officers, filtration camps, forced labor camps, Extraordinary Commission, Arkhangelsk province, Kholmogory camp.

*Мгновенье классового гнева
Пришло... Равнение налево!
Не спотыкаться, милый друг,
Зерном могильного посева,
Свинцом последнего напева
Отмечен тягостный испуг...*

Сергей Марков

Мрачными легендами окружено все, что связано с пленом во время русской гражданской войны. Вместе с тем, специфика именно гражданской войны, войны идеологий, предполагала возможность «переубедить» недавнего противника. «Белые» легко становились «красными», а «красные» «белыми». В биографиях многих участников тех событий были подобные трансформации, и нередко не по разу. Вспомним героя «Тихого Дона» Григория Мелехова, который, даже не будучи в плену, несколько раз менял «окраску», не в состоянии разобратся в происходящем.

Жестокое отношение вплоть до расстрела применялось обычно к самым «ярым» врагам, нередко их казнили «без суда и следствия», прямо на поле боя. Рядовых бойцов, в первую очередь взятых по мобилизации, как красные, так и белые после небольшого идеологического «карантина» ставили в свои ряды. Можно привести немало примеров, которые по понятным причинам редко упоминались в советское время, когда красные командиры и даже комиссары, попав в плен, меняли форму.

По воспоминаниям бывшего врангелевского офицера, их, пленных, конвоировали «донцы, попавшие в плен под Новороссийском», после чего они «были разоружены, старые возраста распущены по домам. Остальных <...> после соответствующей «обработки» вновь вооружили, влили в состав красной армии, целыми войсковыми единицами – сотнями отправили на Польский фронт, [затем] на Врангелевский фронт... Сдавшихся кубанцев так же «перековывали» и отправляли на Польский фронт. Некоторые воевали так добросовестно, что получали награды. Охотно принимал кубанцев в свой 3-й конный корпус Г. Гай... Почти вся 15-ая дивизия... была укомплектована из [пленных] кубанцев» [25]. Собственно,

ужасные подробности о плене создавались под влиянием разных обстоятельств. Остановимся на архангельских лагерях («Соловки», как их принято было называть; хотя Соловецкий лагерь был лишь одним из приготовленных для пленных гражданской войны и приговоренных к принудительным работам). Подотдел принудительных работ отдела управления Губисполкома. В Архангельской губернии было пять «лагерей принудительных работ для заключения в них военнопленных гражданской войны и лиц, осужденных за контрреволюцию». Это «шенкурский лагерь» (расположенный в Шенкурском уезде), который уже через четыре месяца после восстановления в Архангельске советской власти был расформирован «в связи с малочисленностью контингента». «Архангельский лагерь» № 1 и выделившийся из него «лагерь № 2», расположенный на ближайшей к городу железнодорожной станции Исакогорка – для работ на железнодорожном полотне; «Соловецкий» и «Холмогорский» концентрационные лагеря [23].

В Архангельске гражданская война закончилась после ухода белогвардейцев в феврале 1920 года, когда в других регионах страны она еще продолжалась. Сюда и было решено направлять «для фильтрации» (с целью выяснения степени вины) белогвардейцев, в основном офицеров. Здесь уже находились белые офицеры вооруженных сил Севера России, взятые в плен или сдавшиеся добровольно. Другого выхода (кроме самоубийства) у них не оставалось: при продвижении красной армии повсеместно происходили восстания «белых» солдат и матросов, которые арестовывали своих командиров. Чтобы не допустить сопротивления деморализованных в ситуации измены своих подчиненных офицеров, им гарантировалась при добровольной сдаче в плен личная неприкосновенность.

Положение «своих» и «чужих» военнопленных в период гражданской войны качественно отличалось. Если «своих» не пристрелили при взятии в плен, это означало, что они не настроили против себя солдат – как неприятельских, так и собственных, а также мирное население. Показательным в этом отношении является свидетельство белоармейского авиационного механика, описывавшего, как они расправлялись со своими офицерами еще до прихода красных: одного летчика («хорошего парня, всегда внимательного к нам, механикам»), отпустили, а других расстреляли [14, л.9].

Красные командиры ничего не могли сделать с этой стихией, и если офицер оказывался в плену, то направляли его в штаб в сопровождении совершенно посторонних солдат, поскольку «свои» «плохого» офицера могли по дороге пристрелить, а «хорошего» отпустить.

Задачей лагерей была «фильтрация» пленных, с целью выяснения степени их вины. После фильтрации большинство офицеров, прежде всего из местных, могли быть освобождены «под поручительство» авторитетных советских и партийных работников. Гражданская война развела по разные стороны баррикад недавних единомышленников, поэтому получить подобную гарантию было несложно. К примеру, арестованные при взятии Архангельска офицеры обратились к военному комиссару фронта Кузьмину «с объяснением, что они тоже боролись за социализм» [21], - и с этим трудно было спорить, поскольку белое «Северное правительство», которому они служили, состояло преимущественно из эсеров и социал-демократов. Кроме того, аресты офицеров «из местных» создавали неблагоприятную обстановку в губернском центре; буквально в первые дни после взятия Архангельска в газетах был опубликован приказ комиссара Н. Кузьмина: «В городе волнения и тревога по поводу ареста офицеров. По приказу Реввоенсовета Республики доведу до сведения беспокоящихся за участь бывших офицеров белой армии, что все, в политической лояльности которых не будет сомнения, будут выпущены. Большинство будут отправлены на другие

фронты. Жизнь всех в полной безопасности. К улучшению условий сидящих под арестом будут приняты меры. Рабоче-крестьянская Советская власть не мстит своим бывшим врагам» [22].

Отпущенные офицеры были связаны и другими обязательствами. Так, генерал Данилов, которого «взял на поруки какой-то коммунист», отказался бежать за границу, «так как в случае его побега всех [находящихся в лагере] офицеров расстреляют» [17, л. 64], - таково было условие его освобождения.

Впрочем, гарантии неприкосновенности нарушались, во всяком случае, в отношении тех, чья вина была доказана следственной (фильтрационной) комиссией. В основном это касалось старших офицеров и участников карательных операций; списки тех, в отношении кого приговор был приведен в исполнение, публиковались в газетах. Это уточнение важно, поскольку широко применяемый приговор «расстрел» (смертная казнь была восстановлена после отмены на очень короткий период, между 16 января и 11 мая 1920 г.) в большинстве случаев впоследствии заменялся другими видами наказания (иногда несравнимо легкими, например - «шесть месяцев в лагере принудительных работ»).

Летом 1920 года освобожденные белые офицеры, - такими, как правило, были «из местных», - подверглись очередной переписи и находились на так называемом «секретном учете». Перепись проводилась «на случай массового удаления из Архангельска» [9, л. 35, 36, 87]; можно предположить, что такая акция планировалась при возникновении опасности новой интервенции, поскольку в 1918 году именно демобилизованные офицеры, занимавшиеся, как казалось, вполне мирным трудом, были основными участниками «белогвардейского переворота».

В силу специфики гражданской войны, пленными могли оказаться самые разные люди. Это были не только военнослужащие, но участники военизированных бандформирований, «сочувствующие» белому делу и многие другие, которые арестовывались на занятой Красной армией территории и направлялись в северные губернии в распоряжение фильтрационных комиссий ЧК с формулировкой – «до

окончания гражданской войны». Северные лагеря стали местом пребывания для нескольких сотен военнопленных офицеров и гражданских лиц, присланных с других фронтов Гражданской войны, прежде всего с Кубани и Дона. Они уже прошли своего рода «фильтрацию», и сюда направлялись те, кто не был казнен на месте или не получил (как «социально близкий») возможности сразу же вступить в ряды Красной армии.

К примеру, в Красную армию были мобилизованы рядовые участники «десанта Назарова», а командный состав и перешедшие на сторону белогвардейцев советские работники и красноармейцы были расстреляны. Остальные приговором трибунала при Реввоенсовете Кавказского фронта были признаны «предателями трудового народа», но со смягчающими обстоятельствами – как «действовавшие под влиянием тяжелого наследия прошлого режима, и в виду темноты и невежества, которые мешали им рассмотреть и понять истинное значение Великой Октябрьской революции, и под влиянием идейного руководства белогвардейского офицерства, которые толкнули их на путь активной борьбы с советской властью» [10, л. 6].

«На отдаленную окраину Республики (такой была формулировка в приговорах трибуналов) направлялись и «зеленые» из южный районов страны, если они добровольно сдались или заслужили снисхождения по причине своей «малограмотности и неразвития». Высылали они в северные лагеря «без права выезда на родину до полной ликвидации там бандитизма» [1, л. 39, 119].

После «фильтрации» многие заключенные, в том числе из офицеров, получали «срок» и переводились на положение «принудителей», то есть заключенных, обязанных трудиться. Обычно они привлекались к труду по специальности («с прикомандированием к учреждениям»), иногда на весьма престижные должности. После трудового дня их вновь разводили в бараки [13, л. 66-67]. «Спеццы» особенно были нужны в губернском центре, который был переполнен войсками, поэтому концентрационные лагеря устраивать здесь было сложно. В связи с этим, отдельным «незаменимым работникам», как правило разре-

шалось жить «вольно», на положении расконвоированных.

Упомянутые уже «виновные» рядовые участники «десанта Назарова» получили «более мягкую меру наказания в виде принудительных работ с содержанием под стражей, до окончания гражданской войны в России», для чего их следовало направить «в одну из Северных губерний Республики, «использовав всех имеющихся в их среде специалистов для принудительных работ по их специальностям...» [10, л. 6] 133 осужденных на основании этого приговора (из них 4 женщины, сестры милосердия), имевшие различные профессии (сапожники, кузнецы, врачи, фельдшеры и др.), были направлены в архангельские лагеря принудительных работ [10, л. 7].

Направленный в Архангельск «до окончания гражданской войны» преподаватель Екатеринодарской гимназии был «в числе 38 человек из тысячи освобожден за отсутствием каких бы то ни было улик и направлен» в распоряжение отдела народного образования: «недостаток в педагогах огромный, - пишет он на родину, - так что наши “пленники” встречаются здесь с распростертыми объятиями» [27, л. 27, 28]. Высланные из Терской и Донской областей женщины служили «школьными работницами» [1, л. 7]. Особенно затребован был медицинский персонал: они были нужны и в лагерях, где отмечалась тяжелая санитарно-медицинская обстановка, и в городских медицинских учреждениях. Из списка медперсонала лагеря принудительных работ на январь 1921 года можно выделить нескольких донских жителей, направленных на Север за участие в «десанте Назарова» (это фельдшеры Мирон Табо и А.М. Кондрашев, санитар И.И. Бондаренко) [3, л. 7].

Хуже приходилось кадровым офицерам, не имевшим какой-либо мирной профессии. Их использовали для самых грязных и неквалифицированных работ, прежде всего, связанных с проведением санитарно-гигиенических мероприятий, на которые даже по трудовой повинности было сложно набрать гражданских.

Санитарная обстановка в городе и окрестностях была чудовищная. Например, в Архангельске, который с конца 1919 года был

на положении прифронтового города, а в первые месяцы 1920-го гражданские власти оказались беспомощны навести здесь какой-то порядок, никто не занимался ассенизацией, и весной была угроза, что город «утонет» в нечистотах. Решено было «нечистоты вырубать топорами и вывозить в замороженном виде», поскольку обозов для вывоза их в оттаявшем виде все равно не было [4, л. 2].

Не лучше обстояла ситуация вдоль железнодорожных путей («люди переезжают в теплушках, в которых нет отхожих мест, поэтому уборные на станциях переполнены, грязь на станциях и вдоль железнодорожного полотна» [4, л. 7об.]) и в местах, где проходили боевые действия (как отмечалось в докладах санитарно-медицинских отделов, «до сих пор в лесах и болотах валяются неубранные трупы людей и павших животных, бывшие окопы завалены нечистотами, испражнениями и банками от консервов. По деревням на местах стоянки войск валяются горами жестянки от консервов, мусор, нечистоты»... [6, л. 1]) Для всех этих видов работ и решено было «привлечь белоармейцев». (По свидетельству пленного А.Н. Грязнова, «офицеров ... заставляли исполнять самую грязную работу» [16, л. 59]). Именно с этой целью в Архангельске, несмотря на тяжелый продовольственный и жилищный кризис, содержали «лагерь № 1», поскольку 700 заключенных в нем офицеров были «единственным резервом рабочей силы для санитарной очистки города» [4, л. 18]; ставился даже вопрос о расширении лагеря.

Унизительная физическая работа дополнялась плохим продовольственным и материальным обеспечением. Население губернии было посажено на паек, голод и эпидемии были мрачной приметой того времени для всей России. Заключенным, тем более «контре», приходилось особенно тяжело.

Наиболее гнетущее впечатление производил «архангельский лагерь», почему его, собственно, и стремились убрать из города. Находившиеся там офицеры, взятые в плен нередко во время боя, оказывались без личных вещей. А если таковые и были, то во время этапа их успели обменять на продовольствие, поскольку пленным почти не кормили в течение всего долгого движения к Белому морю.

Офицер А.Н. Грязнов писал в своем отчете о нахождении в плену, что некоторых «обобрали дочиста», а «дорогой почти не кормили, приходилось снимать одежду и покупать хлеб» [17, л. 59-60].

Вот некоторые свидетельства из перехваченных писем работавших в городе «принудиловцев»: «...Я отдал свою шинель одному офицеру, у которого кроме чесучевого белья ничего нет, лапти на босу ногу, и все это в клочьях. Половина [пленных] без шинелей, и только у некоторых полушубки. В общем, тихий ужас, теряют образ и подобие человеческое, озлобленные, истощенные, в грязи, во вшах, ругань и споры не утихают ни на минуту. Жизнь идет от получения хлеба до – получения, вокруг железных печей, которые облеплены людьми...». А это из письма, которое не удалось отправить домой пленному офицеру: «...От вшей и грязи на теле масса расчесов, которые гниют, и истощенный организм не в силах бороться с ними. Если все так будет продолжаться, то вряд ли можно будет пережить зиму и весну, непременно протянешь ноги. Настроение духа самое ужасное, [усугубляет] неизвестность нашего положения, гнет окружающей обстановки...» [11, л. 6 об.].

В докладе о санитарном состоянии городского лагеря отмечается, что в помещениях, рассчитанных на 550-600 человек, размещается более тысячи заключенных, «люди грязны, вшивы зачастую без белья, ослаблены продолжительной дорогой в непривычных климатических условиях». Направленные сюда «терцы» характеризовались санитарными врачами как «крайне апатичные», их высокая заболеваемость и смертность в лагере объяснялась «изнуренностью людей в пути, преклонным возрастом в большинстве случаев и крайне угнетенным состоянием духа» [5, л. 69].

Уже перенеся тяжелое этапирование на север, люди оказывались в пересылках, мало приспособленными для содержания большого количества людей. Только за первую половину 1921 года через Вологодскую пересылку прошло около полутора тысяч человек [13, л. 9]. Пересыльно-распределительные лагеря стали очагами различных эпидемий. В архангельских пересыльных пунктах ежедневно отмечалось до десяти случаев тифа, что объ-

яснялось скученностью и антисанитарными условиями жизни: «нары в два яруса, люди помещаются даже между нарами на полу; недостаток и даже отсутствие белья. Вещи и люди изобилуют вшами...» [15, л. 9].

Если пересылки были переполнены, то в лагерях тюремное население сокращалось очень быстро. Приспособленные под лагеря монастырские помещения и бараки, нередко не приспособленные для зимнего проживания, быстро «пустели». Именно холмогорский лагерь для военнопленных стал в сентябре 1920 года очагом распространения тифа.

По мнению архангельских врачей, эпидемия возвратного тифа в губернии была вызвана именно заключенными («занесена с Кубани» [4, л. 68], а также из Саратова и Витебска [3, л. 14].), которых на достаточно большое расстояние этапировали пешком порядком, и на ночь размещали в крестьянских домах. Сыпной тиф распространялся и из лагеря – через вещи, на которые заключенные выменивали у населения продукты питания. Кроме того, тяжело больных людей «освобождали», а попросту – отправляли на все четыре стороны; пытаясь добраться к себе домой, они заходили в деревни, просились на ночлег, распространяя эпидемические болезни все шире и шире [3, л. 552].

Заключенные холмогорского лагеря, размещенные «в просторном, чистом монастырском подворье», страдали от холода, отсутствия санитарно-гигиенических средств, и прежде всего – от плохого питания. «Фунт (454 гр.) черного непросеянного хлеба, 6 золотников (25 грамм) сухой рыбы, 15,5 золотника (66,5 грамм) пшеничной муки, почти без соли» при «интенсивной работе», - не мудрено, что люди, по словам санитарного инспектора, «слабы и истощены...; едва волочат ноги. <...> Заболеваемость и смертность очень велики. Медицинских средств нет...» [7, л. 3-4, 10]. «В лагере переболели все»: кроме простудных заболеваний, это был тиф, а также водянка - отеки нижних конечностей. Поздней осенью и зимой ситуация усугубилась почти повальным распространением цинги, что было «связано с холодным климатом, вечной сыростью, крайней недостаточностью продовольствия, плохими жизненными условиями» [7, л. 3]. За-

ключенным в таких условиях увеличили паек до 2 тыс. калорий, прибавив жиры; суточная норма для обитателей лагерей состояла из 400 грамм ржаного хлеба, 200 гр. рыбы, 13 грамм сала (шпик), 6 грамм сахара и 25 грамм картофеля и круп.

Как уже упоминалось, медицинский персонал лагерей был из числа заключенных. Охранники и даже руководители мест заключения тоже были «со статьями»: например, «не выполнившего возложенную на него ответственную работу» работника направили «в Холмогорский лагерь для отбывания наказания, используя в качестве надзирателя» [14, л. 2].

На последнем этапе гражданской войны, в 1920 году, у оставшихся в лагерях офицеров был шанс освободиться и даже «послужить трудовому народу». Гражданская война, до окончания которой они были изолированы, еще не закончилась, но началась война с Польшей, которая получила самостоятельность и при помощи стран Антанты создала довольно боеспособную армию [см. 26. Гл. I, VI]. Для борьбы с ней требовались старые командирские кадры. Те, кто не желал служить в Рабоче-крестьянской красной армии, или кого не брали туда на основании их «социального положения», оставались в лагерях.

Мрачные слухи, распространявшиеся различными путями, в том числе из-за границы, заставляли сомневаться, что за формулировкой «содержать в лагере до полного окончания гражданской войны» нет чего-то более страшного, чем временная изоляция.

Сведения, на основании которых появлялись эти слухи, были получены от белогвардейцев, которым удалось бежать из Архангельска, а также из писем, которые архангелогородцам удавалось отправить за границу [18, 20]. Так, в белоэмигрантской газете сообщалось, что «в Архангельске расстреливают оптом ... расстреляли, несмотря на данную амнистию, всех участников белой армии, от офицеров до генералов, всего 1.500 человек. ... По большей части расстреливают привезенных из центральных губерний. ... Каждый день видят все, как солдаты ведут [за город] людей, а обратно возвращаются с узлами одежды ...» [24].

Анонимный очевидец сообщал о расстреле на одном из островов Северной Двины четырехсот заключенных Холмогорского лагеря, которых «привезли на барже, заставили раздеться донага и расстреляли из пулемета» [18, с. 354-357]. Рассказывалось про чудовищное положение заключенных, когда «весь лагерь голодный, больной, забытый, люди теряют всяческий человеческий облик и превращаются из людей в жалких забытых рабов», а «интеллигентных девушек [руководство лагерей] делали своими любовницами», при этом те «не могли отказаться, так как им давали продукты на весь барак» [18, с. 358-363].

Под влиянием этих слухов вслед за взятыми в плен на южных фронтах и направленными в северные лагеря мужьями ехали и их жены – «узнавать об их судьбе». Архангельская ЧК «била тревогу» по этому поводу, возмущаясь, к примеру, действиями вдовы погибшего в английском концлагере на острове Мудьюг профсоюзного лидера Диалактовича, которая, пользуясь памятью мужа, ходила по инстанциям с целью оказать поддержку несчастным женщинам. Заместитель председателя губернского исполкома И.В. Боговой предоставлял этим «декабристкам» работу – из сочувствия или в связи с недостатком квалифицированных кадров, но такая активность тоже не нравилась сотрудникам ЧК [14].

Опасения жен пленных офицеров скорее всего были не напрасны. Есть косвенные свидетельства, что часть офицеров доставляли на Север именно для уничтожения. Известно об «акциях» в Холмогорском лагере; население близлежащих поселений еще долго вспоминало о массовых расстрелах офицеров. В секретной сводке архангельской ЧК за февраль 1921 года, пишется почти прямым текстом: «Во всех районах спокойно, за исключением Холмогорского района, в связи с Холмогорским лагерем, где проводилась операция белых бандитов в 1920 г. Операция проводилась не вполне аккуратно, на основании чего носят нелепые слухи» [12, л. 121]. (выделено автором – ТТ.) Этот лагерь, как следует из секретной переписки, «был организован Кедро-

вым... секретно исключительно для массовой ликвидации белого офицерства... [которые] привозились лишь для ликвидации..., кроме тех, кто был освобожден работавший фильтркомиссией» [19, с. 63-64].

Массовые расстрелы, которые происходили осенью 1920 и весной 1921 гг., скорее всего были связаны с тем, что почти все боеспособные части из Архангельска были направлены на фронт, а среди населения и «малосознательных красноармейцев», в основном из бывших белоармейцев, муссировались слухи о скором приходе англичан. (Как отмечалось в политсводке, «солдаты – большинство из врангелевской и деникинской армий, ведут агитацию против советской власти – якобы, с наступлением навигации придут англичане, будет переворот и т.п.» [12, л. 121].

Даже тем, кому удалось «после окончания гражданской войны» уехать на Родину, претерпели немалые страдания, пока добрались к себе на Юг по разоренной, охваченной голодом и тяжелыми эпидемиями стране. В июне 1921 года получившая разрешение на выезд в Ростов «партия кубанцев» несколько недель находилась в карантинном пункте в связи с отсутствием железнодорожных вагонов. Положение людей, как указывал в своем протесте врач губернского эвакуационного отдела, «отчаянное»: за это время «4 человека из партии уже умерли, 14 человек, отправленные в больницы, возвращены в карантин как неизлечимо больные...» [2, л. 27]

Тяжелые условия заключения в северных лагерях, имевшие объективные причины (общая экономическая ситуация в стране, отсутствие у нового руководства опыта в организации мест заключения, которые создавались здесь с целью обеспечения квалифицированной рабочей силой проектов восстановления и развития региона), и, собственно, вызванные жестокостью к бывшему неприятелю, что явилось непереносимым признаком любой гражданской войны, - все это создало крайне негативный образ Севера в глазах населения Советской России на несколько десятилетий. «Сослать в Соловки» - эта фраза долго была наполнена особым, зловещим смыслом.

Использованная литература:

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 141.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1262.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1268.
4. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269
5. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1273
6. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1279
7. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1282
8. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1312.
9. Государственный архив Архангельской области. Ф. 282. Оп. 4. Д. 1.
10. Государственный архив Архангельской области. Ф. 352. Оп. 1. Д. 204.
11. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80.
12. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
13. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.
14. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 342.
15. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 323.
16. Государственный архив Вологодской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26.
18. Красный террор глазами очевидцев / под ред. С. В. Волкова. М: Айрис-пресс, 2009.
19. Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны. // Новый исторический вестник. 2009. № 20 (2). С. 58-64.
20. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: РИЦО, 1990.
21. Обращение б. офицеров // Известия Архангельского ревкома. 1920. 17 марта.
22. Объявление комиссара Н. Кузьмина // Известия Архангельского ревкома. 1920. 28 февраля.
23. Отчет отдела управления 4-му Губернскому съезду Советов // Известия Архангельского Ревкома. 1920. 20 августа.
24. Расстрелы в Архангельске // Время (Берлин). 1921. 7 марта.
25. Терский А. Белые у красных // Новое русское слово. 1969. 5 сент.
26. Трошина Т. И. «Интернированная Красная Армия» в Германии в 1920-1921 годах. Об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны: монография. Архангельск: Изд. центр Сев. (Арктического) фед. ун-та, 2016.

References:

1. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 124, Inventory 1, File 141.*
2. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1262.*
3. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1268.*
4. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1269.*
5. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1273.*
6. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1279.*
7. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1282.*
8. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 236, Inventory 1, File 1312.*
9. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 282, Inventory 4, File 1.*
10. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO], Fund 352, Inventory 1, File 204.*
11. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI), Fund 1, Inventory 1, File 80.*
12. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI), Fund 1, Inventory 1, File 96.*
13. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI), Fund 1, Inventory 1, File 34.*
14. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI), Fund 1, Inventory 1, File 342.*
15. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI), Fund 8660, Inventory 3, File 323.*
16. *State Archives of the Vologoda Region [GAVO], Fund 800, Inventory 1, File 12.*
17. *State Archives of the Russian Federation [GARF], Fund 5867, Inventory 1, File 26.*
18. *Krasnyy terror glazami ochevidtsev [Red Terror through Eyewitnesses], Volkova, S. V., Ed., Moscow: Ayris-press, 2009*
19. Kubasov, A. L., *Kontsentratsionnyye lagerya na severe Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny [Concentration Camps in the North of Russia during the Civil War], Novyy istoricheskiy vestnik, 2009, no. 20 (2), pp. 58-64.*
20. Melgunov, S. P., *Krasnyy terror v Rossii [The Red Terror in Russia], Moscow: PUICO, 1990.*
21. *Obrashcheniye byvshikh ofitserov [Appeal of Former Officers], Izvestiya Arkhangel'skogo revkoma, Mart 17, 1920.*
22. *Ob'yavleniye komissara N. Kuz'mina [Announcement of the Commissioner N. Kuzmin], Izvestiya Arkhangel'skogo revkoma, February 28, 1920.*
23. *Otchet otdela upravleniya 4-mu Gubernskomu s'yезdu Sovetov [Report of the Department of the Office to the Fourth Provincial Congress of Soviets], Izvestiya Arkhangel'skogo Revkoma, August 2, 1920.*
24. *Rasstrely v Arkhangel'ske [Shootings in Arkhangelsk], Vremya [Berlin], Mart 7, 1921.*

27. Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. КМ –5183/6 Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. КМ –5183/6.

25. Terskiy, A., Belyye u krasnykh [Whites at the Reds], *Novoye russkoye slovo*, September 5, 1969.

26. Troshina, T. I., "Internirovannaya Krasnaya Armiya" v Germanii v 1920-1921 godakh. Ob odnom poluzabytom epizode Grazhdanskoy voyny ["The Interned" Red Army in Germany in 1920-1921. About One Half-Forgotten Episode of the Russian Civil War: monograph.]: monograph, Arkhangelsk: Izdatel'skiy tsentr Severnogo (Arkticheskogo) universitea, 2016.

27. *Funds of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve [FKGIAMZ]*, КМ –5183/6.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Трошина, Т. И. Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920-1921) [Электронный ресурс] / Т. И. Трошина // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 19-27. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Troshina.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Troshina T. I., Fil'tratsionnye i kontsentratsionnye lagerya dlya plennykh belogvardeytsev na severe Rossii (1920-1921) [Filtration and Concentration Camps for Prisoners of the Civil War in the North of Russia (1920-1921)], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 19-27. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Troshina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КИЯШКО Никита Витальевич
секретарь комиссии по канонизации святых
Екатеринодарской епархии
магистрант исторического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Краснодар, Россия

Nikita V. KIYASHKO

Secretary, Commission for the Canonization of Saints,
Ekaterinodar Diocese,
M. A. Student, Faculty of History,
Moscow State University,
Krasnodar, Russia
kiyashkonv@gmail.com

Красный террор в годы Гражданской войны на Кубани: новые документы и материалы

В статье на основе архивных материалов рассмотрено несколько эпизодов красного террора в отношении православного духовенства в годы Гражданской войны на Кубани. Анализируя возможности коммеморативных практик, автор отмечает необходимость модификации исторической памяти с привлечением новейших материалов и документов, позволяющих восстановить драматические фрагменты национальной истории. На основании выявленных документов приведены новые имена священнослужителей, ставших жертвами масштабного гражданского противостояния, носившего стихийный характер. Введение в научный оборот подлинных свидетельств и новых материалов о жертвах террора актуализирует проблемы гражданского согласия в осмыслении столь сложной и противоречивой темы, способствует формированию мест памяти и разрушению стереотипов о Гражданской войне.

Ключевые слова: красный террор, Кубань, Черноморье, Екатеринодар, Кубанская епархия, Русская православная церковь, Гражданская война, священнослужители, С. П. Мельгунов.

Red Terror during the Russian Civil War in Kuban: New Documents and Materials

In the article on the basis of archival materials several episodes of the Red Terror against the Orthodox clergy during the Civil War in the Kuban were considered. Analyzing the possibilities of commemorative practices the author notes the need to modify historical memory with the use of new materials and documents that allow the restoration of dramatic fragments of national history. Based on the documents revealed new names of clergymen who became victims of a large-scale civil confrontation which was spontaneous in nature are given. The introduction into scientific circulation of genuine testimonies and new materials about the victims of terror actualizes the problems of civil harmony in understanding such a complex and controversial topic, contributes to the formation of places of memory and to the destruction of stereotypes about the Civil War.

Keywords: Red Terror, Kuban, Black Sea Region, Ekaterinodar, Kuban Diocese, Russian Orthodox Church, Civil War, priests, Sergey P. Melgunov.

Наступивший 2018 год проходит под знаком печального для нашей страны 100-летия Гражданской войны, ставшей мощным социальным катаклизмом в России XX столетия. Достаточно давно в фокусе современной исторической науки оказалась сфера изучения и сохранения исторической памяти, благодаря чему стало возможным новое осмысление социо-культурных предпосылок революций 1917 г. и Гражданской войны. При этом важной частью процесса изучения выступают не только сохранение человеческой памяти, т. е. коммеморация, но и ее осторожная модификация на основе достоверных исторических источников. Как известно, феномен памяти заключается в ее существовании по внутренним законам, она менее всего озабочена выявлением объективной истины [13, с. 172], поэтому ее сочетание с документальной историей необходимо прежде всего для дальнейшего сохранения.

Восприятие Гражданской войны современным обществом неразрывно связано не только с тяжелейшими вооруженными столкновениями, но и с жестоким террором, а сохранение памяти о его жертвах выступает своеобразным долгом памяти современного общества. Террор как вид физического демонстративного насилия применялся не только красными, но и белыми (правда, чаще всего в качестве ответной меры). Как известно, террор возникает в период глубочайшего кризиса власти, восстаний и революций. В настоящее время среди историков существуют два подхода в определении начала красного террора: первая группа рассматривает его как репрессивную политику советской власти, начавшуюся с локальных самосудов 1917 г. [12], вторая же видит его началом постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре», принятое в качестве ответной меры на белый террор [2, с. 47]. Исходя из источников, которые будут приведены в этой статье, представляется более обоснованным первый подход, согласно которому начало террора наступило в 1917 г., а непосредственно на Кубани – в начале 1918 г.

Проблема красного террора и его динамики уже неоднократно рассматривалась (см. [3] [14] [15] [19] [22]) и не является целью на-

стоящего исследования. В рамках настоящей статьи речь пойдет о красном терроре против православного духовенства на Кубани. Необходимо отметить, что настоящий аспект еще не до конца проанализирован историками, значительным препятствием для работы которых является сильная разрозненность материалов. Думается, что введение в научный оборот новых документов и имен жертв террора позволит привлечь внимание гражданской и научной общественности к этому болезненному периоду отечественной истории.

Трагичное 100-летие красного террора актуализирует обращение научной общественности и исследователей к проблеме жертв Гражданской войны, среди которых были священнослужители Православной Церкви. «Считывание» образов памяти о терроре периода Гражданской войны уже практически невозможно: память обезличена, размыта и меморизирована под влиянием советской идеологической машины. В этом случае восстановление забытых имен священнослужителей-жертв террора становится одним из эффективных инструментов модификации памяти. Преодоление трагического опыта, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 г., положивших начало красному террору, сегодня возможно благодаря эффективному взаимодействию государства с общественными организациями и Русской Православной Церковью [11]. Благодаря исследовательскому потенциалу епархиальных Комиссий по канонизации святых возвращаются утерянные памятью имена многих священнослужителей, пострадавших в те годы, некоторые из них упомянуты в настоящей статье.

Красный террор против духовенства в пределах Кубанской области и Черноморской губернии представлял собой стихийное бессистемное локальное явление, чаще всего инициируемое революционными боевыми отрядами. Как отмечал С. П. Мельгунов, в провинции «террор подчас принимал исключительно зверский характер» [15, с. 111]. В подавляющем большинстве случаев акторами террора выступали командиры или солдаты красных революционных полков, проводившие карательные экспедиции по станицам и

хуторам. Советы, состоявшие из местных жителей, в большинстве своем не были готовы к проведению карательных мер против известных и уважаемых в станицах священнослужителей, чем и объясняется активное участие в этих процессах карательных революционных отрядов.

Так, например, в отношении священника станицы Темнолесской Василия Кудрявцева местный совет в начале 1918 г. предпринимал лишь административные меры (контроль доходов, запрет проповедей), но с вступлением в станицу 27 июня Дербентского революционного полка он был арестован и приговорен к немедленной казни, которую, к счастью, не успели осуществить [5, л. 54]. Стихийные революционные отряды часто получали названия по местности их формирования (Тихорецкий, Ахтарский полки), но имели место и названия по фамилиям командиров (Болохова, Лебедева и др.).

Анализируя опубликованные М. Польским данные о жертвах террора и выявленные новые документы, можно утвердительно назвать имена 32 священнослужителей, пострадавших на Кубани и Черноморье в 1918 г.: священники станицы Удобной Федор Березовский, станицы Пластуновской Георгий Бойко, станицы Спокойной Александр Бубнов, станицы Убинской Аркадий Добровольский, Екатеринославского полка Кубанского казачьего войска Николай Домбровский, станицы Барсуковской Григорий Златорунский, станицы Попутной Павел Иванов, станицы Вознесенской Алексей Ивлев, станицы Поповичевской Василий Ключанский, станицы Должанской Иоанн Краснов, города Геленджика Владимир Лаванов, станицы Усть-Лабинской священномученик Михаил Лисицын, села Калиновского Иоанн Максимов, хутора Папайки Иоанн Малахов, станицы Новошербиновской Алексей Мелиоранский, станицы Кореновской Петр Назаренко, Марие-Магдалининского женского монастыря Григорий Никольский, Адагумо-Азовского полка Кубанского казачьего войска Михаил Пендо, станицы Владимирской Александр Подольский, станицы Незамаевской священномученик Иоанн Пригоровский, станицы Некрасовской Георгий Руткевич, станицы Поповичевской Николай Соболев, станицы

Придорожной Петр Танцюра, станицы Ключевой Моисей Тырышкин, станицы Георгие-Афипской священномученик Александр Флегинский; диаконы станицы Успенской Котлов, станицы Батуриной Михаил Кузь, станицы Урупской Василий Нестеров, станицы Ахтанзовской Косьма Самборский и псаломщик станицы Восточной Александр Донецкий. Так же выявлены материалы о смерти священника слободы Григорьевской, но его имя на настоящий момент не установлено.

Биографические данные о некоторых из названных священнослужителей представлены в ранней публикации автора [15]. В связи с выявлением новых документов и имен жертв террора представляется актуальным обратиться к этим фактам.

Одним из первых священнослужителей жертвой террора на Кубани стал священник станицы Кореновской Петр Максимович Назаренко. 18 февраля 1918 г. во время штурма большевиками станицы он, стремясь любым способом остановить кровопролитие, служил в храме молебен об умиротворении междоусобной брани. Как только большевики прорвали оборону и ворвались в Кореновскую, был пущен слух, что священник служит молебен о даровании победы «кадетам». В священническом облачении его вытащили из храма на площадь, где он, услышав о готовящемся расстреле местных казаков, с крестом в руках стал на колени, умоляя солдат прекратить убийства. Ему закричали, чтобы он бросил крест, но он ответил, что умрет с крестом у груди, тогда один из красноармейцев выхватил у него крест из рук, и священник был расстрелян в упор [8, л. 446, 446 об.]. Его погребение состоялось через два дня, 20 февраля, о чем свидетельствует запись в метрической книге.

Обстоятельства смерти священника П. М. Назаренко стали известны из заявления члена Поместного собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. от Ставропольской епархии Я. Д. Сперанского от 7 апреля 1918 г., который ошибочно отнес описание кончины к личности «священника станицы Платнировской Волоцкого» [6, л. 475, 476 об.]. На ошибку Я. Д. Сперанского указывает свидетельство священника И. Гревцова, делегата от Ставропольско-Кубанского епархиального

собрания, назвавшего это известие «сомнительным» и сообщившего о том, что «в действительности пострадал сослуживец священника Волоцкого по приходу». Другой ошибкой так же было указание на служение в станице Платнировской священника Н. А. Волоцкого. Основываясь на данных клировых ведомостей, можно однозначно утверждать, что он не служил в Платнировской, поскольку с 1900 г. был клириком Успенского храма станицы Кореновской [9, л. 76 об., 77]. Таким образом, подлинным «сослуживцем по приходу» Н. А. Волоцкого был священник П. Назаренко, чья смерть зафиксирована в метрической книге.

В этом же месяце на железно-дорожной станции Ладожской были убиты священники Адагумо-Азовского полка Кубанского казачьего войска Михаил Антонович Пендо и Екатеринославского полка Николай Федорович Домбровский. 27 февраля 1918 г. прибывший на железно-дорожную станцию Армавир Адагумо-Азовский полк был разоружен, а штабных офицеров вместе с священником М. Пендо арестовали и заключили в тюрьму. Впоследствии при переезде большевистского Кубанского областного исполнительного комитета из Армавира в Екатеринодар, 6 марта, члены командного состава обоих полков вместе с священниками М. Пендо и Н. Домбровским были расстреляны на станции Ладожской солдатами 2 Северо-Кубанского полка [4] [17, с. 214-225].

В станице Батуриной 13 марта на стихийном митинге местными большевиками был осужден диакон Михаил Яковлевич Куць за то, что продал лошадь человеку, вступившему впоследствии в ряды Добровольческой армии, но решением большинства собравшихся он «был помилован и отпущен домой». На следующий день в станицу прибыл карательный отряд, возглавляемый местным жителем Ильиным, который по расстрельному списку, составленному Батуринским советом, провел серию арестов зажиточных казаков, арестовав также священника Георгия Петровского и диакона Михаила. Как следствие стихийности и неконтролируемости действий отряда, над арестованными жестоко издевались, заставляя раздетыми до белья маршировать шеренгой по площади. Под руководством того

же Ильина был сформирован революционный трибунал, разместившихся в доме священника, который приговорил диакона отца Михаила и одного из казаков к смерти через расстрел. После убийства тела жертв были сброшены в реку Бейсуг [5, л. 110об, 111].

24 марта в станице Георгие-Афипской, красными солдатами станичного гарнизона, спешно отступавшими после неудачной попытки удержать станицу во время ее штурма Добровольческой армией, был убит местный благочинный священномученик Александр Флегинский, прославленный Русской Православной Церковью в лике новомучеников 4 мая 2017 г. [10]

Одной из самых жестоких расправ стала карательная экспедиция большевиков, проведенная в ответ на т. н. Ейское восстание и попытку захвата казачьими отрядами г. Ейска с 30 апреля по 1 мая, ее жертвами стали священнослужители и многочисленные казаки [1]. Через несколько дней после поражения главного казачьего отряда в станицу Новоцербинскую, сдавшейся большевикам последней, прибыл ейский отряд матросов. 18 мая был арестован местный священник Давид Чубов и вызван на допрос, целью которого являлись поиски оружия у священника. Не обнаружив каких-либо доказательств вины, матросы его отпустили священника. В тот же вечер по требованию штаба красной дивизии (располагался в станице Староминской) местным советом отец Давид был вновь арестован, а чуть позже арестовали еще священника Алексея Мелиоранского и еще 12 казаков. На следующий день с утра до 13 ч. дня местный совет проводил суд над арестованными, из которых только 4 человека были признаны виновными, но все оставлены под арестом до прибытия карательного отряда. Вечером, около 6 ч., к станице прибыл отряд Лебедева, который должен был на месте контролировать рассмотрение дел арестованных. По свидетельству самого священника Д. Чубова, «в 7 час. послышался шум в правлении и мы услышали: «А арестованные где?», и к каземату подошла группа красных. «Отпирай», - и при этом оч. крутое нецензурное ругательство, вошли в каземат. «А, орлы Кубани!». «Ты кто?», - ответ арестованного и реплика: «будешь расстрелян». Когда дошла очередь

до меня, то, не спрашивая – кто я, большевик сказал: «А ты поп?». «Нет, - отвечаю, – священник». «Тебя сейчас пристрелю», - и красный во-яка вынул револьвер, приложил дуло к моему виску, а потом почему-то раздумал и сказал: «Не хочу мараться, завтра получишь свою порцию». Шесть таких посещений претерпели мы до 10 час. вечера, пока красные уgomонились. Сколько издевательств, сколько оскорблений, сколько плевков в лицо досталось каждому из нас и сказать нельзя, но как-то к этому все относились безучастно; мы считали себя почти мертвыми, смертниками и как-то эти оскорбления и издеательства как бы скользили мимо нашего сознания» [23, с. 15-18].

В ночь с 19 на 20 мая на непродолжительный допрос был вызван отец А. Мелиоранский, а после него потребовали Д.Чубова. Совет депутатов, разбиравший дело о восстании, разместился в здании школы. «Когда меня подвели к классной комнате, где заседал совдеп – вспоминал отец Давид, – то суждение об о. Алексее еще не было закончено и меня остановили около двери классной комнаты. Не могу точно определить сколько прошло минут как я ожидал, но скоро по корридо-ру началась беготня красных: они забегали в классные комнаты, которые им были отведены для поста и оттуда с винтовками спешили из здания школы. Недоуменно наблюдал я эту картину, как вдруг около меня оказался часовой, стоявший у каземата с арестованными и страшно взволнованный зашептал мне: «Батюшка, спасайтесь. Убили о. Алексея, убили Кадькало и Гришко, Вас шукают убить, спасайтесь». В этот момент отец Давид вошел в класс, в котором заседал совет, и кто-то из многочисленных его членов, стоявших там, шепнул ему: «Скиньте подрысник». «Я скинул, кто-то взял его и, скомкав, засунул в парту, а меня втянул между совдепчиков и заставил сесть. Едва я успел это проделать, как в зал заседания совдепа ворвалось 5 вооруженных большевиков, во главе с Замотой (красный сотенный командир, казак ст. Новолеушковской), со словами: «здесь поп?». Несмотря на близость вошедшего к отцу Давиду, он не был признан. Из-за стола встал представитель карательного отряда, который сказал: «...идите и ждите, все равно все арестованные не уйдут

от вас, для того и мы здесь сидим; вы же знаете, что ни один поп еще не выскочил из наших рук; пусть здешние их сами судят, а мы не дадим им их оправдать». Было дано приказание усилить охрану арестованных, чтобы не допустить самосуда солдат отряда.

Когда солдаты вышли, председатель совета депутатов, обращаясь к отцу Давиду, сказал: «Пожалуйста, батюшка, дайте показание». «Признаете ли себя виновным?», – спросил он. «Я не знаю, в чем я обвиняюсь», – ответил священник. «Вы обвиняетесь в том, что выдали восставшим казакам два пулемета и мешок пулеметных лент». «Нет, виновным себя не признаю», - сказал отец Давид и обратился к членам совета, - «Граждане! Все вы, вольно или невольно, но были участниками восстания, скажите: со сколькими пулеметами вы выступали на фронт?». «С одним», – раздался ответ. Священник продолжил: «При правлении нашем, вы знаете, был один пулемет, привезенный с фронта урядником таким-то, теперь комиссаром по военным делам нашей станицы. Если я еще дал два пулемета, то где же они? Почему их не взяли в бой? Ведь пулемет такое ценное оружие в бою, что ни один разумный боевой начальник не пойдет в бой, оставив без внимания такое оружие. Ясно, их не взяли потому, что их и не было; ясно, что и я их не передавал, да и не имел возможности пулеметы привезти с фронта... Вы, граждане, видите, что кто-то очень неумно придумал обвинить меня в страшном преступлении против существующей власти, но обвинение это не выдерживает самого простого объяснения, и я надеюсь, что, судя по совести, вы меня оправдаете». Выслушав показания, священнику предложили идти, и он шепотом попросил председателя дать надежную охрану. Он сказал громко: «Идите», – а потом шепотом добавил – «Мы и сами не знаем, будем ли живы до утра». Вернувшись в каземат, находившийся в здании станичного правления, отец Давид узнал от заключенных, что в его отсутствие к ним ворвался Замота (сотенный командир) и, вызвав отца Алексея, тут же пристрелил его в упор из револьвера, а затем начал искать и его.

На следующий день карательный отряд Лебедева вышел из станицы, увезя с собой всех арестованных кроме священника Д.Чубо-

ва, оправданного советом [16, с. 3] [6, л. 3, 3 об.] [23, с. 21-24].

В июне 1918 г. был убит священник станицы Убинской Аркадий Захарьевич Добровольский. 14 июня 1918 г. отрядом большевиков, захвативших станицу Убинскую, он был арестован и, по свидетельству священника-преемника, «отправлен в г. Екатеринодар». Но по пути конвоировавшие его солдаты изменили движение и отправились в сторону станицы Ильской через Азовскую и Северскую. Проехав Северскую и, находясь на середине пути к Ильской, каратели зверски убили отца Аркадия. Через несколько дней после убийства зарытое тело священника было обнаружено собаками, а о виде захоронения в документах указывалось – «закопан согнутый (голова в коленях)». Атаман станицы Северской позже сообщил, что «из освидетельствования ямы, в которой был зарыт священник, можно полагать, что он был сломан, так как яма представляла собой квадратную яму в длину и ширину не больше аршина» [5, л. 177] [7, л. 26].

Жертвой террора в Черноморье стал настоятель Вознесенского храма г. Геленджика протоиерей Владимир Лаванов. На заключительном этапе Гражданской войны, к началу 1920 г. в горах за Геленджиком сформировался большой повстанческий крестьянский отряд, называвшийся «Зеленой советской армией». Жители сел и станиц Черноморской губернии, недовольные политикой А. И. Деникина, уходили в горы для формирования отрядов сопротивления. Некоторые из таких отрядов выступали под социал-демократическими лозунгами, при этом не признавая и новую советскую власть в регионе. 7 января 1920 г. одним из зеленых отрядов Геленджик практически без боя был захвачен. Еще за неделю до нападения зеленых по городу распространились слухи о предстоящем захвате и устранении существующей власти. По свидетельству очевидцев, офицерство, «будучи осведомлено о планах зеленых, отнеслось к этому очень индифферентно и не сделало никаких попыток к организации своих собственных сил». Ворвавшись в город, отряды

зеленых стали грабить и арестовывать представителей городской администрации по заранее составленным спискам. Некоторых из арестованных казнили сразу же, а других направляли для допросов в штаб, а затем перевозили в горы [18, с. 2].

Утром 9 января вооруженной группой из прибывшего отряда был арестован в собственном доме протоиерей Владимир. Каратели заранее приняли решение о немедленном убийстве священника, которому невозможно было предъявить никакого формального обвинения. С грубой бранью, оскорбляя и унижая, каратели наносили отцу Владимиру удары шашками и штыками винтовок. Опьяненные жадной кровью, восставшие разрубили ему ухо, нанесли большой разрез на левой стороне ребер, штыками проткнули шею и левую руку. С целью не дать священнику перекреститься, каратели отрубили отцу Владимиру на правой руке безымянный палец, а средний, указательный и большой разрубили в длину [20, с. 2].

Смерть известного всей Черноморской губернии священника вскоре стала повсеместно известна: 17 января в г. Новороссийске в Никольском кафедральном соборе пир большим стечением народа епископом Черноморским Сергием (Петровым) была совершена заупокойная Божественная Литургия и панихида по убиенному протоиерею [21, с. 4].

С захватом 1 марта 1920 г. Красной Армией г. Екатеринодара формально завершила длившееся два года противостояние с Добровольческой армией А. И. Деникина. Продолжавшиеся еще до осени боевые действия носили преимущественно локальный характер и, в большей степени, выступают отголосками Гражданской войны. Повсеместное утверждение власти «победившего пролетариата» положило конец стихийному неконтролируемому красному террору, который навсегда остался кровоточащей раной в памяти населения Кубани. Несмотря на размытость этого периода в исторической памяти, обращение к проблеме красного террора остается актуальным, а восстановление имен его жертв служит нашей данью памяти всем трагически погибшим в те страшные годы.

Использованная литература:

1. Артюхин Ю. В., Шананин С. П., Орехова Г. Ф., Гальченко О. В. Новые данные о восстании и походе казаков Ейского отдела на город в конце апреля-начале мая 1918 г. // Кубанский сборник: сб. науч. статей и материалов по истории края / под ред. О. В. Матвеева, Г. В. Кокунько. Краснодар, 2014. Т. V (26). С. 1-14.
2. Архипов Ю. С., Хайкин Я. З. Логика истории и практика марксизма в России // Философские исследования. 2007. № 3. С. 47-57.
3. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
4. Вольная Кубань. 1919. 16 февраля. № 39.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 34.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 41.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 563.
9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 72. Д. 1288.
10. Канонизированы кубанские священномученики Александр Флегинский и Михаил Лисицын [Электронный ресурс] // Комиссия по канонизации святых Екатеринодарской епархии. URL: <http://kanonkuban.ru/kanonizirovany-kubanskie-svyashhennomucheniki-aleksandr-fleginskij-i-mixail-lisicyn/> (дата обращения 03.05.18).
11. Кияшко Н. В. Память о новомучениках в дискурсе региональной церковной истории // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1(2). С. 78.
12. Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.
13. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории: Материалы из цикла семинаров при поддержке Democracy Programme TACIS. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167-190.
14. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во, 1995.
15. Мельгунов С.П. Красный террор в России. New York: Brandy, 1979.
16. Наша искра. 1918. 4 июня.
17. Небавский А. А., Кияшко Н. В. Положение Церкви на Кубани в период Гражданской войны: мученические подвиги духовенства // «Желавший истинно славы Отечества своего...»: материалы XII Междунар. Дворянских чтений. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 214-225.
18. Под властью бандитов // Черноморский маяк. 1920. 16 января. № 410.
19. Почешхов Н. А. Гражданская война на Кубани (1917-1920 гг.): «цвета террора» // Диалоги с прошлым: исторический журнал. Майкоп. 2006. № 4. С. 29-34.
20. Свящ. В. И. Лаванов // Черноморские губернские ведомости. 1920. 17 (30) января. № 139.

References:

1. Artyukhin, Yu. V., Shananin, S. P., Orekhova, G. F. and Gal'chenko, O. V., *Novyye dannyye o vosstanii i pokhode kazakov Eyskogo otdela na gorod v kontse aprelya-nachale maya 1918 goda* [New Data on the Uprising and the Campaign of the Cossacks of the Yeisk Division to the City in Late April-Early May 1918], in *Kubanskiy sbornik: sb. nauch. statey i materialov po istorii kraya*, Matveyev, O. V. and Kokun'ko, G. V., Eds., Krasnodar: Kniga, 2014. vol. 5 (26), pp. 1-14.
2. Arkhipov, Yu. S. and Khaykin, Ya. Z., *Logika istorii i praktika marksizma v Rossii* [Logic of History and Practice of Marxism in Russia], *Filosofskiye issledovaniya*, 2007, no. 3, pp. 47-57.
3. Buldakov, V. P., *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence], Moscow: ROSSPEN, 1997.
4. *Vol'naya Kuban'* [Free Kuban], 1919, 16 fevralya, no. 39.
5. *State Archives of the Russian Federation [GARF]*, Fund R-470, Inventory 2, File 10.
6. *State Archives of the Russian Federation [GARF]*, Fund R-470, Inventory 2, File 34.
7. *State Archives of the Russian Federation [GARF]*, Fund R-470, Inventory 2, File 41.
8. *State Archives of the Russian Federation [GARF]*, Fund R-3134, Inventory 1, File 563.
9. *State Archives of the Stavropol Region [GASK]*, Fund 135, Inventory 72, D. 1288.
10. Kanonizirovany kubanskiye svyashhennomucheniki Aleksandr Fleginskiy i Mikhail Lisitsyn [Kuban Holy Martyrs Alexander Fleginsky and Mikhail Lisitsyn are Canonized], in *Komissiya po kanonizatsii svyatykh Ekaterinodarskoy eparkhii*. <http://kanonkuban.ru/kanonizirovany-kubanskie-svyashhennomucheniki-aleksandr-fleginskij-i-mixail-lisicyn/>. Accessed May 3, 2018.
11. Kiyashko, N. V., *Pamyat' o novomuchenikakh v diskurse regional'noy tserkovnoy istorii* [Memory of the New Martyrs in the Discourse of Regional Church History], *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*, 2017, no. 1(2), pp. 78.
12. *Krasnyy terror v gody grazhdanskoy voyny: po materialam Osoboy sledstvennoy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bol'shevikov* [The Red Terror during the Civil War: Based on the Materials of the Special Investigative Commission for the Investigation of the Atrocities of the Bolsheviks], Fel'shtinskiy, Yu. G., Ed., Comp., London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.
13. Levi, G., *K voprosu o mikroistorii* [On the Issue of Microhistory], in *Sovremennyye metody predpavaniya noveyshey istorii: Materialy iz tsikla seminarov pri podderzhke Democracy Programme TACIS*, Moscow: IVI RAN, 1996, pp. 167-190.
14. Litvin, A. L., *Krasnyy i belyy terror v Rossii. 1918-1922 gody* [Red and White Terror in Russia. 1918-1922], Kazan: Tatarskoye gazetno-zhurnal'noye izd-vo, 1995.
15. Mel'gunov, S. P., *Krasnyy terror v Rossii* [The Red Terror in Russia], New York: Brandy, 1979.
16. *Nasha iskra* [Our Spark], 1918, 4 iyunya.
17. Nebavskiy, A. A. and Kiyashko, N. V., *Polozheniye Tserkvi na Kubani v period Grazhdanskoy voyny: muchenicheskiye podvigi dukhovenstva* [The Situation of the

21. Убийство священника Лаванова // Русское время. 1920. 17 января. № 13.
22. Черкасов А. А., Чекерес О. Ю. К вопросу о Красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920-1922 гг. // История и историки в контексте времени: Сб. научн. тр. Вып. 2. Краснодар-Сочи, 2004. С. 55-73.
23. Museum of Russian Culture (San Francisco, USA). Чубов Д. Краткое изложение биографических сведений (автобиография) о протоиерее Давиде Чубове. Брюссель, 1936. Рукопись. С. 21-24.
18. Church in the Kuban during the Russian Civil War: Martyrdom of the Clergy], in "Zhelavshiy istinno slavy Otechestva svoyego...": materialy XII Mezhdunar. Dvoryanskikh chteniy, Krasnodar: Ekoinvest, 2016, pp. 214-225.
19. Pod vlast'yu banditov [Under the Rule of Bandits], *Chernomorskiy mayak*, 1920, 16 yanvarya, no. 410.
20. Pocheshkhov, N. A., Grazhdanskaya voyna na Kubani (1917-1920 gody): "tsveta terrora" [Civil War in Kuban (1917-1920): "Colors of Terror"], *Dialogi s proshlym: istoricheskiy zhurnal*, 2006, no. 4, p. 29-34.
21. Svyashch[ennik] V. I. Lavanov [Priest V. I. Lavanov], *Chernomorskiye gubernskiye vedomosti*, 1920. 17 (30) yanvarya, no. 139.
22. Ubiystvo svyashchennika Lavanova [The Murder of the Priest Lavanov], *Russkoye vremya*, 1920, 17 yanvarya, no. 13.
23. Cherkasov, A. A. and Chekeres, O. Yu., K voprosu o Krasnom terrore na territorii Kubani i Chernomor'ya v 1920-1922 godakh [On the Issue of the Red Terror on the Territory of the Kuban and the Black Sea in 1920-1922], *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni: Sb. nauchn. tr.*, vol. 2, Krasnodar-Sochi, 2004, pp. 55-73.
24. Museum of Russian Culture (San Francisco, USA), Chubov, D., Kratkoye izlozheniye biograficheskikh svedeniy (avtobiografiya) o protoiyereye Davide Chubove [A Brief Account of the Biographical Information (Autobiography) about Archpriest David Chubov], Bryussel', 1936, Rukopis', pp. 21-24.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кияшко, Н. В. Красный террор в годы Гражданской войны на Кубани: новые документы и материалы [Электронный ресурс] / Н. В. Кияшко // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 28-35. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Kiyashko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kiyashko, N. V., Krasnyy terror v gody Grazhdanskoy voyny na Kubani: novye dokumenty i materialy [Red Terror during the Russian Civil War in Kuban: New Documents and Materials], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 28-35. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Kiyashko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ЧЕНКЕЛИДИ Василий Константинович
член Комитета понтийских исследований
Афины, Греция
Vasiliy K. CHENKELIDI
Member, Committee for Pontic Studies,
Athens, Greece
tсенkelidis@gmail.com

Греки Кубани и Черноморья в годы Гражданской войны (1918-1920)

В статье раскрываются проблемы, с которыми столкнулись проживающие здесь греки в период Гражданской войны 1918-1920-х гг. Автор анализирует внутрироссийские и внешние обстоятельства, приведшие к мощным переселенческим процессам понтийских греков в исследуемый период, раскрывает влияние событий 1918-1923 гг. в Малой Азии – попыток создания греками Понта самостоятельного государства, гонений на христиан со стороны турок – на положение греческого населения в России. Обращается внимание на возникшие в годы Гражданской войны социальные противоречия внутри греческого общества, которое являлось частью российского общества и отражало общероссийские социальные-политические процессы. При этом отмечается тесная взаимосвязь понтийских греков независимо от места их проживания, свидетельствующая о сохранении ими выраженной этнической самоидентификации, культурной и исторической памяти.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Кубань и Черноморье, греки, понтийские греки, Восточный Понт, Трапезунд, Карская область, гонения на христиан в Малой Азии, переселение понтийских греков.

The Greeks of Kuban and the Black Sea Region during the Russian Civil War (1918-1920)

The article reveals the problems faced by the Greeks who lived in the Kuban Region and the Black Sea Region during the Russian Civil War 1918-1920. The author analyzes the circumstances inside and outside Russia that led to the powerful resettlement processes of the Pontic Greeks during the period under study, The impact of the events of 1918-1923 in Asia Minor – the attempt to create an independent state by the Greeks of Pontus, the persecutions on Christians by the Turks – to the Greek population in Russia is revealed. Attention is drawn to the social contradictions that emerged during the Russian Civil War within the Greek society, which was part of the Russian society and reflected the Russian social and political processes. At the same time, the close relationship between the Pontic Greeks is noted, regardless of their place of residence, which indicates the preservation of their expressed ethnic self-identity, cultural and historical memory.

Keywords: Russian Civil War, Kuban and Black Sea Region, Greeks, Pontic Greeks, East Pontus, Trapezund, Kars Oblast, persecutions on Christians in Asia Minor, resettlement of Pontic Greeks.

Гражданская война, начавшаяся в 1918 г. в России, застала греческое население Кубани и Черноморья в сложной ситуации: одновременно с разгоравшимися масштабными вооруженными действиями противоборствующих сторон российского общества, частью которого были греки, здесь начались мощные переселенческие процессы, вызванные как внутренними обстоятельствами, связанными с Гражданской войной, так и внешними, а именно гонениями на христиан в Малой Азии.

В это время на Юге России как постоянно, так и временно проживало большое количество греков разных волн переселения. Основную их часть составляли подданные Российской империи, но многие греки находились в греческом или турецком подданстве. После революций 1917 г. из-за нестабильного политического и экономического положения наметился отток греческого населения из России. Однако уже в начале 1918 г. на территорию российского Кавказа, и в том числе в Кубанскую область и Черноморскую губернию, хлынула волна греческих беженцев из Восточного Понта (Трапезунда) и Карской области Закавказья, переданных советским правительством Османской империи по условиям Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г. Кубань и Черноморье принимали греческих переселенцев в течение 1918-1923 гг.

Выбор этих территорий в качестве пристанища имел историческую обусловленность. Кубанская область и Черноморское побережье были одними из основных направлений для переселения греков из иноверной Османской империи в единоверную Российскую империю еще во второй половине XIX в. Но и до этого в России проживали греки, переселившиеся в Россию в более ранний период, в основном в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. Массовое же образование греческих поселений на Кубани датируется 60-ми гг. XIX столетия и связано оно было с окончательным присоединением Северного Кавказа к Российской империи после победы в Кавказской войне и принятием императором Александром II специального положения от 27 февраля 1862 г., согласно которому были определены условия переселения христиан из Турции.

В этот период на Кубани и Черноморье сформировались греческие общины, преимущественно состоящие из понтийских греков. В частности, выходцами из Восточного Понта были основаны общины в районе Анапы и Витязево. [2, с. 51] Согласно архивным данным расселение происходило следующим образом: в Витязевской - 150 семей, в Анапе - 150 семей, на Благовещенском степке - 50 семей, у Суджукской бухты - 100 семей [3, с. 39].

В 1864 г. на месте заброшенного селения Мерчан (современный Крымский район Краснодарского края) греками было образовано село Мерчанское, в котором обосновались выходцы из Трапезунда и его окрестностей (Приморский Понт, Южное Причерноморье), именуемые трапезундскими греками, и из селения (или местности) Апеш (Никополи, Сабин Карахисар), именуемые апешскими греками. Сформировавшаяся с течением времени в селе Мерчанское общность трапезундских и апешских переселенцев и их потомков получила название мерчанских греков. Примечательно, что и в наши дни греки - выходцы из этого села известны именно как мерчанские греки. [3, с. 13, 14]

Греки России органично вписались в российскую действительность и занимали должности и посты на разных уровнях государственной власти, в армии и во флоте. [1, с. 252] Многие греки, в том числе с иностранным подданством (турецким и греческим), принимали активное участие в жизни российского общества в период между двумя революциями и в годы Гражданской войны. Так греки из станицы Крымской, где было «более 2000 эллинов греческого и турецкого подданства», 23-24 июня 1917 г. приняли участие в Съезде иногородних Кубанской области. В результате работы съезда греки получили 5 мест в Совете и 3 места в исполнительном комитете. [5, с. 53]

Несмотря на то, что, как упоминалось выше, после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и во время Гражданской войны началось перемещение греческого населения с юга России в Грецию, все же большая часть греков предпочитала оставаться в России, связывая свои корни с Причерноморьем. [6, с. 152] В этой связи интересен случай, когда грек, житель села Витязево Илиопуло (Ильин)

Георгий Иванович в 1918 г. уехал из России в Грецию. И уже там, в Греции, он стал коммунистом, а в 1965 г. окончательно переехал в СССР. [6, с. 197]

Возвращаясь к положению греков на Кубани и Черноморье в начале Гражданской войны, следует отметить, что в то время как часть их стремилась уйти из нестабильной России, другая - пыталась найти спасение в ее пределах. Место покидавших Россию греков занимали их сородичи из Понта, подвергавшиеся уничтожению в Османской империи со стороны турок. Так, история греков, проживающих на российской территории, оказалась тесно связанной с историей греков Понта, а трагические события, развернувшиеся на территории Малой Азии в 1918-1923 гг., оказали прямое воздействие на исторические процессы в России.

После ухода русских войск в феврале-марте 1918 г. из Восточного Понта и Карской области турки заняли центральный город Трапезунд, где власть весь период нахождения там Русской армии (апрель 1916 г. – март 1918 г.) принадлежала греку Митрополиту Трапезунда Хрисанфу. Чтобы сразу же подавить очаги вооруженного греческого сопротивления, турецкие войска двинулись и горному региону Санта, жители которого были известны своим особым мужеством и героизмом. [11, с. 244] Опасность физического уничтожения вынудила греков покинуть эти регионы Османской империи. В поисках убежищ они направлялись в Грецию и Россию. Выбору последней в качестве места для переселения способствовал и тот факт, что на территории Понта в начале XX столетия проживали среди прочих греки, имевшие российское подданство и, соответственно, множественные и тесные связи с Россией [11, с. 241].

Массовое бегство понтийских греков на юг России, в том числе в Кубанскую область и Черноморскую губернию, вызванное гонениями со стороны турок, продолжалось вплоть до мая 1919 г. 19 мая 1919 г. в понтийский город Самсун прибыл офицер Османской армии Мустафа Кемаль паша, который усилил террор против христианского и прочего нетурецкого населения. [10, с.33]

В мае 1919 г. на западе Малой Азии в городе Смирна высадились Греческие войска, продвинувшиеся позже вплоть до Анкары. Присутствие Греческой армии вселило в греков надежду на восстановление независимого государства понтийцев, оккупированного турками-османами еще в 1461 г. [9, с. 39] Для организации сопротивления через Константинополь в Понт был прислан офицер Греческой армии Караискос. Однако предпринятые им попытки создать из притесняемых и уничтожаемых греков отряды не привели к успеху. [11, с. 251] С продвижением вглубь Малой Азии греческих войск количество переселенцев в Россию сократилось, более того – на родину в Понт возвратились около 100 тысяч беженцев. [10, с. 32] Вернувшиеся в родные дома греки в большинстве своем стали жертвами основной стадии геноцида, организованного Мустафой Кемалем (названного позже Ата-тюрком) в 1919-1923 гг. Оставшиеся в живых греки Понта и всей Малой Азии в 1923 г. по условиям Лозаннского договора были переселены в Грецию.

Тем временем, стремясь сохранить свое присутствие в древнейших очагах расселения понтийские лидеры предпринимали активные действия для создания Республики Понт. С этой целью был созван Первый Международный съезд понтийских греков в Марселе в феврале 1918 г., который призвал международное сообщество содействовать созданию Понтийской Республики. Вдохновителем идеи понтийской государственности стал коммерсант и общественный деятель Константинос Константинидис. Но призывы автохтонного населения Понта о помощи не были услышаны ни на Западе, ни в Советской России. 16 января 1920 г. премьер-министр Греции Элефтериос Венизелос сообщил Национальному Совету Понтийских Греков, что ни одна из великих держав того времени не берет на себя ответственность поддержать понтийскую идею. [11, с. 264] Грядущее национальное поражение в регионе Понта повлияло на уже подорванный дух понтийских греков. Переселение в Грецию, Россию и в страны Запада стало еще более активным.

При этом прибывавшие на юг России греки сразу же попадали в непростые условия

Гражданской войны, которая развела соотечественников по разные стороны баррикад. И с одной, и с другой стороны этого масштабного кровавого противостояния принимали участие наряду с другими народами России и греки.

В числе сторонников белого движения был кубанский грек Дмитрий Константинович Михайлопуло, известный попечитель библиотек и больниц, отец четверых казачьих офицеров. В возрасте двадцати лет он был зачислен в Кубанское казачье войско в станицу Ключевую 13 августа 1886 г. [7, с. 39] В конце своей служебной карьеры он исполнял должность полицмейстера Екатеринодара, был кавалером орденов Святой Анны 3 степени, Святого Владимира 4 степени и Греческого золотого креста кавалеров Королевского легиона Спасителя. В годы Гражданской войны Дмитрий Константинович служил в Добровольческой армии, в Вооруженных силах Юга России под командованием Деникина, созданных в ходе договоренности между генералами А. И. Деникиным и П. Н. Красновым 26 декабря 1918 г. Сыновья Дмитрия Константиновича также выступали на стороне белого фронта. [4, с. 39] Здесь нужно отметить, что Гражданская война в Кубанской области велась более двух лет и с упорством, которого не видели регионы Центральной России. В мае 1920 г. Гражданская война на Кубани была закончена поражением белого фронта. Дмитрий Константинович Михайлопуло в 1922 г. эмигрировал в Константинополь будучи в звании полковника.

Греки, поддержавшие Красную армию, после окончания войны принимали активное участие в утверждении новой власти. Имена многих из них сохранились. Так, Анастас Дмитриевич Мелисиди 28 марта 1920 г. был избран заместителем председателя ревкома ста-

ницы Нижнебаканской. В селе Мерчанском товарищем председателя созданного там 7 июля 1920 г. ревкома стал Панкратий Назлис. [5, с. 63] В июне 1920 г. в селах Греческое и Мерчанское были открыты библиотеки-читальни. 8 июля 1920 г. греки-интеллигенты села Мерчанского обратились в партком станицы Абинской о создании в селе коммунистической ячейки. В селе Греческом была создана ячейка из 7 человек. Известны слова из понтийских песен советского периода, сочиненных сторонниками новой власти в духе времени. «Я за серп и молот принесу себя в жертву», – так звучали слова в одной из народных греческих частушек. [10, с. 53]

В то же время причерноморские порты теперь уже Советской России продолжали принимать греческих переселенцев. Очередной массовый поток беженцев в Россию был вызван действиями карателей Топал Османа (Храмого Османа). Свое увечье Осман получил во время Балканских войн (1912, 1913 гг.). Обозленный на греков и в общем на христиан, он организовал отряды мародеров и карателей из числа беглых солдат из Османской армии и турецких националистов. Отряды Топал Османа были поддержаны десятитысячными армейскими формированиями. [11, с. 254]

Приток греческих беженцев из Понта остановился только к 1924 г., когда начался организованный обмен населением между Грецией и Турцией по условиям Лозаннского договора, подписанного в два этапа в январе и июле 1923 г. В этот период значительная часть российских греков переместилась в Грецию.

У греков, оставшихся в Советской России, сформировался свой собственный исторический путь, при этом их отток в Грецию не прекращался вплоть до конца XX века.

Использованная литература:

1. Греки и Россия (XVIII-XX вв.). Отв. ред. И. А. Николопулос., примеч. Г. Л. Арша. СПб.: Алетейя, 2007.
2. Казазов Ф. И. Витязево: страницы истории (часть 1). Краснодар: б.и., 2007.
3. Кайсиди (Мерчанлус) В. Понтокавказос (история греческой православной общины с. Мерчан-Мерчанского Кубанской области – Краснодарского края, 1884, 2014 гг.). Салоники: М.&К. Ант. Стамулис, 2015.
4. Кочериди Ю. Д. В боях Первой мировой: Россия,

References:

1. *Greki i Rossiya (XVIII-XX veka)* [The Greeks and Russia (18th-21th Centuries)], Nikolopulos, I. A., Ed., Arsh, G. L., Comments, Saint Petersburg: Aleteyya, 2007.
2. Kazazov, F. I., *Vityazevo: stranitsy istorii (chast' 1)* [Vityazevo: Pages of History (Part 1)], Krasnodar: no publ., 2007.
3. Kaysidi (Merchanlus), V., *Pontokavkasos (istoriya grecheskoy pravoslavnoy obshchiny sela Merchan-Merchanskogo Kubanskoy oblasti – Krasnodarskogo kraja,*

Кубань, Крымский район. Крымск: Элен-принт, 2014.

5. Кочериди Ю. Д. Город Крымск и Крымский район, прошлое и настоящее. Краснодар: И. Платонов, 2013.

6. Кочериди Ю. Д. Греки в истории Кубани Краснодар: Книга, 2011.

7. Кочериди Ю. Д., Жуков И.В.. Греки в казачьих войсках Российской империи. Краснодар: Мир Кубани, 2017.

8. Пряхин Ю. Д. Греки в истории России XVIII – XIX веков, Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008.

9. Αγτζίδης Β. Οι Άγνωστοι Έλληνες του Πόντου. Αθήνα: Εταιρεία Μελέτης Ελληνικής Ιστορίας, 1995.

10. Ποντιακός Ελληνισμός από τη Γενοκτονία και το σταλινισμό στην περεστρόικα, Β' έκδοση, εκδοτικός οίκος Αδελφών Κυριακίδη, Θεσσαλονίκη, 1991.

11. Σαμουηλίδης Χ. Ιστορία του Ποντιακού Ελληνισμού. Αθήνα: Αλκυών, 1986.

1884-2014 gody) [Pontokakastos (the History of the Greek Orthodox Community in the Merchan-Merchansky Region of the Kuban Region - the Krasnodar Territory, 1884-2014 gody)], Saloniki: M.&K. Ant. Stamulis, 2015.

4. Kocheridi, Yu. D., *V boyakh Pervoy mirovoy: Rossiya, Kuban', Krymskiy rayon* [In the Battles of the First World: Russia, Kuban, the Krymsky District], Krymsk: Elen-print, 2014.

5. Kocheridi, Yu. D., *Gorod Krymsk i Krymskiy rayon, proshloye i nastoyashcheye* [City of Krymsk and the Krymsky Region, Past and Present], Krasnodar: I. Platonov, 2013.

6. Kocheridi, Yu. D., *Greki v istorii Kubani* [The Greeks in the History of the Kuban Region], Krasnodar: Kniga, 2011.

7. Kocheridi, Yu. D., Zhukov I.V.. *Greki v kazach'ikh voyskakh Rossiyskoy imperii* [The Greeks in the Cossack Hosts of the Russian Empire], Krasnodar: Mir Kubani, 2017.

8. Pryakhin, Yu. D., *Greki v istorii Rossii XVIII-XIX vekov, Istoricheskiye ocherki* [Greeks in the History of Russia of the 18th-19th Centuries, Historical Essays], Saint Petersburg: Aleteyya, 2008.

9. Agtzídēs, Β., *Oi Ágnōstoi Éllēnes tou Póntou* [The Unknown Greeks of Pontus], Athens: Etaireía Melētēs Ellēnikés Istorías, 1995.

10. *Pontiakós Ellēnismós από tē Genoktonía kai to stalinismó stēn perestróika* [Pontic Hellenism: From the Genocide and the Stalinism to the Perestroika], Thessalonike: ekdotikós oίκos Adelphón Kyriakíde, 1991, 2nd ed.

11. Samouēlídēs, Ch., *Istoría tou Pontiakou Ellēnismou* [The History of the Pontic Hellenism], Athens: Alkyon, 1986.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ченкелиди, В. К. Греки Кубани и Черноморья в годы Гражданской войны (1918 – 1920) [Электронный ресурс] / В. К. Ченкелиди // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 36-40. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Chenkelidi.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Chenkelidi, V. K., *Greki Kubani i Chernomor'ya v gody Grazhdanskoy voyny (1918 – 1920)* [The Greeks of Kuban and the Black Sea Region during the Russian Civil War (1918 – 1920)], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 36-40. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Chenkelidi.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГОНЧАРОВ Алексей Владимирович

ведущий консультант отдела правового сопровождения,
государственного надзора и учета объектов культурного наследия
управления государственной охраны
объектов культурного наследия
Администрации Краснодарского края

Краснодар, Россия

Aleksey V. GONCHAROV

Leading Consultant,

Department of Legal Support, State Supervision and Accounting of Objects of
Cultural Heritage, Office for the State Protection of Cultural Heritage Objects,

Administration of the Krasnodar Region

Krasnodar Russia

2307080@mail.ru

**«Победителям и побежденным»:
эпоха гражданского
противостояния на Кубани
и Черноморье
в объектах культурного наследия**

В статье приводятся данные государственного учета применительно к объектам культурного наследия, прямо или косвенно относящимся к эпохе гражданского противостояния на Кубани и Черноморье (1917-1922 гг.), приводится описание и обстоятельности их причастности к событиям и биографиям исторических личностей того времени. Драматические события, происходившие в регионе в годы Гражданской войны, в советское время трактовались под воздействием господствующих идеологических стереотипов. Автором выявлен ряд искажений исторических фактов, допущенных в советский период по идеологическим мотивам. В постсоветское время акценты в осмыслении революционных событий в регионе подчас меняются до диаметрально противоположных, что демонстрирует не только неоднозначность оценок, но и глубокую трагичность событий Гражданской войны на Кубани, материальным свидетельством которых являются сохранившиеся до наших дней объекты культурного наследия.

Ключевые слова: эпоха гражданского противостояния, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, достопримечательные места, памятники монументального искусства, Гражданская война, Т. Г. Соломаха, Л. Г. Корнилов, Кубань, Черноморье, Краснодарский край.

**«To Winners and Losers»:
the Epoch of Civil Confrontation
in Kuban and in the Black Sea Region
in the Objects of Cultural Heritage**

The author presents the data of state accounting applied to objects of cultural heritage, directly or indirectly related to the era of the civil confrontation in the Kuban and Black Sea regions (1917-1922). The description and circumstances of their involvement in the events and biographies of historical personalities of that time are given. The dramatic events that took place in the region during the Russian Civil War were interpreted in Soviet times under the influence of prevailing ideological stereotypes. The author reveals a number of distortions of historical facts made in the Soviet period for ideological reasons. In the post-Soviet period, the emphasis in understanding the revolutionary events in the region sometimes changes to diametrically opposite, which is demonstrated not only by the ambiguity of assessments, but also by the profound tragedy of the events of the Civil War in Kuban, the material evidence of which are the objects of cultural heritage that have survived into modern times.

Keywords: era of civil confrontation, objects of cultural heritage, historical and cultural monuments, landmarks, monuments of monumental art, Russian Civil war, Tatyana G. Solomaha, Lavr G. Kornilov, Kuban Region, Black Sea Region, Krasnodar Region.

Согласно данным государственного учета, на территории Краснодарского края расположено 337 объектов культурного наследия, связанных с событиями Гражданской войны в России, в том числе: 239 братских могил и одиночных захоронений революционеров, борцов за Советскую власть и красноармейцев, погибших в годы Гражданской войны; 39 монументов, увековечивающих эти события; 37 зданий, в которых собирались организации подпольщиков, размещались первые Советские органы управления, жили и работали участники Гражданской войны; 22 памятных места. Такие памятники есть в каждом районе края.

Основная часть упомянутых объектов культурного наследия принималась на охрану советский период, что обусловило количественное преобладание памятников, посвященных красному движению и его сторонникам, и отражающих идеологические установки того времени. Памятники участникам белого фронта, которые стали появляться лишь в постсоветский период, относительно немногочисленны.

По тому, какие объекты и когда обрели статус памятников, можно судить о значимости увековеченных ими событий или личностей не только в период самой Гражданской войны, но и во время принятия их на государственную охрану.

Так, в советский период широкую и даже легендарную известность получило имя молодой сельской учительницы Татьяны Соломахи.

Татьяна Григорьевна Соломаха (1892-1918) происходила из иногородних казачьей станицы Попутной Кубанской области. Еще в детские годы на ее мировоззрение оказал влияние революционно настроенный отец, работавший учителем в станичной школе, где после окончания Армавирской женской гимназии работала учительницей и сама Татьяна Соломаха. В июне 1918 г. она вступила в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков) – РСДРП(б). На заседании ревкома станицы Попутной ее избрали продовольственным комиссаром. Татьяна Соломаха вела большую агитационную работу, принимала личное участие в боевых

действиях и в изъятии продовольствия у станичников. Осенью 1918 г. ее, больную тифом, взяли в плен белоказаки. После двадцати дней жестоких пыток Т. Г. Соломаха была казнена вместе с восемнадцатью красноармейцами. Эта история приобрела известность после публикации в 1938 г. очерка Л. А. Аргутинской «Комиссар Татьяна Соломаха» [1]. Известно, что в годы Великой Отечественной войны московская партизанка, комсомолка, Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская, вдохновленная образом Соломахи, вела борьбу с немецко-фашистскими оккупантами под псевдонимом «Таня» [15].

Решением исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 29 января 1975 г. № 63 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников истории и культуры в Краснодарском крае» в списки памятников края были включены сразу несколько объектов, связанных с именем Т. Г. Соломахи. В г. Армавире на пересечении ул. Комсомольской, 136 и ул. Халтурина, 78, расположен объект культурного наследия регионального значения «Женская гимназия Общества попечения о детях, где в 1903-1912 годах Т. Г. Соломаха училась в школе и работала учительницей» [5]. В станице Попутной Отрадненского района по ул. Степной, 11 находится другое здание школы, где она работала учительницей [8], а по ул. Красной, 187В, лит. Б расположен дом, в котором она жила в 1914-1918 гг. [10], перенесенный из х. Троицкого, в настоящее время в нем размещается музей Т. Г. Соломахи, рядом с домом находится ее могила [9].

С уходом в прошлое советской эпохи роль Т. Г. Соломахи стала оцениваться иначе: «Многие бекешы до сих пор помнят, как бесчинствовала «героиня» Гражданской войны Татьяна Соломаха. Её имя носит одна из улиц Армавира. Это её команда грабила станичников. Отнимали наградное оружие, ордена, драгоценности, а потом «тащили к копани», рубили головы и сбрасывали трупы казаков в колодец» [23]. При этом памятники, связанные с ее именем, сохраняются и несут прежний идеологический посыл.

В конце 1970-х гг. к памятникам истории были отнесены расположенные на терри-

тории поселка Лебяжий остров в Брюховецком районе сохранившиеся здания и сооружения Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской общежительной пустыни, на территории которой после революции размещалась коммуна «Набат».

В решении исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 16 мая 1979 г. № 333 «Об изменении списка памятников истории и культуры Краснодарского края» наименование памятника изложено в следующей редакции: «Памятное место, где весной 1918 года была организована первая коммуна «Набат», птицесовхоз «Лебяжий остров», центральная усадьба». В соответствии с современным законодательством, исходя из характеристик объекта, памятное место отнесено к виду объектов культурного наследия – достопримечательное место.

Драматические события, произошедшие здесь в годы Гражданской войны, в советское время трактовались под воздействием господствовавших тогда стереотипов.

В частности, в рассказе кубанского писателя В. А. Попова «Сказ о коммуне «Набат», изданном в 1968 г., повествуется о создании после ухода белогвардейцев на территории богатого монастыря коммуны, и о жестоком уничтожении коммунаров «бандитами есаула Рябоконя» [24, с. 66-67].

Из документов, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края, известно, что коммуна «Набат» была организована на территории Екатерино-Лебяжского монастыря на базе его экспроприированного хозяйства 3 декабря 1920 г., зарегистрирована 28 января 1921 г. [13, л. 1-2]. Коммуне были переданы все жилые строения, инвентарь, посевной материал, принадлежавший монастырю, а также 400 десятин бывшей монастырской земли. К апрелю 1921 г. в коммуну «Набат» было принято около 300 человек. Первым председателем коммуны был Петр Федорович Науменко [7].

20 апреля 1921 г. коммуна подверглась нападению бело-казачьего отряда деникинского офицера Михаила Жукова. Из 300 коммунаров погибли 48 человек, в том числе женщины. Четыре человека были расстреляны в станице Чепигинской. 44 коммунара

похоронены в парке станицы Брюховецкой в кирпичном склепе недалеко от Вечного огня [18]. Встречается также информация о захоронении погибших коммунаров «в центре монастырской территории» [14, л. 1].

В постсоветское время акценты в исследованиях происходивших здесь событий меняются.

В частности, П. И. Ткаченко в работе «Для лучшей певности и дальней памяти» так описывает произошедшие события: «В коммуне «Набат» находился отряд чоновцев, издевавшийся над монахами. Монахов под конвоем водили на работы, разбирать стены монастыря. Однажды, когда доведенные до изнеможения монахи и особенно после того, как им запретили отпевать погибшего старосту отца Александра, и они отказались выходить на работы, чоновцы подвезли динамит и взорвали церковь вместе с монахами. Видимо, и коммунары попали в число несчастных. Выдали же это за «зверство» В. Ф. Рябоконя». Приведено свидетельство бывшего чоновца, Павла Ивановича Гребенюка, 1891 г. рождения, записанное в станице Батуринской в сентябре 1958 г., которое он разыскал в частном архиве: «В 1921 году меня направили на подкрепление отряда чоновцев в коммуну «Набат». Я уже не застал церкви — ее взорвали чоновцы в декабре 1920 года, растащили иконы, утварь. Деревянными иконами забивали окна, жгли иконы, сожгли иконостас, когда наступили морозы... Однажды монахи в подвале подняли бунт, — от недоедания (а кормили их наряду со скотом — похлебкой из буряка и брюквы). Погиб их староста отец Александр (Корнеев). Им даже не дали отпеть его в церкви... И монахи отказались выходить на работы...» [26].

Приведенные выше факты и свидетельства наглядно демонстрируют неоднозначность оценок и глубокую трагичность произошедших на Лебяжем острове событий Гражданской войны, материальным свидетельством которых являются сохранившиеся до наших дней здания мельницы и водокачки, в 2016 г. отреставрированной.

Характерным примером того, как могут искажаться факты в угоду идеологическим установкам, может служить памятник истории, расположенный в станице Выселки,

на пересечении ул. Широкой и ул. Полевой «Мост, у которого Выселковский революционный полк вступил в первый бой против белогвардейских войск и одержал победу, 2 февраля 1918 г.».

Событие, к которому имеет отношение этот железнодорожный мост, относится к числу наиболее ярких эпизодов Гражданской войны на Кубани и вообще Юга России. 2 февраля 1918 г. произошло боевое столкновение сформированного несколькими днями ранее (24 января) в станице Выселки 293 революционного полка с частями Кубанской Добровольческой армии под командованием полковника В. Л. Покровского. Наступавшие по железной дороге со стороны Кореновской «добровольцы» в 5 часов утра были встречены мощным ружейным огнем, заставившим их перейти к позиционному бою. После многочасовой перестрелки наступавшие, при поддержке подошедшего бронепоезда и доставленных к месту боя орудий, предприняли несколько атак на позиции Выселковского полка, но, неся значительные потери, отступали на занятые позиции. С наступлением темноты «покровцы» отошли от Выселок, оставив на месте сражения более двухсот человек убитыми [6].

Утверждение о победе в этом сражении Выселковского революционного полка, принявшего «боевое крещение», не соответствует действительности. Полк лишь временно остановил наступление противника и, также понеся ощутимые потери, под покровом ночи отступил на станцию Бурсак для соединения с отрядами красных казаков станиц Новодонецкой и Александроневской и группой «революционных солдат». Утром Выселки были заняты частями Кубанской Добровольческой армии [12] [17] [19] [22].

На территории Краснодарского края находится ряд объектов культурного наследия, связанных с работой агитационно-пропагандистских поездов «Октябрьская революция» во главе с председателем ВЦИК М. И. Калининым и «Красный казак» во главе с начальником казачьего отряда ВЦИК Д. В. Полуяном: «Дом коммуниста И. С. Дорохова, в котором останавливался председатель ВЦИК М. И. Калинин и секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. И. Микоян», 1920 г.,

1925 г., Тихорецкий район, ст-ца Терновская, ул. Красная, 139; «Здание, где председатель ВЦИК М. И. Калинин проводил совещание станичного актива», 1920 г., Тихорецкий район, ст-ца Терновская, ул. Мира, филиал средней школы № 13; «Место, где стоял агитпоезд ВЦИК «Октябрьская революция», работой которого руководил видный государственный деятель М. И. Калинин», 18 августа 1920 г., пос. железнодорожной станции Порошинская; «Здание, где находился Староминской ревком и на одном его заседании присутствовал председатель ВЦИК М. И. Калинин», 1920-1922 гг., 15.08.1920 г., Староминский район, ст-ца Староминская, ул. Красная, 18; «Железнодорожная станция, где стояли агитпоезда ВЦИК «Красный казак», работой которого руководил начальник казачьего отряда ВЦИК Д. В. Полуян, и «Октябрьская революция», работой которого руководил председатель ВЦИК М. И. Калинин», март 1920 г., 15 августа 1920 г., Староминский район, железнодорожная станция «Староминская-1»; «Памятное место, где в августе 1920 г. останавливался агитпоезд «Октябрьская революция» и на митинге с речью выступал председатель ВЦИК М. И. Калинин», Павловский район, железнодорожная станция «Сосыка-Ейская». Эти памятники являются ценными источниками для изучения истории советской пропаганды.

В г. Краснодаре по ул. Калинина, 100, расположен объект культурного наследия «Памятное место, где в здании земледельческо-ремесленной школы Кубанского экономического общества размещался штаб добровольческой армии генерала Л. Г. Корнилова; в апреле 1918 г. погиб Л. Г. Корнилов». Событие, с которым связан этот объект культурного наследия, оказало значительное влияние на ход Гражданской войны на Юге России.

В 7 часов 20 минут стену домика, в котором находилась комната главнокомандующего, пробил снаряд. Взрывной волной Корнилова ударило о стенку печи, напротив которой он сидел, сверху рухнуло несколько балок перекрытия. Раненного генерала вынесли из дома и установили на носилках недалеко от берега р. Кубани, где он скончался. [25, с. 66-67.]

Л. Г. Корнилов был погребен в немецкой колонии Гнадау (ныне село Долиновское

Калининского района Краснодарского края). Впоследствии труп был эксгумирован отрядом комиссара Донцова и отвезен в Екатеринодар, где подвергся глумлению и был сожжен [11].

На том месте, где в настоящее время находится кинотеатр «Аврора» по ул. Красной, 169 в г. Краснодаре, до строительства кинотеатра находился курган, на котором стоял памятный знак с надписью, что с этого места был выпущен снаряд, уничтоживший «главаря белогвардейцев Корнилова» [16].

Отдельную категорию объектов, сохраняющих память о Гражданской войне, составляют произведения монументального искусства.

Ярким примером такого памятника является «Мемориальный комплекс землякам, погибшим в борьбе за власть Советов», созданный в городе Краснодаре на перекрестке улиц Северной и Октябрьской в 1967 г., в канун 50-летия Октябрьской революции, в ознаменование исторических событий, связанных с установлением Советской власти на Кубани, в память о краснодарцах, погибших в боях Гражданской и Великой Отечественной войн. Площадь, образованная у мемориала, названа площадью Памяти Героев. Мемориальный комплекс сооружен по проекту скульптора И. П. Шмагуна и архитектора В. Т. Головерова при участии архитектора Н. П. Шлыкова.

В северной части мемориала, ограниченного подпорной стеной, за чашей Вечного огня, находится монументальная стела с высеченными на ней изображениями боевых эпизодов Гражданской и Великой Отечественной войн. Правую сторону мемориала обрамляет стена с шестью каменными скрижалями вишневого цвета, на трех из которых рассказывается о борьбе против белогвардейцев [18].

Ряд памятников монументального искусства на территории края посвящены отдельным эпизодам Гражданской войны.

Так, на 15-м километре Сухумского шоссе автодороги Новороссийск- Геленджик, на берегу Цемесской бухты расположены ансамбль «В память затопленных кораблей Черноморского флота», 18 июня 1980 г., скульптор В. Е. Цигаль, архитекторы Я. Б. Белопольский, Р. Г. Кананин, В. И. Хавин: монумент «Морякам революции»; куб-визир; композиция «Силуэ-

ты затопленных кораблей» [2], а на Приморском бульваре в г. Туапсе находится «Памятник легендарному экипажу миноносца «Керчь», выполнившего задание В. И. Ленина об уничтожении флота».

Эти монументы были возведены в память об одном из самых трагических событий Гражданской войны. Весной 1918 г. немецкие войска вторглись в Крым и продвигались к Севастополю – главной базе Черноморского флота, намереваясь захватить находившиеся там корабли. Боевые силы флота были переведены в Новороссийск, однако в отсутствие возможности сохранить корабли и наличии угрозы их захвата кайзеровской Германией, Лениным был отдан приказ о затоплении флота.

18 июня 1918 г. экипаж эсминца «Керчь» осуществил задачу затопления флота в районе г. Новороссийска. После этого эсминец взял курс на Туапсе, и 19 июня в 4 часа 30 минут утра был затоплен в полутора милях от маяка Кадош [21, с. 67-70].

Значимыми памятниками-символами, построенными в период подготовки к 50-летию Советской власти являются расположенные по ул. Красной, 169 в г. Краснодаре кинотеатр «Аврора» и скульптура «Аврора», строительство которых было завершено в 1967 г.

Здание кинотеатра построено по проекту лауреата государственной премии архитектора Е. А. Сердюкова, и является одним из лучших образцов советской архитектуры 70-х гг. XX в. [3]

Скульптура выполнена из ковального алюминия, чеканка, постамент из железобетона, олицетворяет богиню утренней зари в шнели, с винтовкой за плечами, в высоко поднятой руке лучистая звезда. Авторы – заслуженный скульптор РСФСР И. П. Шмагун и художник-архитектор Е. Г. Лашук. Работу по чеканке и монтажу выполнил А. А. Морозов [4].

Объекты культурного наследия являются частью историко-культурной среды, в которой живет и развивается человек, и самим фактом своего существования, оказывают влияние на его знания об истории и культуре и, следовательно, на формирование его мировоззрения. Памятники Гражданской войны – как подлинные свидетельства исторических событий, так и произведения монумент-

тальной пропаганды – необходимо сохранять независимо от изменения идеологических полюсов в качестве напоминания о кровавых

годах братоубийственной розни для того, чтобы никогда не допустить ее повторения в будущем.

Использованная литература:

1. Аргутинская Л. А. Татьяна Соломаха (очерк) [Электронный ресурс] // Сайт 1941-1942. URL: <http://1941-1942.msk.ru/page.php?id=360> (дата обращения 21.05.18).
2. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Распоряжение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 26.11.1997 № 7-р.
3. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 144. Учетная карточка памятника от 12.05.1994 индекс 3.3.144-1.2.1.
4. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 183. Паспорт памятника истории и культуры СССР от 25.11.1973 индекс 4.1.183-1.2.1.
5. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 514.
6. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 791. Крюков А. В. Историческая справка. Мост, у которого Выселковский революционный полк вступил в первый бой против белогвардейских войск и одержал победу. 2 февраля 1918 г.
7. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 794. Гаранина В.А. Историческая справка. Сохранившиеся здания и сооружения Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской общежительной пустыни, на территории которой в 1921 г. размещалась коммуна «Набат»: здание водокачки; мельница. 1794-1921 гг.; 1909 г., 1916-1917 гг. Краснодарский край, Брюховецкий район, пос. Лебяжий Остров.
8. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 2581.
9. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 2582.
10. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Учетное дело 2587.
11. Бондарь В.В. «Место гибели командующего Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова 31 марта (13 апреля) 1918 г.» в Краснодаре как объект культурного наследия // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. Краснодар, Академия маркетинга и социально-информационных технологий - ИМСИТ, 2017.
12. Власть советов. 1969. № 55. 8 мая.
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1632.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1496. Оп. 2. Д. 1.
15. Зоя Космодемьянская: биография [Электронный ресурс] // 24СМИ: медийный новостной портал. URL:

References:

1. Argutinskaya, L. A., Tat'yana Solomakha (ocherk) [Tatyana Solomakha (Essay)] // Site 1941-1942. <http://1941-1942.msk.ru/page.php?id=360>. Accessed May 21, 2018.
2. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Rasporyazheniye komiteta po okhrane, restavratsii i ekspluatatsii istoriko-kul'turnykh tseennostey (naslediya) Krasnodarskogo kraya ot 26.11.1997 № 7-r [Order of the Committee for the Protection, Restoration and Exploitation of the Historical and Cultural Values (Heritage) of the Krasnodar Region of November 26, 1997, no. 7-r].
3. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 144, Registration Card of the Monument of May 12, 1994, index 3.3.144-1.2.1.
4. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 183, Passport of the Monument of History and Culture of the USSR of November 25, 1973, indeks 4.1.183-1.2.1.
5. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 514.
6. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 791, Kryukov A. V. Istoricheskaya spravka. Most, u kotorogo Vyselkovskiy revolyutsionnyy polk vstupil v pervyy boy protiv belogvardeyskikh voysk i oderzhal pobedu. 2 fevralya 1918 goda [Historical Bckground. The Bridge at Which Vyselkovsky Revolutionary Regiment Entered the First Battle against the White Guard Troops and Won, February 2, 1918]
7. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 794, Garanina, V. A., Istoricheskaya spravka. Sokhranivshiesya zdaniya i sooruzheniya Ekaterino-Lebyazhskey Svyato-Nikolayevskoy obshchezhitel'noy pustyni, na territorii kotoroy v 1921 godu razmeshchalas' kommuna "Nabat" : zdaniye vodokachki; mel'nitsa. 1794-1921 gody; 1909 god, 1916-1917 gody Krasnodarskiy kray, Bryukhovetskiy rayon, poselok Lebyazhiy Ostrov [Garanina, V. A., Historical Background. The Preserved Buildings and Structures of the Ekaterino-Lebyazhskey St. Nicholas Hostel Desert, in Which the Commune "Nabat" Was Located in 1921: the Building of a Water Pump; Mill, 1794-1921; 1909, 1916-1917, Krasnodar Region, Bryukhovetskiy District, Lebyazhiy Ostrov village].
8. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 2581.
9. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 2582.
10. *Archive of the Office of State Protection of Cultural Heritage Objects, Administration of the Krasnodar Region [AUGOOKNAKK]*, Registration File 2587.
11. Bondar V. V. "Mesto gibeli komanduyushchego Dobrovol'cheskoy armiyey generala L.G. Kornilova 31 marta (13 aprelya) 1918 goda" v Krasnodare kak ob'yekt kul'turnogo naslediya [The Place of Death of the Commander of the Volunteer Army, General L. G. Kornilov, March 31 (April

<https://24smi.org/celebrity/4668-zoia-kosmodemianskaia.html> (дата обращения 21.05.18).

16. Корсакова Н.А. Илюхин С.Р. Тайна «Гначбау» (загадки, связанные с гибелью Л. Г. Корнилова) // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 3 (9).

17. Леонтович В. Первые бои на Кубани. Воспоминания. Мюнхен: Молодая Россия, 1923.

18. Михайлов Н. Площадь Памяти героев. (Памятник-мемориал в г. Краснодаре) // В граните и бронзе (Очерки о памятниках Кубани) / Сост. Гнатенко Н. Т., Латкин В. Ф. Краснодар: кн. изд-во, 1975. С. 59-63.

19. Начало гражданской войны: Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1926.

20. Общественная газета МУ Брюховецкий историко-краеведческий музей. 2009. № 3. Апрель.

21. Осадчий И. «Погибаю, но не сдаюсь» (Памятник в Новороссийске и Туапсе морякам-черноморцам) // В граните и бронзе (Очерки о памятниках Кубани) / Сост.: Гнатенко Н. Т., Латкин В. Ф. Краснодар: кн. изд-во, 1975.

22. Павлов А. М. Иван Украинский // Павлов А. М. В години потрясений. Краснодар: Советская Кубань, 2000.

23. Пеш – пехотинец [Электронный ресурс] // Гипанис: историко-культурное наследие Кубани. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=695&type=page&lid=667> (дата обращения 15.04.18).

24. Попов В. А. Кубанские сказы. Краснодар: кн. изд-во, 1968.

25. Течет вода Кубань-реки или 1918 Екатеринодарь / авт.-сост. С. Р. Илюхин. Краснодар: б. и., 2015.

26. Ткаченко П. И. «Для лучшей певности и дальней памяти...» [Электронный ресурс] // Русское поле. Содружество литературных проектов. URL: <http://moloko.ruspole.info/node/1048> (дата обращения 15.04.18).

13)”, 1918 in Krasnodar as an object of cultural heritage], in *Nauchnoye nasledie F.A. Shcherbiny: kazachestvo i istoriya Kavkaza, Proc. 17th Int. Research to Practice Conf. Conf.*, Krasnodar: Akademiya marketinga i sotsial'no-informatsionnykh tekhnologiy – IMSIT, 2017.

12. *Vlast' sovetov*, 1969, no. 55, May 8.

13. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-60, Inventory 1, File 1632.

14. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund 1496, Inventory 2, File 1.

15. Zoya Kosmodemyanskaya: Biografiya [Zoya Kosmodemyanskaya: Biography] // *24SMI - mediynny novostnoy portal*. <https://24smi.org/celebrity/4668-zoia-kosmodemianskaia.html>. Accessed May 21, 2018.

16. Korsakova, N. A. and Ilyukhin, S. R., *Tayna "Gnachbau" (zagadki, svyazannyye s gibel'yu L. G. Kornilova) [The Mystery of "Gnachbau" (Mysteries Connected with the Death of L. G. Kornilov)]*, *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2004, no. 3(9).

17. Leontovich, V., *Pervyye boi na Kubani. Vospominaniya* [The First Battles in Kuban. Memories], Munich: Molodaya Rossiya, 1923.

18. Mikhaylov N. Ploshchad' Pamyati geroyev (Pamyatnik-memorial v gorode Krasnodare) [Square in The Memory of the Heroes. (Memorial Monument in Krasnodar)], in *V granite i bronze (Ocherki o pamyatnikakh Kubani)*, Gnatenko, N. T., and Latkin, V. F., Comps., Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1975, pp. 59-63.

19. *Nachalo grazhdanskoy voyny: Memuary* [The Beginning of the Civil War: Memoirs], Alekseyev, S. A., Comp., Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1926.

20. *Obshchestvennaya gazeta municipal'nogo uchrezhdeniya Bryukhovetskiy istoriko-kraevedcheskiy muzey* [Public Newspaper of the Municipal Institution Bryukhovetsky Museum for Local History], 2009, no. 3, April.

21. Osadchiy, I., "Pogibayu, no ne sdayus" (Pamyatnik v Novorossiyske i Tuapse moryakam-chernomortsam) ["I'm Dying, but I Do not Give Up" (Monument in Novorossiysk and Tuapse to the Seamen of Black Sea)], in *V granite i bronze (Ocherki o pamyatnikakh Kubani)*, Gnatenko, N. T., and Latkin, V. F., Comps., Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1975.

22. Pavlov, A. M., Ivan Ukrainskiy [Ivan the Ukrainian], in *Pavlov A. M. V godiny potryaseniya*, Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 2000.

23. Pesh-pehotinets [Pesh, the Infantryman], in *Gipanis: istoriko-kul'turnoye nasledie Kubani*. <http://www.gipanis.ru/?level=695>. Accessed May 21, 2018.

24. Popov, V. A., *Kubanskiye skazy* [The Kuban Tales], Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1968.

25. "Tchet voda Kuban'-reki" ili 1918 Ekaterinodar [The Waters of the Kuban River Flow or Ekaterinodar, 1918], Ilyukhin, S. R., Comp., Krasnodar: no publ., 2015.

26. Tkachenko, P. I., "Dlya lepshey pevnosti i dal'ney pamyati..." ["For the Greater Confidence and Long Memory..."], in *Russkoye pole. Sodruzhestvo literaturnykh proyektov*. <http://moloko.ruspole.info/node/1048>. Accessed 15 April, 2018.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гончаров, А. В. «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия [Электронный ресурс] / А. В. Гончаров // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 41-47. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Goncharov, A. V., «Pobeditelyam i pobezhdennym»: epokha grazhdanskogo protivostoyaniya na Kubani i Chernomor'e v ob'ektakh kul'turnogo naslediya [«To Winners and Losers»: the Epoch of Civil Confrontation in Kuban and in the Black Sea Region in the Objects of Cultural Heritage], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 41-47. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР

ВАРМА Чандра Бхушан

магистр философии, доктор литературы,
профессор факультета философии Хайдарабадского университета
Хайдарабад, Индия

Chandra B. VARMA

M. Phil., D. Litt., Assoc. Prof.,
Department of Philosophy, University of Hyderabad
Hyderabad, India
cbvarma@gmail.com

Влияние буддизма на письменные источники Азии

Автор преследует цель продемонстрировать развитие нескольких индийских и неиндийских систем письменности, как в Индии, так и в значительной части остальной территории азиатского континента, сделав акцент на анализе развития нескольких мировых обществ под ее влиянием. Анализ эдиктов императора Ашоки, дошедших до нас в виде надписей, нанесенных шрифтом брахми на поверхности скал, колонны и стены пещер приводит автора к широким обобщениям. В частности, определено значение языка пали для развития местных диалектов, указано, что указы Ашоки в период эллинизма прогрессивно повлияли на сопредельные греческие, армянские и сирийские территории. Сделан вывод о том, что буддистские языки способствовали не только процессу развития и становления языков Северной Индии, но также южно-индийских и шри-ланкийских письменностей и языков. Одна из линий развития письменности брахми привела к появлению письма гупта и системе письменности сиддхам. Сиддхам стал основой письма деванагари (наиболее известной письменностью, используемой в качестве графической основы санскрита, хинди, стиндхи, непали и др. языков Индии).

Ключевые слова: Индия, система письменности, шрифт, император Ашока, эдикты Ашоки, буддизм, Веды, пали, пракриты, санскрит, брахми, сиддхам, деванагари.

Buddhism Influence on the Written Sources of Asia

The author aims to demonstrate the development of several Indian and non-Indian writing systems, both in India and in a significant part of the rest of the Asian continent, focusing on the analysis of the development of several world communities under their influence. The analysis of the edicts of Emperor Ashoka, which reached us in the form of inscriptions, printed in Brahmi on the surface of rocks, columns and walls of caves, leads the author to wide generalizations. In particular, the importance of the Pali language for the development of local dialects is determined, it is indicated that the decrees of Ashoka in the Hellenistic period progressively influenced the adjacent Greek, Armenian and Syrian territories. It is concluded that Buddhist languages contributed not only to the development and progress of the languages of Northern India, but also to South Indian and Sri Lankan scripts and languages. One of the lines of development of the writing of Brahmi led to the appearance of the Gupta script and the Siddham writing system. Siddham became the basis of the script of Devanagari (the most famous writing used as the graphic basis of Sanskrit, Hindi, Stindhi, Nepali and other languages of India).

Keywords: India, writing system, font, Emperor Ashoka, Edicts of Ashoka, Buddhism, Vedas, Pali, Prakriti, Sanskrit, Brahmi, Siddham, Devanagari.

Можно утверждать, что буддисты были первыми, кто начал записывать свои религиозные тексты, материальное выражение которых дало начало литературе. Они приспособили язык и письменность брахми для распространения буддистского учения на пали – пракрите, получившем в тот период очень широкое распространение, что засвидетельствовано в эдикте императора Ашоки на скале Бхабру и других указах. Наскальная надпись Ашоки в Гирнаре (Гуджарат) – единственная в своем роде, позволяющая получить более полное представление о шрифте, использованном императором Ашокой. Она отображает все 14 текстов, содержит все указы монарха, собранные в одном месте на главной стеле. Фактически ее можно рассматривать как лучший образец подлинной эпиграфики III в. до н. э. с прекрасно выполненным шрифтом, который прямо или косвенно дал стимул к развитию нескольких письменностей и языков Азии в целом, Индии, Шри-Ланки и Тибета в Южной Азии, Мьянмы, Таиланда, Камбоджи, Лаоса в Юго-Восточной Азии, в частности. Неудивительно, что самый старый буддистский канон Трипитака, существующий по сей день, сохранился в сингальском подлиннике, что доказывает, что язык пали – это производная от письменности брахми. Более того, на формирование языка и письменности шитан, который развился в Японии, сильно повлиял буддистский текст Ашоки. Этот язык все еще используется в Японии, Китае и Тибете для записи буддистских текстов, составленных в то время. Таким образом, цель этой статьи – продемонстрировать развитие нескольких индийских и неиндийских систем письменности на всем индийском субконтиненте, а также в значительной части Азии, сделав акцент на анализе развития нескольких мировых сообществ под ее влиянием.

Известно, что оригинальное буддистское учение было собрано и записано на языке под названием пали, который является одной из разновидностей пракрита или языка древней Индии и был, скорее, *lingua franca* для значительной части индийского субконтинента. Он процветал в то время наряду со священным языком древних Вед, или, возможно, существовал еще до появления ведических текстов. Нет

смысла утверждать, что разные языки и диалекты, объединенные под общим названием «пракрит», в конечном счете повлияли на большинство современных языков народов, населяющих современную Индию, что бросает вызов многим консервативно настроенным индуистам. Можно также добавить, что нелепым представляется предположение, будто на индийском субконтиненте не существовало никакого другого языка, кроме ведического, и только он использовался. Наоборот, всё подтверждает обратное: то, что ведический язык был прерогативой ограниченной группы людей, принадлежащих к особо привилегированному классу священников и использовался только для религиозных целей. Примечательно также, что ведический язык, который часто обозначается как «чандас», «девавани» и «гирвана-вани», редко называли «санскритским» традиционные ученые, исследующие Веда, потому что слово «санскрит» или «самскрta» переводится как «усовершенствованный» и «очищенный», что само по себе указывает на наличие языков, которые должны были являться «санскритизированными» или «самскаритизированными» (то есть, «усовершенствованными», «очищенными», «окультуренными» и «стандартизированными») в рамках структуры грамматики Панини. Вышеупомянутая точка зрения обоснована тем фактом, что язык Вед, как полагают, «прекрасен и совершенен» вследствие веры, что он имеет божественное происхождение. Следовательно, любая попытка усовершенствовать или очистить божественный язык была бы невозможной как для любого ортодокса, так и для консервативного и традиционного сообщества ведических мудрецов и для доминирующей в обществе идеологии, которая свято чтит принципы Вед. Кроме того, само построение грамматики Панини определенно является постбуддийским, поскольку ее структура никак не может быть датирована временем до рождения Будды, как показывает сама история.

Приведенная выше точка зрения также нашла свое подтверждение в Имперском географическом справочнике Индии, подготовленном к изданию государственным секретарем Конгресса Индии. Первоначально этот справочник был издан в 1881 г. исклю-

чительно для служебного пользования индийского правительства. Следующая цитата прямо подтверждает наши предположения: «Санскрит (буквально переводится как “очищенный язык”) достиг своей наивысшей точки расцвета в работе Панини, написанной около 300 г. до н. э... он представляет собой отшлифованную форму некоего архаичного языка, который ко времени Панини перестал широко использоваться... Мы можем предположить, что язык архаичного диалекта Верхнего Дооба был тем его прообразом, из которого санскрит был вычленен и отшлифован... Таким образом, будет большой ошибкой утверждать, что любой современный индийский язык произошел из санскрита» [4].

Язык Вед, который уделяет столько внимания ударениям и интонации для безупречного религиозного чтения священных текстов и декламаций, едва ли мог стать первым письменным языком Индии и поощрять людей к переписыванию книг и широкому распространению сокровенного знания в столь древнюю эпоху. Кроме того, консервативный настрой и рвение священников к сохранению чистоты текстов Вед также сделали их недоступными для людей низших каст и женщин по причинам сакрального характера. Таким образом, несмотря на все свои достоинства и древнюю историю тексты Вед продолжали передаваться только из уст в уста, от одного поколения другому еще на протяжении многих веков. Неудивительно, что такие известные ученые-индологи, как профессор Майкл Витцей из Гарвардского университета, так и не достигли успеха в поиске древних рукописей Вед, – на данный момент он нашел единственную такую рукопись, которая может быть окончательно датирована временем не ранее XIV в. н. э.

Между тем у археологов и историков нет разногласий во мнениях о том, что письменность брахми была принята Ашокой в III в. до н. э. в целях использования в качестве графической основы для пали. На этом языке написаны все указы Ашоки на всем протяжении империи Магадха, простиравшейся далеко за пределы индийского субконтинента и включавшей в себя части Греции и Сирии, что без сомнений подтверждается указом XIV ко-

манующего Рока из империи Ашоки. Все эти тексты фактически существуют по сей день и вполне удобочитаемы.

Эти надписи на пали, размещенные на каменных табличках и металлических стелах, ценны для нас не только тем, что дают почувствовать высокую степень влияния буддийского учения на императора, но также и тем, что показывают его вдохновенную веру в «три драгоценности» буддизма (Будду, Дхарму, и Сангху), которые он так настойчиво стремился прославить. Например, известная надпись на скале Бхабру не только подтверждает его веру в «три драгоценности», включая (в отличие от версии на пали) ссылку на канонические тексты винайи, вопросы Упатиссы, Рахуловаду-сутты и др., но также демонстрирует его горячее рвение в деле проповеди буддизма. В следующем отрывке прямо цитируются слова учения Великого Мастера, что запечатлены на века в этих надписях: “...*Viditam ve bhante avataka* Нама *Budhasi, Dhammasi, Sanghasiti galave ca pasade ca e keci Bhagavata Budhena bhasite sabbe te subhasite va... hnani bhante dhammapaliyayani Vinayasamukase... Upatisapaside ca Lahulovade musavade adhigacya Bhagavata Budhena bhasite. Etana bhante dhammapaliyayani ichami kim tu bahuke bhikhupaye ca bhikhuniye ca abhikhinam sunayu ca upadhaleyyeyu ca. Hevam heva upasaka ca upasika ca eteni bhamte imam likhapayami abhihetam majanamta ti*” [1].

Другая достойная внимания особенность шрифта императора Ашоки, принятого ранними буддистами и королевскими буддистскими миссионерами, посланными императором в несколько соседних стран, заключается в том, что они свободно приспособили и включили местные наречия, ассимилировав географические и региональные особенности. Тем самым язык и письменность были адаптированы под отдельные диалекты, сохраняя тот же самый текст в соответствии с языковой политикой Будды, изложенной в его известном заявлении, записанном в Каллувагге: «*Anujanami, bhikkhave, sakaya niruttiya Buddhavacanam pariyaunitum*», что означает: «О, монахи, я предписываю Вам, что каждый человек должен услышать мое учение на своем собственном языке» [5].

Эти слова Будды стали окном в мир, способствовавшим скорейшему распространению буддизма при гибкой языковой политике буддийских миссионеров. Неудивительно, что великий Ашока, будучи горячим последователем Будды, активно поддержал эту политику Учителя “сакья нирутти” и увековечил его идеи в письме и в духе, посредством надписей пали-пракрита, что должно было способствовать сохранению, распространению и увековечиванию учению Будды во всей его империи, которая с течением времени, с развитием торговых связей (что ясно видно из разных письменных источников, дошедших до нашего времени), преодолела все региональные и политические границы, смело шагнула на просторы Южной и Юго-Восточной Азии, достигнув Шри-Ланки, Мьянмы, Таиланда, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Сингапура, Тибета, Китая, Корей, Японии. Примечательно, что японско-китайский подлинник «шитан» своими корнями также уходит в далекие времена распространения буддизма.

Указы Ашоки прогрессивно повлияли на греческие, армянские и сирийские территории, которые когда-то частично входили в состав империи Ашоки, свидетельством чему является указ XVI командующего Рока (о котором упоминалось выше). Тексты пали-пракрита были записаны на языке кхароштли, при этом сохранившиеся армянские и греческие подлинники, демонстрируют либеральную, терпимую и объединяющую народы веру буддистов, что вновь подтверждает их стремление к международной интеграции. Фактор подлинности надписей Ашоки с течением времени не только не оспаривался, но даже способствовал развитию большинства современных языков современной Индии [6].

Либеральная политика буддистов, начиная с провозглашения главного принципа Дхармы и нахождения прибежища в Дхамма-чакке-паватане Будды, широко распространенная с помощью указов Ашоки, также нашла своих последователей в лице Кушанов, что ярко иллюстрирует известное искусство Гандхары, которое представляет собой сплав греко-индийского искусства, в котором появилось первое изображение Будды в I в. н. э.

Кроме того, уместно упомянуть о том, что ни одна из надписей Ашоки не была сделана на санскрите, и данный факт уничтожает миф, что санскрит был самым популярным языком в III в. до н. э. Можно допустить и утверждать, что популярность санскрита в значительной степени зависела от популярности и адаптируемости постбуддийской грамматики Панини, которая с течением времени стала использоваться, чтобы с помощью соответствующего грамматического аппарата очистить и стандартизировать существующие языки, часто именуемые общим термином «пракрит». Буддистские каноны были первоначально собраны на первом буддистском соборе, состоявшемся вскоре после паранирваны Будды, а язык, на котором были записаны собранные тексты, обычно называют «пали». Данное слово является сокращенной версией термина «парияяя» или «палияяя», который переводится как «Предписания Мастера». Буддистские каноны, однако, вновь повторно были собраны в Патне, в III в. до н. э., чтобы принять свою современную форму. Данный собор проходил под руководством императора Ашоки, который, в свою очередь использовал письменность брахми в своем сингальском подлиннике для того, чтобы переписать тексты пали, впоследствии собранные уже в 80 до н. э. в Шри-Ланке. Эти каноны, как считают сегодня, являются самыми ранними из существующих в мире буддистских канонів.

Позже, с растущей популярностью санскрита, новой версией буддистских канонів стала Сарвастивадин Трипитака на санскрите, появились также и другие. Эти каноны, однако, сильно отличающиеся от исходных канонів на языке пали, отмечены вольной трактовкой текстов и подбором содержания. Например, санскритская версия Абхидхарма Питака включает такой текст, как Джнанапрастхана Шастра, и исключает семь текстов (начинания с Дхаммасангани), которые считаются основополагающими в Абхидхарме Питаке на языке пали. К сожалению, большинство индийских исследователей и авторов научно-популярных публикаций цитируют два различных набора канонів, скорее всего, по невнимательности ко всей ссылке, упуская

тот факт, что поздняя версия на санскрите не является точной копией первой.

Буддистские языки фактически способствовали не только процессу развития и становления языков Северной Индии, но также южно-индийских и шри-ланкийских письменностей и языков. Например, графика вателуту (или шрифт паллава, названная так ученым Джорджем Коедесом), был популярен в Южном Тамилнаде и Керале и использовался такими выдающимися буддистскими учеными, как Будда Датта и Анурадхачарья. «Ватта» – слово на языке пали (на санскрите – «варта») переводится как «смягчение» («округление»).

Следует также рассмотреть, как исходная буддийская форма письма сиддхам трансформировалась в «шитан» – священную графику, до сих пор особо почитаемую не только японцами, но столь же популярную в Тибете, Китае, обеих Кореях и в Непале. Эту графику называют украшением всех буддистских книг. Она используется для изложения советов о целесообразности использования биджа мантры, которая играет значимую роль как в медитациях Махаяны так и в особо популярном в современном мире методе лечения рейки.

В Японии переписывание молитв и копирование сутр с подлинника сиддхама все еще осуществляется лишь в тайных буддистских школах Шингон и Тендай, так же как в синкретической секте Шугендо, при этом данные тексты известны как Шитан или Бонджи. Интересно, что издание Тайшо китайской трипитаки сохраняет стиль сиддхам в большинстве используемых мантр, а корейские буддисты до сих пор пишут коренные слоги мантр в форме производной от сиддхама. Японским новшеством стала запись на японском языке лозунгов, которые использовали бойцы школы Бонджи, размещая их в древности на своих кимоно. Но японский сиддхам, хотя и развившийся из оригинального шрифта, обладал свойством написания сур в своей манере и теперь несколько отличается от древнего источника.

Более типичен сиддхам, исполненный кисточками в стиле китайского письма, но встречаются рукописи, написанные бамбуковыми палочками.

В середине IX в. н. э. Китай испытал ряд чисток, связанных с борьбой против «ино-

странных религий», после чего стал изолированным от японских текстов сиддхама. С течением времени другие письменности, особенно деванагари, заменяли сиддхам, вытесняя его из Индии, в итоге Восточная Азия осталась единственной областью, где сиддхам продолжал использоваться.

Буддистские элементы также продолжали оказывать свое влияние на развитие многих языков Юго-Восточной Азии, помимо письменных источников. Например, сотни имен из языка пали, такие, как Парма, Тисса, Сиха, Сирибхада, Дхаммасири, Дхаммапала, Саддхатиса, Сурья все еще сохраняются и широко используются в таких странах, как Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Шри-Ланка, хотя полностью произошли из Индии.

Таким образом, мы можем отметить, что за исключением носителей древней письменности на языке долины Инда, которая до сих пор не расшифрована, буддисты были первыми, кто стал широко использовать систему письма, распространившегося на значительной площади индийского субконтинента и со временем проникшего на весь азиатский континент. Термин «бута», используемый в смысле «идол» в западной Азии и на Ближнем Востоке, по всей вероятности, является искаженным производным от слова Будда, именем которого впоследствии стали называть идолов.

Даже если брахми императора Ашоки, как считают многие ученые, не являлось предшественником индийских систем письма, тем не менее столь обширное проникновение буддистских текстов данного периода принесло свои плоды на всем индийском субконтиненте и в соседних с ним областях. Ведь они не только популяризировали эти письменности на территории Индии, но также дали новый стимул росту нескольких языков мира. Нет подтверждений идеям о том, что язык Вед, несмотря на свое чрезвычайное развитие, имел письменность перед появлением письменных источников осуждаемого им буддизма. Жрецы, хранители языка Вед, всячески препятствовали любой попытке к письменному изложению ведических текстов, они всегда отдавали предпочтение устной передаче. Таким образом, Веды передавались из уст в уста от одного поколения к другому, и этот принцип

обосновывал консервативную позицию касты жрецов, их политику сохранения наивысшей степени подлинности и чистоты текста.

Краткий обзор буддистских надписей

Как уже отмечалось ранее, за исключением авторов письменности долины Инда, которая все еще не расшифрована, буддисты были первыми, кто ввел систему письма в широком масштабе на индийском субконтиненте и распространил ее в соседние области Азии и на Дальний Восток. Несмотря на то, что язык Вед был чрезвычайно развит перед возвышением буддизма, консервативная позиция жречества, направленная на сохранение подлинности и чистоты Вед, предотвратила развитие письменности и ограничила священные ведические тексты простой устной передачей от одного поколения другому. Неудивительно, что первые письменные тексты Вед имеют го-

раздо более позднюю датировку, и самая ранняя из существующих рукописей Вед, упоминание о которой профессор Майкл Вицель из университета Гарварда смог найти в летописях Варанаси, датируется XIV в. н. э.

Следовательно, буддисты были первыми, кто развил и использовал письменность для распространения своей литературы, и гарантом этого для них являлся адаптированный шрифт брахми императора Ашоки, поскольку все рукописи, найденные в различных местностях, имеют в своей основе письменность, которая впервые была высечена в надписи на горе Гирнар, и служила целям распространения буддистского учения на языке пали, который гордо демонстрирует себя во всех надписях Ашоки. К тому же сам Ашока был глубоко заинтересован в распространении учения Будды по всему миру и его передаче потомкам через эти нетленные надписи.

Например, в тексте указа, высеченном на горе Бхарбу, можно отметить убедительные увещевания императора к соблюдению особого набора буддистских предписаний.

На северо-западе буддисты использовали письменность кхарошти (кхаростхи). Кроме того, некоторые из надписей Ашоки считаются выгравированными на греческом языке на греческих территориях, поскольку некоторые части Греции являлись тогда частью империи Маурьев (Рис. 1) [2]. Греция на языке пали была тогда известна, как «страна Иона».

Можно утверждать, что один и тот же язык может использовать несколько шрифтов для своего выражения. Например, санс-

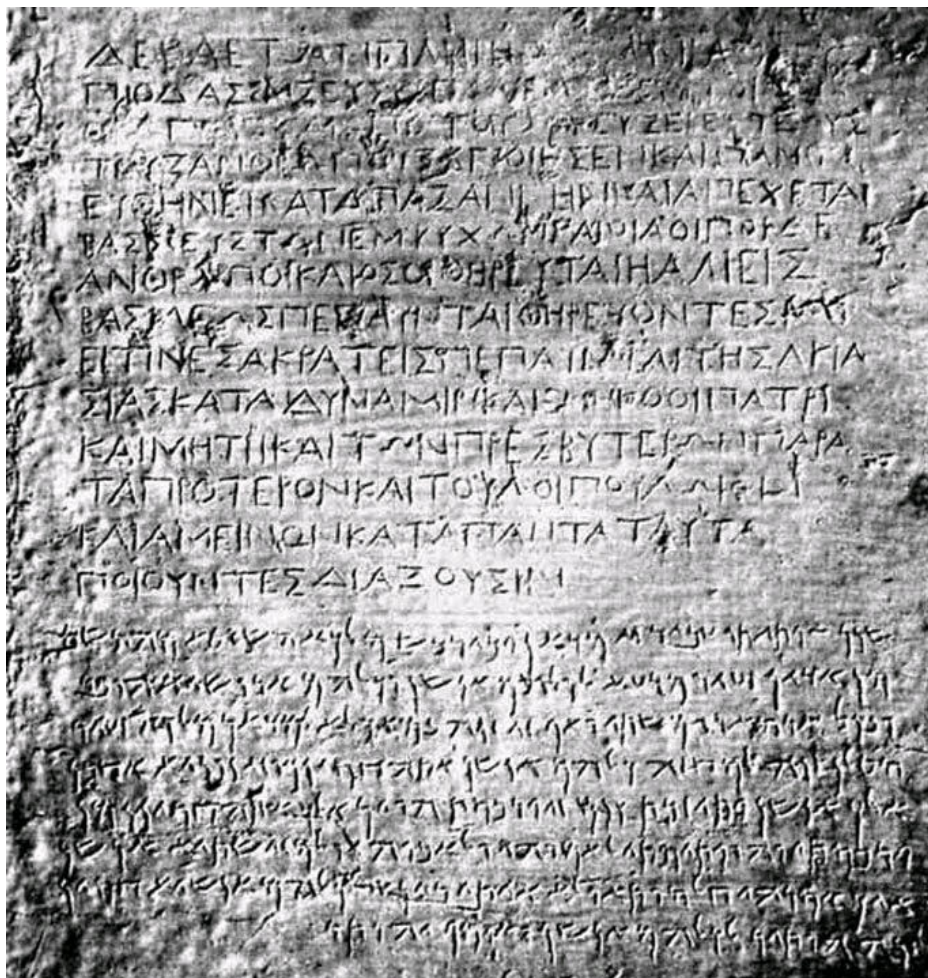

Рис. 1. Надпись Ашоки в Кандхаре (Кандагаре), текст написан на греческом и арамейском (Кабульский музей)

критские слова вошли в обиход и широко использовались в древности во многих других языках: в деванагари, тибетском, латинском, ория, бенгальском, телугу, тамильский языке и т.д. Наоборот, один особый шрифт может использоваться в письменности многих языков, что мы замечаем в случае шрифта деванагари, который используется для письменности сразу в нескольких языках: хинди, непальском, маратхи, конкани, синдхи, санскрите, пали, пракрите и так далее.

Подлинников, содержащих буддистское учение на пали, который принадлежит к пракритам, великое множество, например, есть подлинники на брахми, кхарошти, сингальском языке, камбоджийском языке мулла, сиамском языке, бирманском языке, деванагари, латыни, грантхи, старо-тамильском языке и проч. Рукописи пали были также найдены в текстах, относящихся к культуре народа невари в Непале, а также в китайских, японских, корейских и монгольских источниках.

В Южной и Юго-Восточной Азии буддистские рукописи и тексты непосредственно привели к развитию письменности сингальского, камбоджийского языка мулла, кхмерских, лаосских, сиамских и тайских наречий, старого языка Явы, бирманского языка и древнего языка мон. Посредством брахми или производного от брахми шрифта, тексты пали все еще составляют в этих странах в соответствии с древними образцами.

Кроме того, буддистские формы письма обогатили китайские, корейские и японские языки, в значительной степени это относится к шрифту Сиддхаматрика, часто сокращенно называемого «сиддхамм, который японцы называют «шитан». Сиддхам также повлиял на тибетский язык, деванагари и другие языки, использующие санскритскую систему составления слов.

В Японии священный шрифт сиддхам был введен последователями буддизма в употребление в IX в. и до сих пор широко применяется буддистами Миккою в особенности для записи мантр, сутр, обладающих особой магической силой тантрических формул, коренных слов-символов или биджа мантр. Сиддхам также используется целителями рейки, хотя они

порой не знают и не задумываются над тем, какие символы используют.

Роль буддизма в развитии индийской письменности

Интересно отметить тот факт, что большинство индийских систем письма, изобретенных для записи языков народов Индии, было составлено на основе брахми, языка развитого преимущественно буддистами.

Развитие языков и письменности Северной Индии

В северной Индии брахми, развившийся из языка и письменности гупта, привел к расцвету и развитию новых языков, дав начало таким письменностям, как шарада и нагари, в северных районах послуживших основой для складывания письменности нескольких современных языков (пенджабского, гуджарати, бенгальского, ассамского, манипури и языка ория). Нагари способствовал развитию письменности деванагари и получил особое развитие в XII в., дав толчок развитию письменности хинди, синдхи, конкани, маратхи, непальского языка и т. д.

Эра «пост-гупты» – особенно период с VI по X вв. н. э. – засвидетельствовала изменения в письменном стиле с повышением популярности языка и письменности сиддхаматрика или раннего подлинника нагари. Он вошел в употребление в Декане и Махараштре в VIII в. и заменил языки Южной Каннады и телугу, которые были распространены в этих регионах.

Сиддхаматрика развивался как шарада в Пенджабе и Кашмире и как нагари на востоке. Шарада породил ланду, гурмуки, такри и кашмирские наречия. Нагари развился в неварский язык Непала, кайтхи восточного Уттар-Прадеша и Бихара, гуджарати и деванагари. Восточная форма нагари или магадхан породили бенгальский, язык ория, ассамский и другие наречия.

Популярный буддистский шрифт, иногда называемый «лантса» в Тибете и «Ранджана» в Непале, все еще используется в Тибете для написания титульных страниц и украшения буддистских книг на санскрите. Этот шрифт был адаптирован в Китае, Монголии и Японии для написания и копирования буддистских

книг. Ранджана был популярным шрифтом в Непале для записи буддистских текстов на пали, санскрите и других языках. Некоторые палеографы также идентифицируют эту письменность с разновидностью тайнописного шрифта кутила.

Примечательно, что выдвигалось много теорий с целью определить подлинники рукописей, относящихся к временам гупты и «пост-гупты». Данные теории зачастую являются запутанными, сложными для идентификации, нередко их стиль и слог вводит исследователей в заблуждение. Непальское правительство предложило классифицировать эти подлинники по схеме пре-Личчави и пост-Личчави, что соответствует достижению целей выявления важных стадий становления письменности брахми и получения всесторонней картины развития письменности того времени. К сожалению, непальская классификация не очень популярна среди индийских лингвистов по некоторым неизвестным нам причинам. Подлинники письменности «пре-Личчави» принадлежат периоду от четвертого до VII в. н. э., а письменность «пост-Личчави» развивалась и использовалась в период с VII в. н. э. до времени становления современных индийских языков и наречий.

Стоит подчеркнуть, что к концу XIII в. в регионе империи Магадхан процветали пять из семи главных центров буддистского учения (за исключением Таксила и Валабхи). Но с разрушением Наланды, Викрамсилы, монастырей Одантапури в начале XIII в. во время завоеваний Бахтияра Халджи (1208 г.) постепенно последовал и упадок других, так как обучение новых монахов прекратилось, учебные центры больше не существовали, что постепенно привело к забвению буддизма в Индии. Все же литературные произведения буддизма того времени дошли до нас, будучи записаны на местных языках, таких как каитхи (который очень близок к гуджарати), распространенном в Магадхе и окружающих областях. Каитхи также использовался как официальный язык соглашений Шер-шаха и британского правительства.

Дж. Гирсон в «Лингвистическом обзоре Индии» (том V) пишет: «В Гуджарате каитхи был возведен до национального языка... В Би-

харе каитхи имел тот же статус. Шрифт каитхи принят бенгальским правительством для официальных публикаций..., книги, которые сейчас напечатаны в Патне, используют эту письменность и шрифт для того, чтобы постепенно письменный стиль провинции становился более правильным» [3].

Вплоть до конца XIX в. язык и письменность каитхи использовалась правительством, не давая развития деванагари, так велика была степень влияния документов Шер-шаха; на монетах присутствовали надписи на этом языке. Однако рост популярности каитхи и его неоднородность, к сожалению, нивелировали не только развитие языков близких к пали, таких как авадхи, бходжпури, магахи, но и привели к тому, что они со времени стали использовать письменность каитхи. С возрождением санскрита и производных из него языков предпочтение было отдано тому, чтобы подлинники их древних текстов были переписаны на санскрите. Можно также отметить, что много санскритских корней и слогов (са, тса, кса), которые широко используются в деванагари и многих современных индийских языках, построенных на санскритских грамматических моделях, проникли туда из языка пали. Таким образом, со временем деванагари и бенгальские шрифты стали вытеснять каитхи, так как они были основаны на санскритской грамматической модели. Появились выдающиеся писатели, уделявшие большое внимание санскриту и его популяризации, такие как Ишвар Чандра Видьясагар, Банким Чандра Чаттопадхьяя и энтузиасты бенгальского языка – Лаллуджи Лал (написавший «Прем Сагара»¹) и Пандид Мишра (автор «Начикетопакхьяны»²), следуя по пути Бхартенды Хариша Чандры, ставшего родоначальником литературы на хинди. Все они нашли благоприятную атмосферу для своего творчества, способствовавшую их литературным изысканиям, во время бри-

¹ «Прем Сагара» («Океан любви») – первое прозаическое произведение на хинди, написанное Лаллуджи Лалом в 1803 г. (прим. ред.)

² «Начикетопакхьяна» («Легенда о Начиките») – прозаическое произведение Садала (Пандита) Мишры, написанное на хинди в 1803 г., содержащее мифологический рассказ о дочери Махараджи Рагхуна Чандравати и ее сыне Начиките (прим. ред.).

танского владычества. Следует отметить, что британское правительство с самого начала своего правления в Индии стремилось препятствовать развитию популярных академических языков и письменностей эпохи Великих Моголов, а именно, персидской и индийской культуре с уклоном в урду. Англичане стремились развить определенную индуистскую идентичность с резким отличием от мусульманской культуры, что подтверждается принципами языковой политики Колледжа Форты Уильяма из Калькутты, который был образован в 1800 г. Колледж был основан специально, чтобы способствовать развитию бенгальского языка и письменностей, основанных на шрифте деванагари, он стимулировал писателей и поэтов присуждением почетного титула *мунши*, чтобы способствовать развитию определенных языков и письменностей, которые могли противостоять персидскому, урду и другим несанскритским языкам, включая наречия отдельных этносов и племен.

Неудивительно, что к концу XIX в. металлургические шрифты Дж. Грирсона и Дж. Несфилда для печати текстов на языке каитхи, которые подходили и для того, чтобы напечатать тексты пали-пракрита и родственных ему языков (магахи, бходжпури, авахди, багхели, браджабхаса, чатисгархи), широко распространенных в центральных и западных Гималаях, были забыты и пришли в упадок. Они были дублированы и перешли в ранг «диалектов», несмотря на ценнейшие литературные памятники, написанные на этих языках такими выдающимися писателями, как Тулси Дас, Сур Дас, Кабир Дас и др. Также не стоит забывать, что некоторые из ранних произведений Рабиндраната Тагора были написаны на диалекте браджболи.

История, однако, свидетельствует, что ранее тексты Рамкаритаманаса Тулси Даса существовали на языке каитхи, так же как и рукопись Мригавати Кутбанса, произведение Падмават Малики Мухаммеда Джаяси и несколько переводов Библии – все это имело место в тот период, когда рукописи на каитхи пользовались популярностью. Таким образом, завершая повествование об упадке и забвении некоторых из древних письменностей и язы-

ков, нельзя не вспомнить про «бхаса магадхи», который (еще раз следует повториться) можно квалифицировать как язык пали нашего времени, призванный вновь возродить свою собственную родину, но уже в новом социополитическом статусе.

Наконец, с течением времени язык, который в древности называли «хиндустани», преобразовался в «хинди» с официальным принятием письменности деванагари в 1925 г. на собрании индийского национального Конгресса в Канпуре. С тех пор хинди фактически обладает статусом национального языка Индии. Кроме того, поиски национальной идентичности во времена британского правления через развитие деванагари такими выдающимися мыслителями, как Прачарини Сабха и культурным лидером Каши Нарешем (назначенный британцами правителем Варанаси согласно известному Аллахабадскому соглашению 1765 г. после известного сражения при Баксаре в 1764 г., когда император династии Моголов, правивший Индией и проживавший в Аллахабадском форте и его союзники Наваб Авадха и Наваб Бенгалии были побеждены – Ч. Б. Варма), привели к тому, что политические обязательства Пурушоттама Дас Тандона и областей северной Индии дали новый стимул к принятию письменности деванагари для записи текстов пали, но уже шрифтом и языком санскрита. Таким образом, значительное число буддистских ученых Индии, таких, как Бхикшу Джагадиш Кашьяп, Рахул Санкритьяян, Дхармананд Кошамби приняли язык и письменность деванагари для возрождения изучения языка пали.

Развитие языков и письменностей в Южной Индии и на Шри Ланке

В южной Индии брахми получил развитие в языках и письменности грантха и кадамба прежде, чем принять иные формы. Письменность грантхи явилась самой подходящей основой для записи санскритских текстов уже в ранний период.

Тамильский язык, также получивший свое развитие из брахми, стал повсеместно использоваться даже в простонародье, особенно в северном Тамилнаде. Кроме того, ваттелуту или письменность ваттелуту, также назван-

ная письменностью паллава такими учеными, как Джордж Коедес, стала популярной в южном Тамилнаде и Керале. Это обстоятельство может указывать на то, что исходная версия языка окажется образованной от пали. Слово «ватта», в санскритской версии становится «вартта», что переводится как округлый («вартула») и восходит к древним корням пали. Распространено мнение, что самые известные ученые пали, Буддхадата и Анурадхачарья, жили в Тамилнаду. Первый написал всемирно известный трактат на пали Абхидхаммаватара, а творчество второго отмечено прежде всего сборником Абхидхамматхасангаха.

Современный язык и письменность языка малаялам развилась из языка грантха в XV в. Современные языки каннада и телугу, которые приняли свою настоящую форму к XV в., развились из старого языка каннада, который широко использовался в Южной Индии с IV в. н. э. Язык кадамба в свою очередь, также является прямым потомком языка и письменности брахми.

Тибетский, китайский и японский Шиттан

Далее рассмотрим язык и письменность сиддхам, на основе изучения которых можно сделать выводы о шрифте шитан, используемом в Японии и Китае. Сиддхам (переводится как «завершенный» или «достигший совершенства») является названием северо-индийской письменности, использовавшейся для записи санскритских текстов в период с 600 по 1200 гг. н. э. Эта система письма ведет свое происхождение от письменности брахми, которая уходит корнями в алфавит гупты, давший начало письменности деванагари и многим другим языкам Азии, таким, как тибетский язык. Есть некая путаница в написании названия: «сиддхам» и «сидхам», но оба названия имеют широкое распространение. Развитие этого языка и письменности происходит во время индийской империи Гупты. Название же явилось результатом написания слова «сиддхам»,

или «сиддхам расту» («текст, претендующий на совершенство») на титульных листах документов.

Сиддхам – это иероглифическое или знаковое письмо, а не алфавит, потому что каждый символ указывает на определенный слог, но не включает в себя возможный слог. Если никакой другой знак в гласной не присутствует, слог является коротким. Диакритические знаки указывают на другие гласные, к примеру, на чисто носовое произношение (анусвара), и произнесение гласных с придыханием (висарга). Специальные знаки (вирама) используются, чтобы указать, что слоги состоят из одних согласных без гласных, что нередко встречается в конце санскритских слов.

Многие из буддистских текстов, найденных в Китае вдоль Великого шелкового пути, были написаны посредством письменности сиддхам. Она продолжала развиваться, незначительно меняясь со временем в различных регионах. В большей степени эта письменность использовалась для того, чтобы передать буддистские тексты Тантры. В то время считалось очень важным сохранить правильное произношение мантр и молитв, а китайский язык не подходил для того, чтобы записать звуки санскрита в их истинном звучании. Это привело к распространению и укреплению позиций письменности сиддхам во всей Восточной Азии. В этом регионе, где тантрический буддизм сохранился по сей день, используется технология письма, которую развил сиддхам.

Кукай ввел язык и письменность сиддхам в Японии, после своего возвращения из Китая в 806 г. н. э., где он изучал санскрит в университете монастыря Наланды, монахи которого обучались всем премудростям философии, в том числе известной традиции Праджня. К тому времени, когда Кукай изучил этот язык и письменность, маршруты торговли и паломничества на индийской земле были уже закрыты расширяющейся исламской империей Аббасидов.

Использованная литература:

1. Bairat rock-inscription // *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. 1: *Inscriptions of Asoka* / Ed. By E. Hultzsch. Oxford: The Clarendon Press, 1925. pp. 171-172.

References:

1. Bairat Rock-Insription, in *Corpus Inscriptionum Indicarum*, vol. 1: *Inscriptions of Asoka*, Hultzsch, E., Ed., Oxford: The Clarendon Press, 1925, pp. 171-172.

2. Fifth rock-edict: Girnar // *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. 1: *Inscriptions of Asoka* / Ed. By E. Hultzsch. Oxford: The Clarendon Press, 1925. pp. 8-10.

3. Grierson G. A. *Linguistic Survey of India*. Vol. 5. Part 1. Calcutta: Office of the Superintendent, Government Printing, 1903.

4. *Imperial Gazetteer of India*. Oxford: Clarendon Press, 1909. pp.357-358.

5. Khuddakavatthu (On minor matters) // *The book of the discipline (Vinaya Pitaka)*. Vol. 5: *Cullavagga* / Transl. by I. B. Horner. Oxford: The Pali Text Society, 2001. pp. 141-203.

6. Varma Ch. B. *A Handbook of Buddhist Languages*. New Delhi: Buddhist World Press, 2011.

2. Fifth Rock-Edict: Girnar, in *Corpus Inscriptionum Indicarum*, vol. 1: *Inscriptions of Asoka*, Hultzsch, E., Ed., Oxford: The Clarendon Press, 1925, pp. 8-10.

3. Grierson, G. A., *Linguistic Survey of India*, vol. 5, Part 1, Calcutta: Office of the Superintendent, Government Printing, 1903.

4. *Imperial Gazetteer of India*, Oxford: Clarendon Press, 1909, pp.357-358.

5. Khuddakavatthu [On Minor Matters], in *The Book of the Discipline (Vinaya Pitaka)*, vol. 5: *Cullavagga*, Horner, I. B., Transl., Oxford: The Pali Text Society, 2001. pp. 141-203.

6. Varma, Ch. B., *A Handbook of Buddhist Languages*, New Delhi: Buddhist World Press, 2011.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Варма, Ч. Б. Влияние буддизма на письменные источники Азии [Электронный ресурс] / Ч. Б. Варма // *Наследие веков*. — 2018. — № 2. — С. 48-58. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Varma.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Varma, Ch. B., *Vliyanie buddizma na pis'mennye istochniki Azii* [Buddhism Influence on the Written Sources of Asia], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 48-58. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Varma.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ОСТАПЕНКО Роман Александрович

кандидат исторических наук,
сотрудник Благотворительного фонда
«Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева»
Москва, Россия

Roman A. OSTAPENKO

Cand. Sci. (National History),
Co-Worker, Rev. Daniel Sysoyev
Missionary Center Benevolent Fund,
Moscow, Russia
ruorc@gmail.com

**Православная миссия
среди адыгов Северо-Западного
Кавказа: социокультурные
условия, трудности, итоги
(1864-1917)**

**Orthodox Mission among the Adygs
of the North-Western Caucasus:
Sociocultural Conditions, Difficulties,
Results (1864-1917)**

В статье раскрываются трудности, возникавшие у православных миссионеров в их стремлении христианизировать адыгов на территории Северо-Западного Кавказа в период со второй половины XIX в. до октябрьского переворота 1917 г. Автором выделено тринадцать факторов, осложняющих миссию, которые для удобства их рассмотрения были объединены в три группы. Большое внимание уделено анализу официальных государственных и церковных документов, реализация положений которых затрудняла миссионерскую деятельность. Показана сложность духовной жизни адыгского общества, сохранявшего элементы разных религиозных концепций при доминирующем влиянии кодекса «адыгэ хабзэ». Все это очень притормаживало православную миссию, в результате принесшую довольно скромные результаты. Данный опыт сегодня нуждается в подробном изучении в аспекте повышения эффективности межэтнического и межрелигиозного взаимодействия, прогнозирования и нивелирования его возможных негативных результатов.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, адыги, традиционное общество, адыгэ хабзэ, Русская православная церковь, православные миссионеры, христианизация, религиозный синкретизм, мюридизм.

The article reveals the difficulties encountered by the Orthodox missionaries in their quest to Christianize Adygs in the North-Western Caucasus in the period from the second half of the 19th century to the October 1917 coup. The author singled out thirteen factors complicating the mission, which, for the sake of convenience, were united into three groups. Much attention is paid to the analysis of official state and church documents, the implementation of the provisions of which made the missionary activity more difficult. It also shows the complexity of the spiritual life of Adygeyan society, which preserved elements of different religious concepts under the dominant influence of the Adyghe Khabze Code. All this made the Orthodox mission very difficult and slowed it down, so its results were rather modest. This experience today needs a detailed study in the aspect of increasing the effectiveness of interethnic and interreligious interaction, forecasting and leveling out its possible negative results.

Keywords: North-Western Caucasus, Circassians, traditional society, adyghe habze, Russian Orthodox Church, Orthodox missionaries, Christianization, religious syncretism, Muridism.

Изучение любого аспекта миссионерской деятельности, рассматриваемого в контексте определенной исторической эпохи, всегда представляется достаточно сложной задачей. Миссия является комплексным взаимодействием некоей новой концепции, приносимой извне, с уже утвердившейся религиозно-философской картиной мира определенного этноса. Что же касается миссии православной церкви среди адыгов во второй половине XIX в., а точнее с момента окончания Кавказской войны (с 1864 до 1917 гг.), то сложность ее научного изучения возрастает многократно. Данное утверждение можно проиллюстрировать множеством тезисов, которые и составят предметное поле настоящего исследования.

В целях удобства мы систематизировали их в три группы: *внутренние* и *внешние* причины, осложнявшие миссию и собственно *государственно-миссионерские ошибки*.

К *первой* группе мы отнесли: традиционное адыгское общество; кодекс адыгэ хабзэ; религиозный синкретизм и отсутствие письменности. Ко *второй* – политику Османской империи на Кавказе и мюридизм; ошибки правительства и бытовые конфликты с раскольниками-казаками. И к *последней* – бюрократические препоны; странные «правила» о порядке крещения; споры о целесообразности миссии среди адыгов; «конкуренцию» миссионерских обществ; финансовые проблемы и религиозные реформы начала XX в.

Традиционное адыгское общество. После окончания военных действий и вхождения Северного-Кавказа в состав Российской империи началось постепенное налаживание мирной жизни, параллельно шло создание церковной структуры: увеличение епархиальных центров, открытие православных приходов и монастырей. Однако все это в большинстве своем было ориентировано на русских переселенцев и казаков, общественная и религиозная жизнь адыгов практически не подвергалась изменению. Осуществление миссионерской деятельности православной церкви среди них было связано с проникновением в традиционное общество, отличающееся трепетным отношением его представителей к сохранению наследия предков, передаваемого из поколения

в поколение. Для общества подобного типа также характерны такие факторы, как традиционная экономика, преобладание аграрного уклада, стабильность социальной структуры, сословная организация и ряд других. Замкнутость этого типа общества выражается и в религиозной составляющей, поэтому для миссионерской деятельности подобные общественные системы всегда представляются наиболее сложным объектом.

Со второй половины XIX в. в адыгском обществе начались масштабные трансформации, явившиеся следствием вхождения народов Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи. Основным содержанием данных трансформаций стало постепенное размывание традиционного уклада жизни. В итоге адыгам пришлось пожертвовать некоторыми элементами своего традиционного уклада, а какие-то заимствовать из русской культуры. В целом происходило стирание границ в сфере межкультурного взаимодействия, что закладывало предпосылки и для преобразования религиозных аспектов жизни, однако развивались эти процессы очень медленно.

В данном контексте одной из причин, обусловивших трудности миссионерской деятельности православной церкви, были особенности семейно-бытовых отношений. Сложность для миссионеров заключалась в том, что их деятельность на этом уровне встречала сильное сопротивление именно в силу жесткой регламентированности данной сферы. У адыгов преобладала неразделенная семья *унэгъошху*, «отличительным признаком которой являлось проживание в одном дворе нескольких женатых братьев, совместно ведущих общее хозяйство» [19, с. 78-79]. Большая адыгская семья могла достигать ста и более человек. Отношения в ней были прописаны до мелочей. Главой семьи являлся старший мужчина – отец, представлявший ее на уровне селения, регулировавший повседневную хозяйственную деятельность, распоряжавшийся средствами семьи, решавший все вопросы, касающиеся жизни ее членов. Он мог категорически запретить принятие крещения какому-либо родственнику.

Кодекс «Адыгэ хабзэ». Еще одним затруднительным элементом для православной

миссии был морально-правовой кодекс «Адыгэ хабзэ», регулировавший все сферы жизни и являвшийся обязательным для исполнения. Авторы, исследующие адыгство, отождествляют его с «адыгским этикетом», раскрывая содержание через идеологизированные свойства национального характера как высшую ценность, некий идеал. Традиционная этика представлялась адыгам гораздо более «обширной и проработанной системой, нежели моральные требования адептов мировых религий» [11, с. 407], в силу чего любая вера, приходившая к ним, накладывалась на практически незыблемое ментальное ядро и воспринималась лишь частично, как совокупность новых обрядов [49, с. 20]. Таким образом, кодекс «Адыгэ хабзэ» мешал глубоко интегрироваться в адыгское сознание всему чуждому, не адыгскому, в том числе и мировым религиозным доктринам, пришедшим извне.

Тем самым адыги подчеркивали, что внешние догматы, язык молитв, личность Бога или божеств для них не так важны, как внутренняя приверженность идеям *адыгагъэ*. Пять его основных принципов всегда стояли выше, чем христианские заповеди Священного Писания. Одной из основных характерных черт их религиозного сознания являлась его подчиненность этническому самосознанию, согласно которому национальная самоидентификация «я – адыг» всегда превалировала над принадлежностью человека к той или иной конфессии: «я – христианин» или «я – мусульманин» [11, с. 408].

Красноречивое подтверждение месту религии в иерархии духовных ценностей адыгов иллюстрирует народная поговорка: «*Диньыр хыхъэ хэк1щ, узыкэмык1ыфынур уи лъ-эпкъщ* – Религию можно поменять, нельзя поменять нацию» [27, с. 75]. Иными словами, самоидентификация на уровне принадлежности к этносу стояла неизменно выше, чем по вероисповеданию. Такая концепция коренным образом противоречила христианскому учению и словам апостола Павла: «*Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос*» (Кол. 3:11). В православии национальность стирается, она уже не доминанта, на первый план выходит религиозная общинная

жизнь и единение на основе общих христианских ценностей.

Многовековая устойчивость нравственных норм и законов *адыгагъэ* позволяла адыгам воспринимать религию «достаточно свободно, наслоение различных религиозных догматов не разрушало адыгскости, а скорее закрепляло, вписываясь в ее предписания. Этикет адыгов не поглощал религию полностью, но позволял свободно в ней ориентироваться, не утрачивая национальных особенностей» [25, с. 150-151]. Выработанное в течение большого исторического опыта *адыгагъэ* всегда оставалось базисом, а религиозные системы – всего лишь надстройками. В этой связи выглядит закономерным и следующая причина осложнявшая миссию среди адыгов.

Религиозный синкретизм. В духовной сфере адыгов продолжал сохраняться религиозный синкретизм – явление объединения различных религий (или их отдельных элементов) в единую религиозно-мировоззренческую систему. Синкретизм у них выступал не как случайное смешение некоторых элементов различных религий, а как бессознательный отбор того, что было более приемлемо для народа. Адыги активно использовали в своих религиозных обрядах элементы как христианства и ислама, так и язычества. Особое место в их пантеоне занимал крест: «Все те места, где имеется изображение креста, считаются святыми – большей частью это руины церквей» [3, с. 108] [18, с. 448]. В культовой практике важное место занимало поклонение священным деревьям и рощам. Считалось, что достаточно повесить на такое дерево деталь одежды больного, чтобы тот исцелился. О почитании некоторых деревьев говорят и заметки путешественников: «У них есть деревья, отмеченные крестом, которые они почитают и которых никогда не касался топор... Дерево, в которое ударила молния, становилось священным» [23, с. 29, 33] [29, с. 448].

Отсутствие письменности. Во второй половине XIX в. серьезной трудностью для миссионерской деятельности православной церкви среди адыгов являлось отсутствие у них письменности. Даже при успешной проповеди христианства в устном обществе существуют серьезные ограничения для его усвое-

ния и распространения. Как свидетельствует исторический опыт, любая христианская миссия среди бесписьменных народов всегда начиналась с изучения языка и дальнейшего создания письменности. К сожалению, не удалось обнаружить источники, свидетельствующие, что в это время предпринимались усилия по созданию адыгской письменности православными миссионерами.

Одна из первых попыток создания письменности у адыгов принадлежит Н. Шеретлукову, которым в первой трети XIX в. был разработан адыгский алфавит, позже уничтоженный по настоянию исламского духовенства. В 1821 г. адыгскую (черкесскую) азбуку составил Эфенди Магомет Шапсугов. В конце 30-х гг. XIX в. лингвистом Грацилевским был создан черкесский алфавит, по которому велось обучение русскому и черкесскому языкам военнослужащих – черкесов Кавказского горского полуэскадрона. В 1840 г. кабардинскую азбуку на русской, а затем на арабо-персидской основе составил известный ученый и просветитель Б. Ш. Ногмов. В 1853 г. адыгский (нижнечеркесский) алфавит на основе арабской графики составил У. Барсей. Годом позже им был издан «Букварь черкесских языков», одобренный Академией наук и изданный в Тифлисе. Работа У. Барсея получила высокую оценку П. Услара, М. Краснова.

В 1878 г. адыгский алфавит на арабской графической основе составил Х. Анчок. Он состоял из 68 букв и отражал почти все звуки адыгской речи. В 1895 г. К. Атажукин издает в Тифлисе кабардинскую азбуку на русской графической основе, к которой впервые дает методические указания и лингвистические термины на родном языке. Систематическая работа по разработке и внедрению адыгской письменности была продолжена и в XX в.

В 1906 г. П. Тамбиев под влиянием работ Л. Г. Лопатинского издал краткую кабардинскую грамматику и русско-кабардинский словарь. В 1910 г. турецким черкесом доктором М. Пчегатлуком был изобретен адыгский алфавит на арабской графической основе. В этом же году в Константинополе были изданы написанные им букварь и учебники на адыгейском языке. В 1912 г. новым автором кабардинской азбуки на основе арабской графики

стал С. Тайсаев. После длительных изысканий кабардинскую азбуку на арабской графической основе в 1916 г. изобрел Т.С.Шеретлуков. Этот процесс получил свое продолжение и после октябрьского переворота. В середине 20-х гг. XX в. недавно созданные письменности на Северном Кавказе подверглись латинизации. Завершением этого процесса можно считать 1938 г., когда произошло упорядочение адыгской письменности на основе кириллицы.

Из этого краткого исторического очерка следует заключить, что процесс формирования адыгской письменности в рассматриваемый период не был завершен, а наоборот активно развивался по нескольким направлениям, попадая под арабское, русское и европейское влияние. Поэтому миссионеры пошли наиболее простым для себя путем и решили проповедовать христианство среди адыгов на русском языке. Но здесь возникали и определенные трудности, так как государственным языком не владело большинство местного горского населения. Для их преодоления в девяти адыгейских аулах были открыты *русские епархиальные школы грамоты*, в которых обучались не только дети, но и взрослые.

Однако итог такой миссии оказался полностью безуспешным. *Во-первых*, эти школы функционировали всего четыре года, поскольку в это время им возникла альтернатива: в соответствии с циркуляром начальника Кубанской области, в горских селениях Майкопского отдела открылись государственные школы. Содержать две школы аульские общества оказались уже не в состоянии, и они перестали посылать в них детей, не стали доставлять и дрова [38, с. 22] [39, с. 508] [48, с. 733], в итоге их пришлось закрыть. Таким образом, вмешательство министерства народного просвещения погубило миссионерское начинание православной церкви.

Во-вторых, следует отметить малочисленность епархиальных школ. Они функционировали всего в 9 аулах Майкопского отдела Кубанской области (Адабий, Ульский, Ходзь, Джерокай, Блечепсин, Хатукай, Хачемзий, Кошехабль и Егурухай) [35, с. 312]. И за четыре года (1899-1901 и 1903 гг.) через них прошло в общей сложности 834 чел. (276 взрослых, 551 мальчик и 7 девочек) [34, с. 312] [41, с. 630]. Та-

кие цифры соответствуют примерно 1% адыгского населения проживавшего в регионе. С учетом этих сведений можно дать неудовлетворительную оценку задумке обучения русскому языку местного населения на исследуемом этапе.

Кроме внутренних рассмотренных нами причин, затрудняющих миссию среди адыгов, были и другие, внешние, которые в такой же степени стали препятствием для проникновения проповеди Христа в Кавказские земли.

Политика Османской империи на Кавказе – мюридизм. При рассмотрении проблем, с которыми столкнулась православная Церковь в процессе христианизации местного населения, важно учитывать и геополитическое противостояние между Российской и Османской империями. Последняя, активно участвуя в противодействии на Кавказе использовала и религиозный фактор. В итоге мусульманская вера для адыгов стала идеологическим знаменем борьбы. По словам бжедугского князя Хаджимукова: «Турки преуспели не в привитии адыгам чистого ислама, а в деле внушения им фанатичной ненависти ко всем христианам и направляли удары черкесов против России» [31, с. 19] [66, с. 12-21]. Идеологический кризис обратил их к исламу, до этого в массе своей равнодушных к официально признанной, но еще не проникшей в сознание религии. Адыгское общество нуждалось в новых ценностных ориентирах, которые могли бы явиться фундаментом в обстановке глубокого духовного надлома. И здесь ислам становился моральной опорой для опустошенных войной адыгов.

В целях усиления военной вражды горцев против России на Северный Кавказ было перенесено и радикально реформировано суфийское мистическое течение ислама – мюридизм. Но и насаждение ислама тоже имело свои трудности. Неудачи мусульманских проповедников начинались тогда, когда они касались народного быта адыгов, который строился на основе выработанного веками *адыгагъэ* и регулировался обычным правом – адатом. Многие адыги (абадзехи, шапсуги, натухайцы и другие) даже к середине XIX в. оставались мусульманами лишь номинально. Один из основных моментов утверждения ислама у адыгов

связан с именем шейха Мансура. Темиргоевцы и шапсуги почитали его за святого и называли «эвлия Мансур» («святой» Мансур). В то же время Э. Спенсер в своей работе отмечает, что «вероучение пророка Кавказа базировалось более на христианских, чем на мусульманских доктринах, в то время как терпимость, с которой он рассматривал все системы веры, имела эффект консолидации и способствовала в немалой степени увеличению числа его сторонников» [32, с. 13] [68, с. 141] [62, с. 127].

Тем не менее, мусульманская вера стала для определенной части адыгов идеологическим знаменем национально-освободительной борьбы. Ислам среди адыгов продолжал играть значимую, консолидирующую роль и после завершения войны на Кавказе. Так, в 1865 г. среди бжедугов под руководством духовенства начинаются массовые выступления за немедленное переселение в Турцию. В отчете подполковника П. Г. Дукмасова отмечалось, что религиозный фанатизм возбужден у бжедухов более, чем где-либо между горцами Кубанской области. Эфенди Магомет Ганахок, при собрании жителей нескольких аулов – Тургуроевского, Тлюстенхабльского и Шенокиевского призывал к переселению, учитывая, что бжедухи не могут оставаться здесь, потому что они обязаны служить Богу и государю (турецкому султану). Старшиной Тлюстенхабльского аула Тарканом Куйсоком было высказано мнение, что они не могут оставаться на этой оскверненной земле, потому что, живя здесь, они не сумеют достичь рая. На собрании обществ Очепсиевского, Казанукаевского, Шаган-Черихабльского, Шабангальского и Эдепсукаевского аулов эфенди Хут призывал народ к немедленному уходу в Турцию, так как бжедухи должны идти к турецкому султану [8, с. 1-2] [9, с. 8, 12, 41-42] [10, с. 1]. Такой радикальный подход у части адыгского общества ко всему не мусульманскому заметно осложнял православную миссию среди них. Дело еще усугублялось и привитой ненавистью ко всему русскому, с которой ассоциировалась православная вера.

Ошибки правительства. Переходу адыгов в ислам в определенной степени способствовали и просчеты русского правительства. В царствование императрицы Екатери-

ны II многие адыги были угнетаемы своими князьями, что побудило их к поиску убежища в русских владениях и переселения на военную линию, в надежде на покровительство России, но их ожидания не исполнились, и в дальнейшем им снова пришлось вернуться под власть своих князей. Мусульманство «сумело воспользоваться всеми промахами и ошибками русских в обращении их с горцами и обратить их в свою пользу, возбудив последних против России» [34, с. 428-433]. После поражения в войне в народной памяти адыгов на долгие годы закрепился сформировавшийся образ «русского врага», вместе с которым и православное христианство стало ассоциироваться как «русская вера». Современный исследователь Марат Губжоков в одном предложении смог описать альтернативную историю, что могло бы быть, но не произошло: «Взвешенная российская политика и активная миссионерская деятельность Русской православной церкви могли стать решающим фактором в области выбора веры частью адыгов и в сфере дальнейших перспектив мирного присоединения Северо-Западного Кавказа к России» [11, с. 407].

Таким образом, военно-политические обстоятельства негативно сказались на миссионерском потенциале православной церкви. Как показало развитие событий, религиозный фактор стал, с одной стороны, объединяющей, консолидирующей общество силой, поддерживающей устойчивость системы на основе общности религии, а с другой – при наличии поликонфессиональной составляющей способствовал дестабилизации обстановки, усиливая в зоне конфликтности противостояние по принципу «мусульманин – не мусульманин», «христианин – не христианин». В рамках получающей все более широкое распространение концепции столкновения цивилизаций события на Северном Кавказе все чаще рассматриваются как противостояние российского государства с мусульманскими группами, принадлежащими к разным цивилизациям [24, с. 35].

Бытовые конфликты с раскольниками-казаками. Если обозначенная проблема была вызвана просчетами в центре, то рассматриваемая ниже – уже носила местный харак-

тер. Бытовые конфликты казаков с адыгами отворачивали их как от России, так и от православия. Нравственные качества представителей казачества, среди которых было большое количество сектантов, оставляли желать лучшего, многие из них были далеки от христианских добродетелей. В характере раскольников-казаков зачастую преобладали хищнические инстинкты. «Если первым русским беглецам и удалось завязать и поддерживать дружественные отношения с кавказскими народами, то казаки-раскольники нередко давали чувствовать свою силу адыгам, которые вследствие этого стали относиться к русским более враждебно» [43].

Выше мы рассмотрели внешние причины неудачной миссии церкви среди адыгов. Это были субъективные факторы, не зависящие от миссионеров, которым лишь приходилось учитывать их в своей работе или искать способы их нивелировать. Далее будут подвергнуты анализу непосредственно ошибки самой православной миссии, которая была неотделима связана с государственными институтами. Эти неудачи не умаляют достоинства отдельных выдающихся миссионеров, которые не покладая рук трудились на этой ниве. В основном ошибки были допущены на самом «верху», – в Св. Синоде, всевозможных церковных миссионерских обществах и комитетах, в действиях некоторых архиереев и ряда государственных чиновников.

Бюрократические препоны. Вызывает удивление время издания специального миссионерского указа «О предоставлении православному миссионерскому обществу права распространить свою деятельность на Кавказскую епархию» от 26 октября 1878 г., одобренного самим императором Александром II [63, с. 44-45]. Этот указ был подписан только через четырнадцать лет после присоединения региона к России. По его положениям, православному миссионерскому обществу было предоставлено право распространять свою деятельность на Кавказскую епархию. Таким образом, драгоценное время для налаживания миссионерской деятельности было потеряно. Рассмотрим еще один случай несвоевременного решения. Сразу после войны в Ставропольской губернии было задумано создать

официальный журнал, в котором печатались бы епархиальные новости и миссионерские материалы, относящиеся к адыгам и другим горцам. Но только через четыре года, в 1868 г., эта идея стала широко обсуждаться среди преподавателей Ставропольской духовной семинарии. Выпуск же такого журнала начался и вовсе только с 1873 г., то есть спустя девять лет.

Особенности «правил» о порядке крещения. Если вышеописанная медлительность при принятии решений являлась следствием бюрократических проволочек, то смысл появления рассматриваемого здесь документа довольно сложно логически объяснить. В декабре 1861 г. императором были поддержаны «Правила о порядке совершения над иноверцами не христианами святого крещения» [64, с. 27] по которым запрещалось совершать крещение над язычниками, евреями и мусульманами моложе четырнадцати лет без согласия их родителей. Ими предписывалось совершать крещение только в храмах и в присутствии «благонадежных свидетелей» и выдавать евреям от 15 до 30 руб. серебром, калмыкам-простолюдинам по 15 руб., холостым – по 8 руб.

Эти «правила» на практике показали полную несостоятельность и поспешность принятых решений. После их утверждения Св. Синод был буквально завален многочисленными жалобами миссионеров. К тому же многие иноверцы стали прибегать к таинству крещения как к новому способу решить свои финансовые проблемы. Некоторые архиереи смогли добиться через Св. Синод изменений ряда формулировок в своих епархиях. Среди архипастырей, выступивших с инициативой изменения данных правил, можно назвать архиепископа Камчатского Иннокентия. На этом миссионеры не остановились и подали прошение во II отделение императорской канцелярии, чтобы полностью изъять из закона пункты, препятствующие крещению [36, с. 111-123].

Министр внутренних дел и главноуправляющий отделением императорской канцелярии частично согласились на эти изменения, что и было зафиксировано в новой редакции документа от 8 августа 1863 г. Но и

такой компромиссный вариант «правил» носил половинчатый характер и большинством миссионеров был встречен также негативно. В начале 1864 г. в Св. Синод поступила петиция от архиепископа Иркутского Парфения о затруднениях, встреченных при крещении по ним. Владыка Парфений так описывал миссионерские трудности: «От родителей, признающих христианскую веру ложной и фанатически настроенных относительно христианства требовать согласия на то, чтобы их дети принимали христианскую веру, значит требовать невозможного, значит прямо и безусловно воспрещать доступ к христианскому учению детям моложе 14 лет» [46, с. 103-104].

Негодование владыки вызывал и бездарно составленный пункт о финансовой помощи. Он недоумевал почему в пособии отказано бурятам, остякам, тунгусам и прочим инородцам, не менее калмыков нуждающимся в денежном вознаграждении, так как по принятию крещения они часто становятся отверженными и подвергаются гонениям, а поселясь в христианских селениях не имели средств. И даже при хорошей денежной помощи калмыкам Астраханский епископ также жаловался на эти «правила», которые не давали хороших результатов и среди них.

Только 12 мая 1874 г. на общем миссионерском собрании правительству было рекомендовано отменить эти пресловутые пункты, но и здесь возникли препятствия: требовалось предварительное заключение главноуправляющего II отделением императорской канцелярии и министра внутренних дел, а также министра финансов. Это было сделано только в июле 1891 г., то есть через тридцать лет (!), итогом чего стало лишение крещения очень многих детей.

Споры о целесообразности миссии среди адыгов. С 1864 г. велась внутрицерковная дискуссия среди православных миссионеров о целесообразности проведения миссии среди адыгов. Некоторые считали ее поспешной, по их мнению, нужно было выждать время пока не затянулись бы «раны войны». Другие вообще отвергали возможность ведения миссии среди мусульман, по их мнению «магометане фанатичны в своей вере, и поэтому нельзя надеяться на их обращение в христианство мас-

сами. Религиозный фанатизм – пламенный и упорный – нисколько у них не ослабевает, а для борьбы с ним нет никаких средств. Нет и специальных проповедников Евангелия среди магометан, а у последних нет никакой охоты слушать их, тем более что вступать с иноверцами в состязание о вере им запрещено Кораном» [42, с. 70-71] [38, с. 689-692] [39, с. 690]. Подобные заключения миссионеры делали после безуспешных попыток обратить в христианство рьяных последователей ислама. Совет миссионерского братства им. св. Андрея Первозванного поддерживал такую позицию и характеризовал результаты миссии среди мусульман следующим образом: «Они редко оказывают истинную, чистосердечную, бескорыстную привязанность к христианству, и если принимают крещение, то потом являются плохими христианами». И далее делались неутешительные выводы, что «магометанская религия очень развращающе действует на сердце, и магометане почти потеряны для христианства» [40, с.17] [43, с. 75].

Такое антимиссионерское внутрицерковное «лобби» на Кавказе было весьма весомо и сильно осложняло миссию. Озвученная позиция глубоко ошибочна и полностью опровергается словами Спасителя, который сказал: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:19). Он не говорил апостолам, что нужно крестить одних, а других не крестить, так как их трудно обратить, а дал четкое указание на «все народы». Может кто-то из скептиков возразит, что во времена Христа еще не было ислама, что, возможно, это действительно особая необращаемая религия, которая появилась позже и о которой Спаситель еще не знал. Но такие мысли с точки зрения христианского учения являются ересью, умаляющей божественность Христа, наделяя Его при этом полностью антропоморфными свойствами. Библейские тексты свидетельствуют о том, что Бог существует вне времени и пространства (*Иоан. 1:1-3; Кол. 1:16, 17 и др.*), как и сама Библия в которой имеется много книг пророческого содержания, например, Откровение от Иоанна Богослова.

Однако, человек живет в ограниченном трехмерном мире, существуя лишь в настоящем, от него сокрыто будущее, а прошлое он

может переживать лишь воспоминаниями. Религиозная картина мира подразумевает наличие у Творца немного иных свойства бытия: Он вечен и создал реальный мир не в трехмерной, а в четырехмерной метрике, в которой одновременно уже существуют и прошлое, и настоящее, и даже будущее. В XIX-XX вв. ученым (математикам [1, с. 288-306] [20, с. 50-60] [21, с. 61-70] [22, с. 27-49] [28, с. 167-179], физикам [5, с. 207] [65, с. 31, 62], астрофизикам [15, с. 92] [16, с. 178] [17, с. 82-83] и философам [30, с. 3-190]) удалось теоретически и экспериментально доказать реальность нашего мира с метрикой $n=4$ пространства-времени, причем с некоторой кривизной. Поэтому отрывок из Евангелия от Матфея, приведенный выше, актуален для всех времен и народов.

«Конкуренция» миссионерских обществ. В уставе «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» было прописано два интересных примечания. Так, первое гласило, что деятельность общества не распространяется на Кавказский и Закавказский край. Во втором примечании указывалось, что его деятельность распространяется на Кавказскую епархию, но с исключительной целью обращения в христианскую веру находящихся там язычников. И далее приводилась ссылка на определение Св. Синода от 15-23 ноября 1878 г. под № 1411 [44, с. 56-57]. Миссионерскому обществу разрешалось вести деятельность на Кавказе, но не среди мусульман (в основном, среди калмыков). Данное решение стало фатальным для православной миссии среди адыгов, так как в уставе миссионерского общества хоть и предписывалось возможность миссионерства среди всех горцев Кавказа, но в основном оно занималось только осетинами. Можно лишь предположить, что принятое решение было продиктовано тем, чтобы не «конкурировать» с вновь образованным ставропольским Свято-Андреевским православным братством. Таким образом, в первое десятилетие после войны адыги фактически оставались без православной миссии.

Финансовые проблемы. Еще одним серьезным препятствием, существенно замедляющим православную миссию среди адыгов, была крайняя скудность выделяемых денеж-

ных средств на Кавказскую миссию. Этот вопрос не раз поднимался на всевозможных миссионерских съездах, миссионеры жаловались, что на миссию «тратятся жалкие гроши» [6, с. 556-559], но ситуация коренным образом не менялась. По финансовым отчетам Всероссийского православного миссионерского общества за двадцать четыре года им было получено более 4 млн. руб. Все эти средства были собраны исключительно на пожертвования по всей России. Но на Кавказскую миссию тратилось всего лишь от 0,1 до 1,7% от общего бюджета всех миссий [7, с. 12-14] [37, с. 163-164] [47, с. 114-116].

Одной из наиболее серьезных проблем, тормозивших миссионерскую деятельность на Северо-Западном Кавказе, можно считать скудное финансирование ставропольского епархиального Комитета. В периодических миссионерских журналах удалось обнаружить сметы расходов за четырнадцать лет – с 1894 по 1913 гг. (за пять лет – с 1906 по 1910 гг. и за 1912 г. – расходных смет не найдено). Однако даже по имеющимся данным можно без труда установить тенденции, связанные с финансированием миссии.

Анализ работы общества свидетельствует, что в 1894-1895 отчетном году на миссионерскую деятельность на Кавказе было потрачено порядка 300 руб., что составляло всего 0,1% от всех миссионерских затрат. На тот год в православной церкви существовало 9 миссий и 15 миссионерских учреждений. Сумма, выделенная на Кавказское миссионерство, являлась самой минимальной. К примеру, Алтайская миссия получила 34 870 руб. (15%), Иркутская – 24 401 руб. (10,4%), Казанское учреждение – 24 130 (10,3%), Японская миссия – 23 971 руб. (10,2%)... Наиболее близко по сумме финансирования к Кавказскому учреждению находилось Полоцкое – миссионерская деятельность среди латышей в Прибалтике – на него было выделено 370 руб. [50, с. 166-170].

Финансовое положение оставалось без изменений еще в течение четырех лет (с 1895 по 1899 гг.). В этот период сумма, выделенная советом и одобренная собранием миссионерского общества, не превышала 300 руб. в год, что также составляло около 0,1%. Статья, по

которой выделялись деньги, звучала следующим образом: «На предмет распространения православного христианства между инородцами епархии» [51, с. 128-132] [52, с. 173-177] [53, с. 152-154] [54, с. 103-104]. Положение начинает меняться в течение двух следующих лет (с 1899 по 1901 гг.), когда финансирование уже названного не Кавказским, а Ставропольским учреждения было увеличено вдвое и составляло 600 руб. в год или 0,2% от всех миссионерских расходов [55, с. 63-64] [56, с. 62-63].

Переломный момент в увеличении финансирования Ставропольского миссионерского учреждения наступил в 1901 г. Так, в 1901-1902 отчетном году сумма увеличивается на порядок – почти в десять раз (!) и уже составляла 5 802 руб. или почти 1,7% от общих миссионерских расходов. Эти ассигнования все равно были недостаточны и ничтожно малы по сравнению с финансированием остальных миссий и учреждений, но все же смогли коренным образом изменить ситуацию и вывести миссию среди адыгов на новый уровень. К примеру, на Иркутскую миссию в это время тратилось 37 145 руб. (10,6%), на Забайкальскую – 32 256 руб. (9,2%), на Алтайскую – 32 175 руб. (9,2%), на Японскую – 25 129 руб. (7,2%), на Казанское миссионерское учреждение – 24 975 руб. (примерно 7,2%)... [57, с. 55-56].

Подобная ситуация с финансированием продолжалась еще примерно четыре года. Данные за 1902-1903 гг. свидетельствуют, что сумма, выделенная на Ставропольское миссионерское учреждение, составляла 6 424 руб. (1,8%) [58, с. 48-49]. В 1903-1905 гг. сумма оставалась прежней – 6 424 руб., и соотношение с финансированием других миссий не менялось, составляя 1,8% [59, с. 57-58] [60, с. 60-61]. Снижается, но совсем незначительно, до 5 830 руб., финансирование Ставропольского учреждения в 1905-1906 гг. (1,7% от всех миссионерских трат) [61, с. 99-100].

Далее финансовые отчеты не публикуются, и мы имеем пробел почти в пять лет. Следующая смета расходов, которую удалось обнаружить, была датирована 1911 г. В общей динамике Ставропольское миссионерское учреждение сохранило 1,8% от общих затрат на другие миссии, но в финансовом эквиваленте

эта сумма упала почти в два раза и составляла 2 566 руб. Данная тенденция была вызвана общим падением доходов миссионерского общества: если в благоприятные годы они составляли примерно 350 тыс. руб., то в 1911 г. – всего 137 тыс. руб. [4, с. 5-6].

Следующий и последний отчетный год, сведения по которому доступны – предвоенный 1913 г. Он примечателен тем, что впервые не было выделено вообще никаких финансовых средств на Ставропольское миссионерское учреждение, общий доход общества катастрофически сократился и составил около 90 тыс. руб. Это был самый скудный по финансированию год, многие миссии и миссионерские учреждения были закрыты, а оставшимся было сильно урезано финансирование [45, с. 5-6].

Подводя итог финансовой деятельности миссионерского общества за четырнадцать лет по Ставропольскому миссионерскому учреждению, можно выделить четыре этапа. *Первый*, с 1894 по 1899 гг., когда поступало очень небольшое финансирование в размере 300 руб. На *втором* этапе, с 1899 по 1901 гг., сумма выросла в два раза – до 600 руб., все равно являясь недостаточной. *Третий* и самый благоприятный этап – с 1901 по 1906 гг., когда размер поступлений составлял примерно около 6 000 руб. С 1911 г. начинается *последний*, четвертый этап, который характерен снижением ассигнований до 2 566 руб., а к 1913 г. финансирование было полностью прекращено.

Религиозные реформы начала XX в.

Финансовый вопрос был очень актуальным, но самый сильный удар был нанесен православному миссионерству в начале XX в. проведенными религиозными реформами. Под сильнейшим давлением некоторых либеральных министров, в особенности председателя Совета министров графа С. Ю. Витте, император Николай II утвердил три законопроекта, подорвавших монополию на проповедь православной церкви. Это манифест «О веротерпимости» от 26 февраля 1903 г., указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. и закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.

В манифесте «О веротерпимости» приводятся причины, которые подтолкнули к его подписанию: «...смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни, препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния. Смута эта, волнуя умы, отвлекает их от производительного труда и нередко приводит к гибели молодые силы, дорогие нашему сердцу и необходимые их семьям и родине...». Манифест оставлял ведущую роль за православной Церковью, но при этом уже декларировал свободу любых исповеданий: «Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи Российской, которые, благоговейно почитая православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» [26, с. 375].

После его принятия положение неправославного населения коренным образом не изменилось, однако данное событие стало своеобразным сигналом к формированию траектории движения российского правительства по данному вопросу. И уже через два года появляется второй законопроект, касающийся вопросов веротерпимости – указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., который имел кардинальное отличие от манифеста 1903 г., только декларировавшего принципы вероисповедания, – в указе эти принципы получили дальнейшее раскрытие, хотя все еще довольно поверхностное. Так, его шестой пункт гласил: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [14].

Логическим завершением религиозной реформы стал закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., по которому Церковь потеряла жесткое государственное ограждение. Согласно ему, всем подданным предоставлялось право исповедовать любое вероучение, а все религии России уравнивались в правах. При этом доминирующее положение православной церкви в государстве ослабло: но она оказалась единственной среди всех религиозных организаций, сохранившей неразрывную связь с государственным аппаратом. По этому закону отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение уже не подлежало преследованию. Также дозволялось «воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей». Были признаны «подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания» [13, с. 257-258].

Трагичность православной миссии среди адыгов заключалась в том, что она стала «набирать обороты» только на рубеже веков. Всего за несколько лет до подписания трех законопроектов о веротерпимости финансирование православной миссии на Кавказе по линии ставропольского епархиального Комитета возросло в двадцать раз (!), с 300 до 6 000 руб. в год. После же 1906 г. и вплоть до 1910 г. православная миссия среди адыгов приобрела вялотекущий характер. Либеральные инициативы правительства поставили священнослужителей православной церкви в невыгодное положение по сравнению с духовенством других конфессий, те оказались наделены правами свободы совести, а клирики господствующей церкви остались связанными бюрократическими узами государственного аппарата – обер-прокуратуры. Соответственно, духовенство православной церкви было не удовлетворено сложившейся ситуацией. Священнослужители начали открыто заявлять о своем недовольстве положением и желании скорейшего созыва Поместного собора. Он – как высший представительный церковный орган – смог бы решить насущные проблемы [2, с. 14].

Св. Синод своим циркуляром предложил епархиальным архиереям дать отклики на

этот указ и его возможные последствия. Многочисленные отзывы показали, что документ рассматривался ими как покушение на права православной церкви, создавая благоприятные условия для инославия и иноверия; в частности, по словам архиепископа Казанского и Свияжского Никанора (Каменского): «Все направлялось к низвержению могущественного положения православия» [67, с. 74] [33, с. 342-343]. Но данные критические рекомендации и пожелания об отмене религиозной реформы, высказанные некоторыми архиереями, не были доведены св. Синодом до императора и плачевные результаты не замедлили сказаться. В 1905-1907 гг. в западных областях России «170 тыс. чел. перешли из православия вновь в католичество; 36 тыс. татар и башкиров Поволжья вернулись в ислам; около 10 тыс. чел. перешли в протестантство разных толков» [12]. Но самым главным стало то, что многие миссионеры почувствовали себя преданными государством.

Резюмируя весь комплекс причин, осложнявших православную миссию среди адыгов в период с 1864 по 1917 гг., следует выделить, с одной стороны, очень сложную этнокультурную среду в данный период. Адыги оказались на пике цивилизационного излома: война была проиграна, осуществилось массовое переселение в Турцию – мухаджирство, а те кто остался, имели неоднородное мнение о России. Эти переживания отождествлялись и с православием, которое рассматривалось как синоним «русской веры». Народ имел смешанные религиозные представления, элементами которых являлись: христианские пережитки, нововведения ислама, также большое влияние имел и кодекс *адыгэ хабзэ*. К этому стоит добавить принятие государственных и церковных указов, оказывающих негативное влияние на христианизацию адыгов. Но все же при некотором отрицательном опыте, описанном в нашей статье, результатом православной миссии стало крещение более 60 человек [36, с. 148]. Это, конечно, не много, но если рассмотреть данное явление не только с исторической, а еще и с духовно-религиозной точки зрения, то и один крещеный – это хороший результат, это спасенная душа, а значит миссия принесла свои плоды.

Использованная литература:

1. Александров А. Д. Замечания к основам теории относительности // Избранные труды в 3-х т. Новосибирск: Наука, 2006. Т.1. С.288-306.
2. Бабкин М. А. Русская Православная Церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России. Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2007.
3. Барков Ф. А., Ляушева С. А., Черноус В. В. Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе. Ростов-н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы - Южный федеральный университет, 2009.
4. Ведомость о суммах православного миссионерского общества за 1911 г. // Православный благовестник (Приложение), 1912. Т. 2. № 21. С. 5-6.
5. Вейль Г. Пространство, время, материя. Лекции по общей теории относительности. М.: Янус, 1996.
6. Вниманию будущего общепархиального съезда (по вопросу о миссионерстве) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. № 16-17. С. 556-559.
7. Всероссийское православное миссионерское общество (1870-1895 гг.). По поводу 25-летия его деятельности. СПб.: Товар-во «Печатня С.П. Яковлева», 1895.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222 (Дело о бжедуховце эфенди Хут, сосланном на 8 лет в Смоленскую губернию за агитацию горцев переселяться в Турцию). Л. 1 об-2.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364 (Дело о распространении старшиной Кочесоковым слухов о насильственном введении христианства). Л. 8-12об, Л. 41 об-42.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 656. Рапорты окружных начальников о выдаче горцам разрешения на выезд в Турцию (1866-1867 гг.). Л. 1.
11. Губжиков М. Н. Культура адыгов // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2-х т. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 407-450.
12. Еремина В.М. История Русской Православной Церкви (курс лекций). Лекция 28. [Электронный ресурс] // В свете Христовой правды: статьи и лекции Ерёминой Веры Михайловны. URL: <https://vmeremina.ru/istoriya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-lekcija-%E2%84%9628/> (дата обращения: 08.04.2018).
13. Именной высочайший указ Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. № 26125. СПб: Тип. 2 отд. собственной Е.И.В. канцелярии, 1908. С. 257-258.
14. Именной Высочайший указ Сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 24. Отд. 1. № 25495. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 1196-1198.
15. Козырев Н. А. Астрономическое доказательство реальности четырехмерной геометрии Минковского // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 9. Л.: Наука, 1980. С. 85-93.
16. Козырев Н. А., Насонов В. В. Новый метод определения тригонометрических параллакс на основе измерения разности между истинным и видимым положением звезды // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 7. Л.: Наука, 1978. С. 168-179

References:

1. Aleksandrov, A. D., Zamechaniya k osnovam teorii otноситel'nosti (Remarks on the Basics of the Theory of Relativity), in *Izbrannye trudy*, in 3 vols., vol.1, Novosibirsk: Nauka, 2006, pp.288-306.
2. Babkin, M. A., Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v nachale XX veka i ee otnoshenie k sverzheniyu monarkhii v Rossii [The Russian Orthodox Church at the Beginning of the 20th Century and Its Attitude Towards Overthrowing the Monarchy in Russia], *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (History)*, Moscow, 2007.
3. Barkov, F. A., Lyausheva, S. A. and Chernous, V. V., *Religioznyy faktor mezhkul'turnoy kommunikatsii na Severnom Kavkaze* [Religious Factor of Intercultural Communication in the North Caucasus], Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly - Yuzhnyy federal'nyy universitet, 2009.
4. Vedomost' o summakh pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1911 god [Statement on the Sums of the Orthodox Missionary Society for 1911], *Pravoslavnyy blagovestnik (Prilozhenie)*, 1912, vol. 2, no. 21, pp. 5-6.
5. Weyl, H., *Prostranstvo, vremya, materiya. Lektsii po obshchey teorii otноситel'nosti* [Space, Time, Matter. Lectures on General Theory of Relativity], Moscow: Yanus, 1996.
6. Vnimaniyu budushchego obshcheeparkhial'nogo s'ezda (po voprosu o missionerstve) [To the Attention of the Future General Diocesan Congress (on Missionary Work)], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1908, no. 16-17, pp. 556-559.
7. *Vserossiyskoe pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo (1870-1895 gody). Po povodu 25-letiya ego deyatel'nosti* [All-Russian Orthodox Missionary Society (1870-1895). About the 25th Anniversary of Its Activities], Saint Petersburg: Tovarishchvo "Pechatnya S. P. Yakovleva", 1895.
8. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 774, Inventory. 1, File 222, Sh. 1 recto-2.
9. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 774, Inventory. 1, File 364, Sh.8-12 recto, Sh. 41 recto-42.
10. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 774, Inventory. 1, File 656, Sh. 1.
11. Gubzhikov, M. N., Kul'tura adygov [The Adyg Culture], in *Istoriya Adygei s drevneyshikh vremen do nachala XX veka*, in 2 vols., vol. 1, Maykop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdaatil'stvo, 2009, pp. 407-450.
12. Eremina, V. M., *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (kurs lektsiy)*. Lektsiya 28 [History of the Russian Orthodox Church (Lecture Course). Lecture 28], in *V svete Khristovoy pravdy: stat'i i lektsii Ereminoy Very Mikhaylovny*. <https://vmeremina.ru/istoriya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-lekcija-%E2%84%9628/>. Accessed April 8, 2018.
13. Imennoy vysochayshiy ukaz Senatu ot 17 aprelya 1905 goda "Ob ukreplenii nachal veroterpimosti" [Nominal Highest Decree to the Senate of April 17, 1905 "On the Strengthening of the Beginning of Religious Tolerance"], in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*, 3rd series, vol. 25, no. 26125, Saint Petersburg: Tipografiya 2 otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1908, p. 257-258.
14. Imennoy Vysochayshiy ukaz Senatu ot 12 dekabrya 1904 goda "O prednachertaniyakh k usovershenstvovaniyu

17. Козырев Н.А., Насонов В.В. О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 9. Л.: Наука, 1980. С.76-84.
18. Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 621-628.
19. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995.
20. Лобачевский Н. И. Воображаемая геометрия // Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей. М.: Гос. изд-во технико-теоретической лит-ры, 1956. С. 50-60.
21. Лобачевский Н. И. Новые начала геометрии с полной теорией параллельных (Вступление к сочинению) // Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей. М.: Гос. изд-во технико-теоретической лит-ры, 1956. С. 61-70.
22. Лобачевский Н.И. О началах геометрии // Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1956. С. 27-49.
23. Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Люлье Л. Я. Черкессия: Историко-этнографические очерки. Краснодар: тип. Адыгчеркпромторга, 1927. С.29-33.
24. Лубский А. В. Северный Кавказ – периферия российской цивилизации // Научная мысль Кавказа, 2000. № 2. С. 34-38.
25. Ляшова С. А. Взаимодействие ислама и традиционной культуры адыгов // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С.150-151.
26. Манифест о предназначении к усовершенствованию государственного порядка от 26 февраля 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 23. № 22581. СПб.: Тип. 2 отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1905. С. 113-114.
27. Марзей А. С. Черкесское наездничество – «Зеклуэ». Нальчик: Эль-Фа, 2004.
28. Минковский Г. Пространство и время // Принцип относительности. Сборник работ по специальной теории относительности. М.: Атомиздат, 1973. С.167-179.
29. Монпери Ф.Д. де. Путешествие по Кавказу, к Черкесам и Абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
30. Мостепаненко А. М., Мостепаненко М. В. Четырехмерность пространства и времени. Л.: Наука, 1966.
31. Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуга и князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1910. Т. 30. С. 19-29.
32. Нефляшева Н. А. Ислам в Адыгее: история и современные проблемы // Кавказский эксперт. 2005. № 2. С. 13-17.
33. Никанор (Каменский), архиеп. Собрание сочинений архиепископа Никанора. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1909.
34. О христианстве среди мусульман // Кавказские епархиальные ведомости. 1874. № 13. С. 428-433.
- gosudarstvennogo poryadka” [Nominal Highest Decree to the Senate of December 12, 1904 “On Predestination to the Improvement of the State Order”], in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*, 3rd series, vol. 24, part 1, no. 25495, Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipographia, 1907, pp. 1196-1198.
15. Kozyrev, N. A., *Astronomicheskoe dokazatel'stvo real'nosti chetyrekhmernoy geometrii Minkovskogo* [Astronomical Proof of the Reality of Minkowski's Four-Dimensional Geometry], in *Problemy issledovaniya Vselennoy*, vol. 9, Leningrad: Nauka, 1980, pp. 85-93.
16. Kozyrev, N. A. and Nasonov, V. V., *Novyy metod opredeleniya trigonometricheskikh parallaksov na osnove izmereniya raznosti mezhdru istinnym i vidimym polozheniem zvezdy* [A New Method for Determining Trigonometric Parallaxes Based on Measuring the Difference Between the True and Apparent Position of a Star], in *Problemy issledovaniya Vselennoy*, vol. 7, Leningrad: Nauka, 1978, pp. 168-179.
17. Kozyrev N. A. and Nasonov V. V. *O nekotorykh svoystvakh vremeni, obnaruzhennykh astronomicheskimi nablyudenyami* [On Some Properties of Time, Discovered by Astronomical Observations], *Problemy issledovaniya Vselennoy*, vol. 9, Leningrad: Nauka, 1980, pp.76-84.
18. Koch, K., *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Journey through Russia and the Caucasus Lands], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: El'brus, 1974, pp. 621-628.
19. Lapinsky, T., *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and Their Liberation Struggle against Russia], Nalchik: El'-Fa, 1995.
20. Lobachevskiy, N. I., *Voobrazhaemaya geometriya* [Imaginary Geometry], in *Ob osnovaniyakh geometrii. Sbornik klassicheskikh rabot po geometrii Lobachevskogo i razvitiyu ee idey*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1956, pp. 50-60.
21. Lobachevskiy, N. I., *Novye nachala geometrii s polnoy teoriey parallelnykh (Vstuplenie k sochineniyu)* [New Foundations of Geometry with a Complete Theory of Parallels (Introduction to the Composition)], in *Ob osnovaniyakh geometrii. Sbornik klassicheskikh rabot po geometrii Lobachevskogo i razvitiyu ee idey*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1956, pp. 61-70.
22. Lobachevskiy, N. I., *O nachalakh geometrii* [On the Foundations of Geometry], in *Ob osnovaniyakh geometrii. Sbornik klassicheskikh rabot po geometrii Lobachevskogo i razvitiyu ee idey*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1956, pp. 27-49.
23. Lyul'e, L. Ya., *Verovaniya, religioznye obryady i predrassudki u cherkesov* [Beliefs, Religious Rites and Prejudices among Circassians], in *Lyul'e, L. Ya., Cherkessiya: Istoriko-etnograficheskie ocherki*, Krasnodar: Tipografiya Adygcherkpromtorga, 1927, pp.29-33.
24. Lubskey, A. V., *Severnyy Kavkaz – periferiya rossiyskoy tsivilizatsii* [The Northern Caucasus as the Periphery of the Russian Civilization], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2000, no. 2, pp. 34-38.
25. Lyausheva, S. A., *Vzaimodeystvie islama i traditsionnoy kul'tury adygov* [Interaction of Islam and the Traditional Culture of the Circassians], in *Mir kul'tury adygov (problemy evolyutsii i tselostnosti)*, Maykop: Adygeya, 2002, pp.150-151.

35. Остапенко Р. А. Майкопская и Адыгейская епархия РПЦ // Православная энциклопедия. Т. 42. М.: Церков.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2016. С. 311-314.
36. Остапенко Р. А. Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.). Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2012.
37. От совета православного миссионерского общества // Кавказские епархиальные ведомости. 1884. № 4. С. 163-164.
38. Отчет Братства во имя святого Апостола Андрея Первозванного в г. Ставрополе на Кавказе, за 1891-92 братский (19) год (просветительская деятельность братства относительно иноверцев) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1892. № 24. С. 689-692.
39. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского Братства за 1901 г. Противомусульманская миссия в Кубанской области. Школы селениях Майкопского отдела, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1902. № 9. С. 503-508.
40. Отчет о деятельности Ставропольского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1900 г. (Приложение к епархиальным ведомостям за 1901 г.) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 1-24.
41. Отчет Ставропольского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1903 г. Противомусульманская миссия в горских аулах, Майкопского отдела, Кубанской области. Школы в горских селениях Майкопского отдела, Кубанской области за 1903 г. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. № 12. С. 620-638.
42. Отчет о состоянии и деятельности братства во имя св. апостола Андрея Первозванного в губернии и городе Ставрополе за 1885-1886 гг. (просвещение инородцев нехристиан) // Ставропольские епархиальные ведомости. 1887. № 2. С. 70-71.
43. Отчет о состоянии братства во имя св. апостола Андрея в городе Ставрополе на Кавказе за 1879-1880 братский (седьмой) год (содействие просвещению христианским учением инородцев не христиан) // Кавказские епархиальные ведомости. 1881. № 2. С. 73-77.
44. Правила об устройстве внутренней миссии // Миссионерский посох (православное миссионерство, церковно-гражданские узаконения и распоряжения, миссионерская методика и полемика – планы бесед) / сост. В. Скворцов. Спб.: Тип. «Колокол», 1912. С. 50-60.
45. Православная миссия в 1913 г. // Православный благовестник. 1915. № 1. С. 5-6.
46. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности Общества за истекшее двадцатипятилетие. (1870 – 1895 гг.) / сост. прот. А. Никольский. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1895.
47. Председатель православного миссионерского общества, высокопреосвященный Владимир, митр. Московский, обратился к Его преосвященству, преосв. Агафодору // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 114-116.
48. Противомусульманская миссия среди трухмян и горцев // Ставропольские епархиальные ведомости. 1900. № 12. С. 719-741.
26. Manifest o prednachertaniyakh k usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka ot 26 fevralya 1903 goda [Manifesto on Predestination to Improve the State Order of February 26, 1903], in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*, 3rd series, vol. 23. no. 22581, Saint Peterburg: Tipografiya 2 otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1905, pp. 113-114.
27. Marzey, A. S., *Cherkesskoe naezdnichestvo – “Zeklue”* [Circassian Ridership (“Zekle”)], Nalchik: El'-Fa, 2004.
28. Minkovski, H., *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], in *Printsip odnositel'nosti. Sbornik rabot po spetsial'noy teorii odnositel'nosti*, Moscow: Atomizdat, 1973, pp.167-179.
29. Montpéroux, F. D., de, *Puteshestvie po Kavkazu, k Cherkesam i Abkhaztsam, v Kolkhidu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym* [Travel around the Caucasus. Among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, in Georgia, in Armenia and in the Crimea], Nalchik: El'-Fa, 2002.
30. Mostepanenko, A. M. and Mostepanenko, M. V., *Chetyrekhmernost' prostranstva i vremeni* [Four-Dimensionality of Space and Time], Leningrad: Nauka, 1966.
31. *Narody Zapadnogo Kavkaza (po neizdannym zapiskam prirodnogo bzheduga i knyazya Khadzhimukova)* [Peoples of the Western Caucasus (Based on Unpublished Notes of the Natural Bzhedug and Prince Khadzhimukov)], in *Kavkazskiy sbornik*, vol. 30, Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1910, pp. 19-29.
32. Neflyasheva, N. A., *Islam v Adygee: istoriya i sovremennye problemy* [Islam in Adygea: History and Contemporary Problems], *Kavkazskiy ekspert*, 2005, no. 2, pp. 13-17.
33. Nikanor (Kamenskiy) (archbishop), *Sobranie sochineniy arkhiepiskopa Nikanora* [Collection of Works by Archbishop Nikanor], Kazan: Tipografiya Kazanskogo universiteta, 1909.
34. O khristianstve sredi musul'man [On Christianity among the Muslims], *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti*, 1874, no. 13, pp. 428-433.
35. Остапенко, Р. А., *Maykopskaya i Adygeyskaya eparkhiya RPTs* [Maikop and Adyghe Diocese of the Russian Orthodox Church], in *Pravoslavnaya entsiklopediya*, vol. 42, Moscow: Tserkovno-nauchyy tsentr “Pravoslavnaya Entsiklopediya”, 2016, pp. 311-314.
36. Остапенко, Р. А., *Pravoslavnaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (1864-1917 gody)* [The Orthodox Mission among Adygs of the North-Western Caucasus (1864-1917)], Krasnodar: Izdatel'skiy Dom-Yug, 2012.
37. Ot soveta pravoslavnogo missionerskogo obshchestva [From the Council of the Orthodox Missionary Society], *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti*, 1884, no. 4, pp. 163-164.
38. Otchet Bratstva vo imya svyatogo Apostola Andreye Pervozvannogo v gorode Stavropole na Kavkaze, za 1891-92 bratskiy (19) god (prosvetitel'skaya deyatel'nost' bratstva odnositel'no inovertsev) [Report of the Brotherhood in the name of St. Andrew the First-Called in Stavropol in the Caucasus, for the 1891-92 Fraternal (19th) Year (Enlightenment Activity of the Brotherhood Relative to the Gentiles)], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1892, no. 24, pp. 689-692.
39. Otchet o deyatel'nosti Stavropol'skogo Andreevsko-Vladimirskogo Bratstva za 1901 god

49. Раздольский С. А. Ядро и перефирия адыгской культуры в ее трансформации. Автореф. дис... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2008.

50. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1894-1895 гг., рассмотренная и одобренная советом назначенного общества (утвержденная общим собранием общества 19 июня 1894 г.) // Православный благовестник. 1894. Т. 2. № 12. С. 166-170.

51. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1895-1896 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 11 июня 1895 г.) // Православный благовестник. 1895. Т. 2. № 12. С.128-132.

52. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1896-1897 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 16 июня 1896 г.) // Православный благовестник. 1896. Т. 2. № 12. С.173-177.

53. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1897-1898 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 22 июня 1897 г.) // Православный благовестник. 1897. Т. 2. № 12. С.152-154.

54. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1898-1899 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 7 июня 1898 г.) // Православный благовестник. 1898. Т. 2. № 11. С. 103-104.

55. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1899-1900 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 30 мая 1899 г.) // Православный благовестник. 1899. Т. 2. № 10. С.63-64.

56. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1900-1901 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 18 мая 1900 г.) // Православный благовестник. 1900. Т. 2. № 10. С. 62-63.

57. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1901-1902 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 27 мая 1901 г.) // Православный благовестник. 1901. Т. 2. № 10. С. 55-56.

58. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1902-1903 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 23 мая 1902 г.) // Православный благовестник. 1902. Т. 2. № 10. С. 48-49.

59. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1903-1904 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 1 июня 1903 г.) // Православный

Protivomusul'manskaya missiya v Kubanskoj oblasti. Shkoly russkoj gramoty Eparkhial'nogo Vedomstva v gorskikh seleniyakh Maykopskogo otdela, Kubanskoj oblasti [Report on the Activities of the Stavropol Andreevsko-Vladimirsky Brotherhood for 1901. An Anti-Muslim Mission in the Kuban Region. Schools of the Russian Writing of the Diocesan Office in the Mountain Villages of Maikop District, Kuban Region], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1902, no. 9, pp 503-508.

40. Otchet o deyatelnosti Stavropol'skogo eparkhial'nogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1900 god (Prilozhenie k eparkhial'nym vedomostyam za 1901 god) [Report on the Activities of the Stavropol Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1900 (Appendix to the Diocesan Lists for 1901)], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1901, no. 11, pp. 1-24.

41. Otchet Stavropol'skogo eparkhial'nogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1903 god. Protivomusul'manskaya missiya v gorskikh aulakh, Maykopskogo otdela, Kubanskoj oblasti. Shkoly v gorskikh seleniyakh Maykopskogo otdela, Kubanskoj oblasti za 1903 god [Report of the Stavropol Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1903. Anti-Muslim Mission in the Mountain Villages, Maikop District, Kuban Region. Schools in the mountain villages of Maikop department, Kuban region for 1903], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1904, no. 12, pp. 620-638.

42. Otchet o sostoyanii i deyatelnosti bratstva vo imya svyatogo apostola Andrey a Pervozvannogo v gubernii i gorode Stavropole za 1885-1886 gody. (prosveshchenie inorodtsev nekhristian) [Report on the State and Activities of the Brotherhood in the Name of St. Apostle Andrew the First-Called in the Province and the City of Stavropol for 1885-1886 (Enlightenment of Non-Christian Foreigners)], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1887, no. 2, pp. 70-71.

43. Otchet o sostoyanii bratstva vo imya svyatogo apostola Andrey a v gorode Stavropole na Kavkaze za 1879-1880 bratskiy (sed'moy) god (sodeystvie prosveshcheniyu khristianskim ucheniem inorodtsev ne khristian) [Report on the State of the Brotherhood in the name of St. Apostle Andrew in the City of Stavropol in the Caucasus for the Years 1879-1880 the Fraternal (Seventh) Year (the Promotion of the Education of Non-Christians by Christian Doctrine)], *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti*, 1881, no. 2, pp. 73-77.

44. Pravila ob ustroystve vnutrenney missii [Rules on the Organization of an Internal Mission], in *Missionerskiy posokh (pravoslavnoe missionerstvo, tserkovno-grazhdanskije zakoneniya i rasporyazheniya, missionerskaya metodika i polemika – plany besed)*, Skvortsov, V., Comp., Saint Petersburg: Tipografiya "Kolokol", 1912, pp. 50-60.

45. Pravoslavnaya missiya v 1913 godu [Orthodox Mission in 1913], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1915, no. 1, pp. 5-6.

46. *Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo. Istoricheskaya zapiska o deyatelnosti Obshchestva za istekshee dvadtsatipyatiletie (1870 – 1895 gody)* [Orthodox Missionary Society. Historical Note on the Activities of the Society for the Past Twenty-Five Years (1870-1895)], Nikol'skiy, A., Comp., Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1895.

47. Predsedatel' pravoslavnogo missionerskogo obshchestva, vysokopreosvyashchenny Vladimir, mitropolit Moskovskiy, obratilsya k Ego preosvyashchenstvu,

благовестник. 1903. Т. 2. № 10. С. 57-58.

60. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1904-1905 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 30 мая 1904 г.) // Православный благовестник. 1904. Т. 2. № 10. С. 60-61.

61. Смета расходов православного миссионерского общества по содержанию миссий и миссионерских учреждений 1905-1906 гг., рассмотренная и одобренная Советом означенного Общества (утвержденная общим Собранием Общества 19 июня 1905 г.) // Православный благовестник. М., 1905. Т. 2. № 11. С. 99-100.

62. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп: Адыгея, 1993.

63. Указ Его Императорского Величества от 15-23 ноября 1878 г. За № 1911 – о предоставлении православному миссионерскому обществу права распространить свою деятельность на Кавказскую епархию // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. № 2. С. 44-45.

64. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями. По уложению о наказаниях данных в 1866 г. и по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.: Тип. 2 отд. собственной Е.И.В. канцелярии, 1872.

65. Фридман А. А. Мир как пространство и время. М.: Наука, 1965.

66. Цеева З. А. Этапы усвоения ислама традиционной культурой адыгов (XVI-XVIII вв. // Религия и общество: сб. докладов науч.-практ. конф. «Религия как фактор социальной стабильности в Республике Адыгея» (Майкоп, 5 февраля 2004 г.) / под ред. С. А. Ляушевой, Майкоп: изд-во Адыг. гос. ун-та, 2004. С. 12-21.

67. Церковная реформа: сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе / сост. И. И. Преображенский. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1905.

68. Шоров М. А. О некоторых особенностях взаимодействия ислама и адыгской культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Педагогика. Майкоп, 1998. № 2. С. 141-143.

preosvyshchennomu Agafodoru [The Chairman of the Orthodox Missionary Society, the Most Reverend Vladimir, Metropolitan, Moscow, Addressed to His Eminence, Eminent Agafodor], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1907, no. 3, pp. 114-116.

48. Protivomusul'manskaya missiya sredi trukhmyan i gortsev [Anti-Muslim Mission among the Truhmians and Highlanders], *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1900, no. 12, pp. 719-741.

49. Razdol'skiy, S. A., Yadro i pereferiya adygskey kul'tury v ee transformatsii [The Core and Perefiry of Adygeyan Culture in Its Transformation], *Extended Abstract Dr. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Rostov-on-Don, 2008.

50. Smeta raskhodov pravoslav'nogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1894-1895 gody, rassmotrennaya i odobrennaya sovetom naznachennogo obshchestva (utverzhdennaya obshchim sobranie obshchestva 19 iyunya 1894 goda) [The Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1894-1895, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 19, 1894)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1894, vol. 2, no. 12, pp. 166-170.

51. Smeta raskhodov pravoslav'nogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1895-1896 gody, rassmotrennaya i odobrennaya sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobranie Obshchestva 11 iyunya 1895 goda) [Estimate of Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1895-1896, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 11, 1895)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1895, vol. 2, no. 12, pp. 128-132.

52. Smeta raskhodov pravoslav'nogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1896-1897 gody, rassmotrennaya i odobrennaya sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobranie Obshchestva 16 iyunya 1896 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1896-1897, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 16, 1896)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1896, vol. 2, no. 12, pp. 173-177.

53. Smeta raskhodov pravoslav'nogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1897-1898 gody, rassmotrennaya i odobrennaya sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobranie Obshchestva 22 iyunya 1897 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1897-1898, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 22, 1897)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1897, vol. 2, no. 12, pp. 152-154.

54. Smeta raskhodov pravoslav'nogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1898-1899 gody, rassmotrennaya i odobrennaya sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobranie Obshchestva 7 iyunya 1898 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox

Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1898-1899, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 7, 1898)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1898, vol. 2, no. 11, pp. 103-104.

55. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1899-1900 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 30 maya 1899 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1899-1900, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on May 30, 1899)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1899, vol. 2, no. 10, pp. 63-64.

56. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1900-1901 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 18 maya 1900 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1900-1901, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on May 18, 1900)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1899, vol. 2, no. 10, pp. 62-63.

57. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1901-1902 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 27 maya 1901 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1901-1902, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on May 27, 1901)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1901, vol. 2, no. 10, pp. 55-56.

58. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1902-1903 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 23 maya 1902 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1902-1903, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on May 23, 1902)] // *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1902, vol. 2, no. 10, pp. 48-49.

59. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1903-1904 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 1 iyunya 1903 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1903-1904, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 1, 1903)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1903, vol. 2, no. 10, pp. 57-58.

60. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1904-1905 gody, rassmotrennaya i

odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 30 maya 1904 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1904-1905, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on May 30, 1904)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1904, vol. 2, no. 10, pp. 60-61.

61. Smeta raskhodov pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po sodержaniyu missiy i missionerskikh uchrezhdeniy 1905-1906 gody, rassmotrennaya i odobrennaya Sovetom oznachennogo Obshchestva (utverzhdennaya obshchim Sobraniem Obshchestva 19 iyunya 1905 goda) [Estimate of the Expenses of the Orthodox Missionary Society for the Maintenance of Missions and Missionary Institutions of 1905-1906, Considered and Approved by the Council of the Aforesaid Society (Approved by the General Meeting of the Society on June 19, 1905)], *Pravoslavnyy blagovestnik*, 1905, vol. 2, no. 11, pp. 99-100.

62. Spenser, E., *Puteshestvie v Cherkessiyu* [Travels in Circassia], Maykop: Adygeya, 1993.

63. Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva ot 15-23 noyabrya 1878 goda za № 1911 – o predostavlenii pravoslavnomu missionerskomu obshchestvu prava rasprostranit' svoyu deyatel'nost' na Kavkazskuyu eparkhiyu [The Decree of His Imperial Majesty on November 15-23, 1878 no. 1911 "On Granting the Orthodox Missionary Society the Right to Extend Its Activities to the Caucasian Diocese], *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti*, 1879, no. 2, pp. 44-45.

64. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy. Dopolnennyy i izmenennyy po prodolzheniyam 1863, 1864, 1868, 1869 i 1871 godov s raz'yasneniyami. Po ulozheniyu o nakazaniyakh dannykh v 1866 goda i po ustavu o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [The Charter on the Prevention and Suppression of Crimes. Supplemented and Amended by the Continuations of 1863, 1864, 1868, 1869 and 1871 with Explanations. According to the Regulations on the Punishment Given in 1866 and the Statute of Punishments Imposed by Magistrates], Saint Petersburg: Tipografiya 2 otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1872.

65. Friedmann, A. A., *Mir kak prostranstvo i vremya* [The World as Space and Time], Moscow: Nauka, 1965.

66. Tseeva, Z. A., Etapy usvoeniya islama traditsionnoy kul'turoy adygov (XVI-XVIII veka) [Steps of the Assimilation of Islam by the Traditional Culture of the Adyghe (the 16th-18th Centuries)], in *Religiya i obshchestvo: Sel. reports Sci. Pract. Conf. "Religiya kak faktor sotsial'noy stabil'nosti v Respublike Adygeya"* [Religion as a Factor of Social Stability in the Republic of Adyghea] (Maykop, February 5, 2004), Lyausheva, S. A., Ed., Maykop: izdatel'stvo Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, pp. 12-21.

67. *Tserkovnaya reforma: sbornik statey dukhovnoy i svetskoy pechati po voprosu o reforme* [Church Reform: a Collection of Articles of the Spiritual and Secular Press on the Issue of Reform], Preobrazhenskiy, I. I., Comp., Saint Petersburg: Tipografiya E. Arngol'da, 1905.

68. Shorov, M. A., O nekotorykh osobennostyakh vzaimodeystviya islama i adygskey kul'tury [On some Peculiarities of the Interaction of Islam and Adygeyan Culture], *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika*, Maykop, 1998, no. 2, pp. 141-143.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Остапенко, Р. А. Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа: социокультурные условия, трудности, итоги (1864-1917) [Электронный ресурс] / Р. А. Остапенко // Наследие веков. – 2018. – № 2. – С. 59-77. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Ostapenko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Ostapenko, R. A., Pravoslavnaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza: sotsiokul'turnye usloviya, trudnosti, itogi (1864-1917) (Orthodox Mission among the Adygs of the North-Western Caucasus: Sociocultural Conditions, Difficulties, Results (1864-1917)), *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2, pp. 59-77. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Ostapenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

*Культура и быт адыгов конца XVIII - начала XX в.
Фрагмент экспозиции Национального музея Республики Адыгея**

* Фото с сайта Национального музея Республики Адыгея: http://adyg-museum.ru/wp-content/uploads/2013/11/slider_5.jpg

МЕМУАРЫ. ДНЕВНИКИ. ДОКУМЕНТЫ

ГРОМОВ Владимир Прокофьевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия
Vladimir P. GROMOV
Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Russian History,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
grom001@mail.ru

Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М. В. Губы

В статье представлен первый опыт введения в научный оборот воспоминаний кубанского казака-эмигранта Михаила Васильевича Губы. Изложено и охарактеризовано содержание части воспоминаний, относящейся к событиям Гражданской войны на Юге России. Окончив в 1917 г. школу прапорщиков в Екатеринодаре, автор воспоминаний был направлен на Кавказский фронт Первой Мировой войны, затем возвратился на Кубань, в родную станицу Черноерковскую, где стал свидетелем и участником разгоравшегося гражданского противостояния. Михаил Губа активно участвовал в боевых действиях на стороне Добровольческой армии. Летом 1918 г. под Царицыным он был ранен и признан негодным к дальнейшей воинской службе. Разгром Белой армии он встретил в Анапе, находясь на административной должности, и сумел избежать преследования, скрываясь в окрестностях города. Высадка десанта генерала С. Г. Улагая позволила М. В. Губе на короткое время вернуться домой, затем на кораблях десанта бежать в Крым, а оттуда – в Константинополь. Личностное восприятие переживаемых событий, богатое фактами содержание воспоминаний представляют очевидный научный интерес.

Ключевые слова: М. В. Губа, Гражданская война, Кубань, Кубанское казачье войско, станица Черноерковская, Добровольческая армия, Кубанская армия, Добровольческая армия, бело-зеленое движение.

A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba

In the article the first experience of introducing the memories of the Kuban Cossack emigrant Mikhail Vasilyevich Guba into the scientific circulation is presented. The contents of a part of the memoirs related to the events of the Civil War in the South of Russia are given and characterized. After graduating from the school of ensigns in Yekaterinodar in 1917 the author of the memoirs was sent to the Caucasian front of the World War I, then returned to Kuban, to his native stanitsa Chernookovskaya, where he witnessed and participated in a flared up civil confrontation. Mikhail Guba actively participated in the military operations on the side of the Volunteer Army. In the summer of 1918, at Tsaritsyn, he was wounded and found unfit for further military service. He met the defeat of the White Army in Anapa, while in an administrative position, and managed to escape the persecution, hiding in the vicinity of the city. The landing operation of General S. G. Ulagai allowed M. V. Guba to return home for a short time, then flew to the Crimea on landing ships, and thence to Constantinople. The personal perception of the experiences, the rich content of the memoirs are of obvious scientific interest.

Keywords: Mikhail V. Guba, Russian Civil war, Kuban, Kuban Cossack Host, Chernookovskaya village, Volunteer army, Kuban army, Volunteer army, white-green movement.

Воспоминания казака из станицы Черноерковской Михаила Васильевича Губы, представляющие собой рукопись в четырех тетрадах, сплошь исписанных мелким каллиграфическим почерком, с заголовком «Страницы из моей жизни. На память моим сыновьям и дочерям» составляют часть массива документов личного фонда атамана Кубанского казачьего войска В. П. Громова, хранящегося в Государственном архиве Краснодарского края [1] [2] [3].

Эти воспоминания охватывают огромный период жизни казака: от службы в Первом Таманском полку в 1907-1910 гг. и участия в Отечественной (Первой Мировой), а затем и в Гражданской войнах до 60-х гг. прошлого столетия, когда М. В. Губа вместе с дочерьми в качестве туриста побывал на Кубани и посетил Краснодар и родную станицу Черноерковскую. Умер есаул М. В. Губа в 1974 г., похоронен на казачьем кладбище в штате Нью-Джерси. Приходящийся ему внучатым племянником (по отцовской линии) автор этой публикации, в бытность свою атаманом Кубанского казачьего войска, пребывая в 1991 г. в США по приглашению атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье А. М. Певнева, встретился с дочерьми М. В. Губы – Марией Михайловной и Ниной Михайловной, а спустя девять лет, в 2000 г., получил от М. В. Губа воспоминания ее отца в дар.

Очевидный научный интерес представляет не только содержательная сторона воспоминаний, но отчетливо проявившееся в них личностное восприятие переживаемых событий. Первые записи, легшие в основу будущего большого текста, М. В. Губа начал писать в 1924 г., уже будучи в эмиграции, и продолжал на протяжении большей части жизни. Применительно к Гражданской войне этот факт, несомненно, относит его воспоминания к ряду ретроспективных источников. В то же время стоит отметить, что от описыва-

емых событий в 1924 г. М. В. Губу отделяло всего несколько лет, что позволяет допустить высокую степень достоверности излагаемых фактов.

Другой отличительной чертой воспоминаний есаула М. В. Губы выступает необычное для источников мемуарного характера обилие упоминаемых известных ему фактов и описываемых событий, участником которых он был. Еще одна особенность – достаточно простой стиль изложения. Многие события точно датированы, иные требуют уточнений.

Наиболее ценными, как с содержательной стороны, так и с точки зрения эмоциональных переживаний, нам представляются воспоминания, относящиеся к периоду Гражданской войны на Кубани в 1918-1920 гг. Для их понимания стоит упомянуть, что во время Первой Мировой войны М. В. Губа за неполных полгода участия в боях за отличие и мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и медалями и, как отличившийся в боях и имевший награды, был направлен в школу прапорщиков, которая находилась в Екатеринодаре. Здесь, в октябре 1916 г., когда до выпуска оставалось два месяца, М. В. Губа стал свидетелем визита в столицу кубанских казаков наместника на Кавказе и командующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича Романова, который осмотрел регалии, грамоты и награды Кубанского казачьего войска и принял парад Екатеринодарского гарнизона на площади у Войскового собора. Во главе парада, в составе школы прапорщиков всех казачьих войск маршировал М. В. Губа.

Известие об отречении императора Николая II от престола произвело на молодого прапорщика впечатление разорвавшейся бомбы. Общеизвестно, что казачество отнеслось к этому событию достаточно спокойно: не выступило в защиту царя, не делало никаких заявлений. Но все понимали, что грядут перемены,

и прапорщики, и казаки были потрясены этим известием и, как отмечает М. В. Губа, подавлены случившимся. В Екатеринодаре рабочие и горожане выходили на митинги, шествия, принимались резолюции, при этом рабочие ликовали от случившегося в их понимании счастья.

В противовес этому М. Губа считал, что именно в эту минуту, когда решается судьба государства, народ должен быть единым – без различия классов, политических взглядов, вероисповеданий. Нужно было довести войну до победного конца, во что бы то ни стало. И уж тогда можно за заслуги и труды просить или требовать от правительства всего, что было так необходимо – земли и свободы. Губа бывал на митингах, прислушивался к произносимым речам; его удивляло, что, помимо гражданских, в митингах участвовали и военные.

27 марта 1917 г. в школе прапорщиков состоялся выпуск. После производства в новый чин, с которым выпускников поздравили исполнявший обязанности наказного атамана войсковой старшина Гаденко и комиссар Временного правительства К. Л. Бардиж. Михаил Губа, как и прочие выпускники школы, получил месячный отпуск, после которого он был направлен в для прохождения службы в Третий Таманский полк на турецкий фронт. На направлявшихся на театр военных действий 148 казаков и четырех офицеров, неизгладимое впечатление произвело посещение древней столицы Грузии – Мцхета. Там, в монастыре Святой Нины, игуменьей была 84-летняя княгиня Баратова, старшая сестра генерала Н. Н. Баратова. Она благословила казаков и вручила им крестики, сделанные из дерева, под которым Святая Нина молилась.

Штаб Третьего Таманского полка под командованием полковника Е. Ф. Гончарова находился в городе Сабасахар. М. Губа был назначен младшим офицером в полковую пулеметную команду и почти сразу,

поскольку ожидалось поступление на вооружение полка французских пулеметов «Шаша», направлен в г. Урмию для изучения этой системы оружия. В комиссию по приемке пулеметов, помимо М. Губы, вошел сотник Полтавского полка А. Ермоленко и капитан-француз Дюфуру. Возвращаясь в полк, М. Губа впервые столкнулся с проявлением начавшегося разложения российской армии: автомобиль, высланный из полка за офицерами, оказался захваченным начальником Урмийской флотилии и его штабом. Оставшееся единственное свободное место предложили французскому офицеру, но тот категорически отказался, заявив, что они возвращаются втроем. В поисках ночлега прапорщик Губа зашел к коменданту пристани, но получил отказ, несмотря на то, что комната коменданта была почти свободна. Губа позвонил в штаб полка, просил прислать за ними автомобиль, но там отказали, сославшись на то, что шоферы «не хотят ехать». И еще в двух местах, куда он обращался с просьбой о ночлеге, его просьба была отвергнута. Тогда М. Губа зашел к телеграфистам и попросил найти место для французского капитана, так как неудобно было оставлять офицера союзной армии оставлять на целую ночь быть на улице. Солдаты сначала согласились уступить одно место, но француз заявил им: «Я очень тронут вашим великодушием – тем, что вы, солдаты, дали мне место. Не более часа назад мне в этом отказали русские офицеры. Но я же не один, со мной два моих спутника – русских офицера. А потому я буду спать с ними на улице, так как им нет места». С этими словами он вышел на улицу. Солдаты были удивлены этому решению и вскоре вышли все трое на улицу, дав возможность трем офицерам возможность переночевать. Они уступили нам свои койки, сказав: «Мы как-нибудь устроимся». Утром, поблагодарив солдат за ночлег, члены комиссии отправились в штаб. Этот случай потряс молодого ка-

зачьего офицера и заставил задуматься о том, что происходит с армией, теперь уже при Временном правительстве.

В штабе Кубанского корпуса объявили, что ввиду предстоящей отправки Третьего Таманского полка на Кубань ему не будут поставляться пулеметы нового образца. В середине ноября 1917 г., уже после Октябрьской революции, полк поездом отправился в Кубанскую область. Автором воспоминаний отмечался полный развал на железной дороге. Правительство отправляло казачьи полки с фронта, чтобы удержать ситуацию в казачьих областях, так как дезертирство и самовольное оставление фронта армейскими частями стало массовым явлением. Было заметно, как деморализованная и «напичканная» большевистскими идеями солдатская масса принимала сторону этой политической силы. Напряженная обстановка сохранялась по всему пути следования полка: чуть ли не на каждой станции эшелон останавливали и наводили справки, откуда и куда едут казаки. Были даже случаи, когда командование полка получало телеграммы от какого-то неизвестного командира с указанием выгрузиться из вагонов или даже вернуться обратно. Наступал полный хаос. Вдоль железной дороги промышляли отряды чеченских и ингушских грабителей, которые останавливали поезда и совершали преступления в отношении пассажиров. Казаки были вынуждены находиться в состоянии постоянной готовности дать отпор.

В начале декабря 1917 г. Третий Таманский полк наконец-то прибыл в станицу Крымскую, где находился штаб полка. По словам Губы, всего через дня по прибытии полк нельзя было узнать: люди поддались влиянию большевистских агитаторов. Казаки требовали немедленно распустить их с лошадьми по домам. После череды митингов большинство казаков полка, который официально не был распущен, сами разошлось. На месте от каждой

сотни оставалось по 10-15 казаков из последнего пополнения. Числа 20 декабря в Крымскую прибыл из Финляндии Первый Таманский полк. В нем уже все было перестроено на новый лад, все офицеры и казаки были без погон, и возмущались, увидев, что у в Третьем полку офицеры и оставшиеся казаки ходили при погонах, а потом тоже разбежались по домам. В полку остались лишь члены казачьего комитета, которые постоянно участвовали в митингах большевиков.

В начале января 1918 г. Михаил Губа отправился в недельный отпуск в станицу Черноерковскую и, как он отмечает, не узнал родной станицы. Здесь постоянно звонили колокола, призывая народ на митинги, на которых обсуждался вопрос о том, что нужно создавать отряд и идти на Екатеринодар, чтобы уничтожить «Офицерское Кубанское Войсковое правительство и установить советскую власть». И к этому, по словам молодого офицера, призывали люди, не имевшие никакого понятия о большевиках. Толпы собравшихся неистовствовали. В станице начались обыски у сотника М. Борисенко и местного священника. Искали оружие – там, где его не могло быть.

Не дожидаясь окончания отпуска, Губа отправился в штаб полка. В станице Славянской он встретил толпу казаков, идущих из Темрюка на Екатеринодар, чтобы разгромить Кубанское правительство, окруженное со всех сторон красногвардейскими отрядами. Особой разнузданностью, по словам прапорщика, отличались полчища из остатков дезорганизованной Кавказской армии, которая шла с Кавказского фронта и части которой высадились в Новороссийске.

В штабе Таманского полка оставалось несколько офицеров. Остальные тоже разъехались по домам, опасаясь расправы. Они нигде не появлялись и не знали, что делать. Теперь митинговала вся станица.

В начале марта М. Губа как честный офицер вернулся в свой Третий Таманский полк и застал его командира под арестом. Стало ясно, что служба в полку закончилась вскоре от воинского подразделения останутся лишь одни воспоминания. Покидая полк в опасении ареста, Михаил забрал с собой послушной список. К этому времени в полку не было уже ни одного казака, а полковое знамя было поставлено в церковь станицы Крымской. М. Губа с огорчением отметил: «Так плачевно завершил свое существование наш славный Третий Таманский полк. Хозяйство полка, казенных лошадей, двуколки, фураж и все запасы казаки забрали с собой по домам».

В большинстве станиц Кубани установилась советская власть. Друзья М. Губы сообщали ему, что в Черноерковском станичном совете его вспоминали каждый день. Наконец, 26 марта 1918 г. ему вручили повестку с требованием сейчас же явиться в совет. Теряясь в догадках, Михаил направился туда. Комиссар станицы Черноерковской Л. Грудза сообщил, что накануне совет принял решение пригласить его, Губу, на службу в совет: «И теперь вы, Михаил Васильевич – член нашего станичного совета. Сейчас будет заседание». Отказываться было опасно, так как он сразу мог попасть в число контрреволюционеров. Поэтому М. Губа согласился и, более того, впоследствии стал председателем станичного совета. Позже он сам удивлялся превратностям судьбы: еще месяц назад он был офицером, а теперь стал руководителем большевистского органа власти. В душе он оставался беспартийным человеком, ярким противником Советов и большевизма, но время и обстановка заставляли скрывать убеждения.

Заседания стансовета проходили почти каждый день, и вскоре Губа вошел в курс вершимых большевиками дел. Население станицы Черноерковской было в восторге от позиции большевиков, но М. Губа не упускал случая показать обрат-

ную сторону утопических идей, в частности, предложения о том, что нужно взять на учет всех жителей станицы, а затем поровну между всеми имущими и не имущими разделить станичные земли. Осознав, чем это грозит им, казаки кричали: «Та ни! такого нам нэ трэба!».

Комиссар станицы Л. Грудза был человеком малограмотным, плохо разбирался в насаждаемых нововведениях и просил назначить ему заместителя. В апреле 1918 г. общее собрание станицы намерено было избрать нового комиссара. Губа, узнав об этом, накануне подговорил своих друзей, чтобы те не поддержали его кандидатуру, и на должность избрали пластуна М. Борисенко, а М. Губа остался председателем стансовета, возглавив помимо этого земельную комиссию и комиссию народного образования. Председателем финансовой комиссии избрали хорунжего Коваленко, бывшего учителя. Получилось, что в совете станицы Черноерковской состояло четыре бывших офицера, которые были противниками Советской власти. Все это свидетельствует о том, что первоначально органы Советской власти формировались из числа авторитетных и уважаемых в станице людей, которые, выполняя свои служебные обязанности, не позволяли себе открыто критиковать власть, но защищали интересы населения станицы.

Так, в мае 1918 г. из Таманского отдельского комиссариата было получено распоряжение мобилизовать казаков 20-24 лет и направить их в станицу Славянскую для формирования красноармейских частей. Вопрос был достаточно сложный, поскольку желания воевать казаки не испытывали, поэтому нужно было решить, как не допустить их отправки в формируемые части Красной армии.

Члены стансовета, собравшись на совещание у комиссара, решили: ввиду того, что Крым был занят немцами, и для охраны побережья Азовского моря нужна во-

енная сила, просить отдельский комиссариат, чтобы созданную из черноерковских казаков роту направили на охрану границы. Общее собрание станицы поддержало предложение стансовета. Это был единственный способ удержать людей дома. В отдельский совет была направлена делегация для решения этого вопроса, в состав которой вошел и М. Губа. Поначалу их там пытались убедить: «Если нужно, мы сами пришлем вам роту, а вы своих людей высылаете в Славянскую». Тем не менее рота была сформирована и выставлена на берегу Азовского моря.

Казачество Кубани, хотя и не поддерживало войскового атамана и правительства, внимательно следило за разворачивающимися в области событиями. Знало оно и о «Ледяном походе» генерала Л. Г. Корнилова и его гибели под Екатеринодаром. События Гражданской войны развивались стремительно, и взгляды на происходящее кубанских казаков, ощутивших на себе всю тяжесть политики реквизиций, открытого произвола и репрессий, также изменялись.

Поэтому, когда в июле 1918 г. Добровольческая армия генерала А. И. Деникина начала наступление на Кубань, население области, озлобленное Советской властью, активно помогало добровольцам. Станицы переходили на сторону белых одна за другой, Добровольческая армия росла за счет восставших и присоединившихся кубанских казаков.

8 августа Черноерковская была занята Белой армией. Еще накануне Отдельский комиссариат направил предписание немедленно прислать роту красногвардейцев в станицу Славянскую. За невыполнение грозил расстрел комиссара и председателя Совета. Но спустя два дня станица была занята отрядом В. Л. Покровского.

Как отмечает М. Губа, «о нашем настроении и „преданности“ большевикам все знали, поэтому никаких арестов не

было. Скорее была радостная встреча». После объявленной мобилизации бывший комиссар М. Борисенко, взяв с собой роту, а М. Губа – 48 казаков с лошадьми, влились в отряд Покровского и выступили на Славянскую.

С этого времени М. Губа постоянно участвовал в боевых действиях Белой армии. Его отряд 12 августа вышел под станицей Курчанской на Второй Запорожский полк, в котором была сотня казаков из станицы Петровской, и влился в состав полка, где Губа сразу же был назначен младшим офицером 6 сотни. Полк развивал наступление на станицу Варениковскую, Новороссийск и Анапу, по пути следования увеличивая численность за счет прибывавших казаков.

М. В. Губа пишет, что на первом этапе Гражданской войны на Кубани боевые действия велись одновременно на нескольких направлениях, что объяснялось стремлением Белой армии разгромить разрозненные части красных, поэтому Запорожский полк, в котором воевал Михаил, несколько раз перебрасывался из одного района в другой. 18 сентября полк был по железной дороге направлен в станицу Усть-Лабинскую, где атаман Кубанского казачьего войска А. Филимонов провел смотр войск, после чего подразделение выдвинулось в наступление на Белореченскую и Майкоп. Стоит отметить, что при проведении мобилизации белыми на Кубани сохранился прежний полковой принцип, как это было до революции. Это было вполне рационально: полки формировались из казаков тех же станиц, что и прежде. В одном полку воевали земляки-сослуживцы, однополчане в по прежним годам службы. Запорожский полк входил в состав дивизии, которой командовал В. Л. Покровский, чья кандидатура рассматривалась тогда на должность командующего Кубанской армией. Этот вопрос должен был обсуждаться на заседании Законодательной Рады Кубанского края.

Для участия в заседании Рады от дивизии в Екатеринодар было командировано десять офицеров и десять казаков, которым, в случае избрания В. Л. Покровского командующим Кубанской армией, были обещаны чины, ордена и тыловая служба. Как отмечает М. Губа, задача перед ними была поставлена крайне неприятная. Все посланные офицеры и казаки были кубанцами, В. Покровский – молодым карьеристом, никому на Кубани не известным, всего лишь год назад приписанным в казаки, и совершенно не знающий уклада их жизни. Вероятно, эти обстоятельства были учтены атаманом А. Филимоновым, и прибывшим в Екатеринодар представителям войск объявили, что заседание Рады переносится на неопределенное время.

По возвращении в часть М. Губа был назначен командиром 6 сотни Запорожского полка и участвовал в упорных боях под Невиномысской в октябре 1918 г., а затем под Ставрополем. Наряду с дивизией Покровского в боях под Ставрополем участвовали части А. Шкуро, в которые входили казаки Баталпашинского отдела и Волгского полка Терского войска. Окруженные в Ставрополе красные отчаянно оборонялись, а затем, прорвав окружение, отступили на Святой Крест. Белые же преследовали отступавших. В январе 1919 г. белые захватили Святой Крест и взяли в плен более 10 тысяч пленных. Отступающая Таманская армия красных таяла на глазах: к большим боевым потерям добавилась эпидемия тифа, наступил настоящий мор.

В воспоминаниях Михаил Васильевич сетует, что тогда лишь изредка ему, теперь уже сотнику, удавалось бывать дома. В начале февраля 1919 г., побывав в отпуске, он сформировал отряд казаков-добровольцев в количестве 28 человек и ним отправился на фронт. Второй Запорожский полк в это время находился в станице Червленной Терского казачьего войска. Там Губа снова возглавил свою сотню.

Полностью разгромив Таманскую армию, полк передислоцировался в Донскую область. Здесь сотника М. Губу настиг тиф. После выздоровления он вновь прибыл в свой полк и участвовал в боях уже под Царицыным. 6 июня 1919 г. в районе станции Котлубань произошел бой между двумя полками кубанских казаков и конной дивизией красного кавалериста Б. Думенко. Этот бой запомнился М. Губе своей ожесточенностью. В дивизии Думенко, помимо кавалерии, было 20 пулеметных тачанок – грозной, по тем временам, силы. В одном из затяжных боев Второй Запорожский полк оказался на грани разгрома его красными, и лишь появление отряда генерала И. Павличенко принесло полку спасение. Здесь, в степях под Царицыным, Михаил был ранен в ногу. Медицинская комиссия признала его не годным к строевой службе.

Как пишет далее Михаил Васильевич, на тот момент положение на фронте осложнилось тем, что генерал Деникин обвинил Законодательную Раду в сепаратизме. По его указанию семнадцать депутатов были арестованы генералом В. Покровским. Священник Калабухов был повешен в Екатеринодаре на Крепостной площади в форме кубанского казака с табличкой на груди: «За измену казачеству», остальные депутаты были высланы за границу. Эта бессмысленно жестокая расправа над избранниками народа возмутила население Кубани. М. Губа справедливо отмечает, что «Ни одна область или губерния не давала такого большого количества казаков на фронт, как Кубанский край. Действия Деникина вызвали возмущение среди казаков на фронте. «Мы воюем, а в тылу разгоняют Раду. Довольно воевать. Идем домой». И кубанцы покидали массово фронт, который теперь «катился на 100 верст в сутки». И только донские казаки сдерживали на некоторое время красные войска. Положение на фронте все приобрело катастрофический харак-

тер. Добровольческая армия отступала. В лесах появились бело-зеленые. Это были казаки, покинувшие армию Деникина. Постепенно в станицах стало проявляться враждебное отношение к белым.

Несмотря на ранение, М. Губа оставался в строю. В декабре 1919 г. он был назначен адъютантом коменданта г. Анапа по хозяйственной части. Огромный жизненный опыт помог ему быстро навести порядок в городском хозяйстве. Но уже в январе 1920 г. М. Губа был назначен атаманом родной станицы Черноерковской. На тот момент Добровольческая армия уже отступала к Новороссийску, а Кубанская армия отходила к границам Грузии по черноморскому побережью. В это сложное и трагическое время, когда фронт трещал по швам, каждый казак, как пишет М. Губа, задавался вопросом: «Что делать дальше?». В войсках распространялись панические настроения, подогреваемые различного рода слухами и домыслами. Сам Губа верил, что отступление Кубанской армии в Грузию – продуманный, а не вынужденный шаг.

М. В. Губа вспоминает, что в конце февраля 1920 г., когда армия генерала А. Деникина начала эвакуацию в Крым, он находился в Анапе. В это время активизировались бело-зеленые. Их было так много, что они захватили город и комендантское правление. Комендант с сотней казаков забаррикадировались в городской гостинице и держали оборону целые сутки. Затем бело-зеленые выдвинули ультиматум, чтобы гарнизон оставил город и дали гарантию свободного прохода до станции Тоннельной. Силами осажденного в гостинице гарнизона невозможно было удержать город, поэтому было принято решение об отступлении.

Через Тоннельную на Новороссийск в начале марта шла лавина войск. Положение в Новороссийске Михаил Васильевич описывает так: транспортных средств для эвакуации войск не хватало, пароходы

брали лишь людей, поэтому кавалеристы и артиллеристы оставляли лошадей на произвол судьбы. Лошади по городу ходили табунами. Белое командование, видя что до прихода красных всех не удастся эвакуировать, направило часть войск на Тамань, чтобы оттуда забрать их в Крым.

В числе выдвинутых 9 марта на Тамань частей было два полка донских казаков под командованием генерала Гелина, перед которыми была поставлена задача по пути освободить от бело-зеленых Анапу. Узнав о приближении войск, бело-зеленые оставили город и ушли в горы. Не успели городские власти расположиться по квартирам, как у станицы Анапской появилась красная кавалерия силой в два полка с артиллерией. Только наступившая ночь позволила отряду кавалерии и обозу во главе с комендантом Анапы полковником Вольховским оторваться от преследования красных по направлению к хутору Джемете. Ночью отряд кавалерии ушел в обход станицы Анапской в сторону Новороссийска. На хуторе остались комендант, М. Губа и писарь Н. Сторчак, поскольку у них не было лошадей. Полковник Вольховский остановился у знакомого доктора под видом его брата. М. Губа вместе с писарем Сторчаком за вознаграждение прятались на чердаке у одного из жителей хутора, наблюдая продвижение красных войск со стороны Витязево. Красные искали конный отряд белых и, не обнаружив его на хуторе, пошли на Анапу. Ночью Губа и Сторчак отправились в сторону станицы Гостагаевской, в поле набрали на скирду соломы, где прятались весь день, а ночью двинулись дальше и пришли на хутор казака станицы Гостагаевской Кацюбы. Узнав, что они казаки, тот пообещал их спрятать: «Я казак, своих никогда не выдам». В разговоре выяснилось, что дядя хозяина – комиссар Гостагаевской Я. Ф. Остришко, который по счастливой случайности был и однополчанином М. Губы.

Комиссар оставил Михаила жить у себя под видом двоюродного брата, а Сторчак остался на положении работника. Через две недели Я. Остришко выдал им мандаты о том, что они командированы в ст. Петровскую за семенным картофелем. Так они добрались до Черноерковской, где большевиков не было. М. Губа быстро освоился и вскорости снова был избран в станичный совет на должность помощника комиссара, а потом и военного комиссара. Но через какое-то время он оставил эти должности и устроился в станичный кооператив, заведовать лавкой. В то время, как он пишет, многие из офицеров и даже бывших атаманов находили возможность легализовать свое положение через кооперативные организации. Это позволяло им ездить за товаром в Екатеринодар – в областную кооперацию. Кроме того, Михаил хотел спокойной мирной жизни. К тому времени у него было уже четверо детей, которых он из-за постоянных вынужденных отлучек видел очень редко. Но вскорости снова пришлось выживать.

В одну из поездок в Екатеринодар М. Губа видел, как, как по улице прогнали под конвоем массу казаков, сдавшихся в плен под Адлером бывшей Кубанской армии. Как ему удалось узнать, их разместили на окраине города на кирпичных заводах, а офицеров и членов Рады держали под арестом. 6 мая 1920 г. М. Губа в очередной раз приехал в Екатеринодар за товаром. Здесь он встретил одного из своих сослуживцев, который, со ссылкой на друзей в областном политотделе, сообщил о том, что от него узнал, что час назад там получена секретная телеграмма с приказом: всех генералов, офицеров, чиновников и вольноопределяющихся, служивших в Белой армии, срочно выслать в Ростов в ВЧК. На вопрос Михаила, – для какой надобности? – сослуживец ответил: «В лучшем случае направят служить в Красную армию, а в худшем – на принудительные работы в шахты», и тут же предложил уйти в леса,

к бело-зеленым. Но М. Губа решил уйти в плавни, поскольку оттуда можно было в любой момент переправиться в Крым, к генералу П. Врангелю.

Как пишет Михаил Васильевич, офицеров в Екатеринодаре было тогда довольно много, а сочувствующих еще больше. И несмотря на то, что распоряжение было секретным, к вечеру о нем знали все, кого оно касалось. Начались аресты, офицеров под конвоем отправляли в Ростов. Губе стало ясно – спокойной жизни не будет, рано или поздно последует арест с возможным более неблагоприятным исходом. Нужно было вернуться домой быстро, по возможности не привлекая к себе внимания. Для этого ему очень нужно было до темноты пересечь мост через Протоку, поскольку на ночь мост могли закрыть, и тогда пришлось бы ночевать у моста, а это грозило арестом.

План созрел в дороге, когда Михаил с группой попутчиков-кооператоров выехал на подводе в Славянскую. В то время самым ходовым и востребованным товаром были спички, которых катастрофически не хватало. Находчивый М. Губа объявил кооператорам в Славянской, что встретил знакомого, приехавшего из Новороссийска, и тот якобы рассказал, что в Новороссийске в одном магазине можно недорого купить спички, что он сам купил две тысячи коробок, и дал Михаилу адрес магазина. Однако дело в том, что хозяин магазина торопится, потому что боится реквизиции, поэтому нельзя упускать представившегося случая. Распрощавшись с попутчиками, М. Губа отправился в Черноерковскую. Оказалось, что здесь уже трижды за ним приходили. Как и планировал, Михаил ушел в плавни и с мая по август 1920 г. скрывался там от преследования. В приазовских плавнях тогда было много бело-зеленых, в том числе и из его станицы.

14 августа 1920 г. в станице Приморско-Ахтарской высадился десант во главе с

генералом С. Улагаем. Врангель рассчитывал, вновь поднять кубанское казачество на борьбу против Советской власти. Однако казаки уже не верили в освободительный поход, и пополнение десанта силами местного казачества оказалось незначительным. Основная часть десанта развернула успешное наступление на Екатеринодар и достигла станиц Тимашевской и Брюховецкой. Но Приморско-Ахтарская осталась без прикрытия, и база десанта была захвачена Красной армией.

14 августа 1920 г. четыре сотни из состава десанта вошли в Черноерковскую. Узнав об этом, Губа вернулся домой. 17 августа, когда отряд получил приказ наступать на Петровскую и Славянскую и покинул станицу, станичный сход избрал Михаила Васильевича атаманом. Спустя несколько лет в воспоминаниях он напишет, что принял это избрание помимо своего желания. Как горстка войск, – риторически вопрошает казачий офицер, – засевших в Крыму, могла освободить всю Россию? Ведь этого не смогла сделать Добровольческая армия, занимавшая некогда половину Европейской части России, когда и вся Сибирь была занята белыми войсками! Причиной поражения белого движения Губа называет ошибки белых генералов, из-за которых от них отвернулся народ.

Избранный атаманом М. Губа попытался найти опору в однополчанах: он собрал из них небольшой отряд и выставил на ночь сторожевое охранение. Но этой же ночью пришло известие отряд красноармейцев устранил охранение, выставленное десантом вокруг Петровской, и занял станицу. Стало очевидным, что опасения были не напрасны: десант откатывался назад.

М. Губа решает уходить вместе с десантом в Крым. Супруги договорились, что вместе с ним уйдет и жена, а детей решили оставить у родственников. В станице оставался отец Михаила Василий Губа, сестры Вера и Саша, брат Алексей. Следующей же ночью детей отнесли к сестрам. Старшая

дочь Михаила Васильевича Мария рассказывала автору этой публикации о том, как её мать плакала, расставаясь, и все время повторяла: «Запомните, дети, что вы казаки, запомните!». Михаил Васильевич рассчитывал, что, «когда все успокоится», его жена вернется из Крыма к детям, а сам он уедет за границу и вызовет туда семью.

При эвакуации десанта в Крым М. Губа с женой и другие черноерковские казаки были приняты на крейсер «Буг». Эскадра направилась в Керчь. В пути капитан крейсера предложил казакам написать рапорты о зачислении в корабельную команду, ввиду того, что людей не хватало. Михаил согласился и, оставив жену в Керчи, нес службу на крейсере, который выполнял задачи, поставленные генералом Врангелем.

М. В. Губа описывает и такой эпизод завершающего этапа Гражданской войны: в один из дней, когда он служил на крейсере, большевики разослали по кораблям радиogramму с призывом к морякам арестовать офицеров и идти к ним под красным флагом на соединение, и за это обещали амнистию. На тот момент часть экипажа «Буга» сочувствовала большевикам. Скрывшие командира корабля радиogramму моряки провели тайное собрание, на котором решили арестовать офицеров и идти к красным. Но этому воспротивились моряки из казаков, недавно пополнивших команду, которые заявили заговорщикам: «Посмотрим, кто кого выбросит в море». Видя такое настроение казаков, радист доложил о радиogramме капитану.

Далее М. В. Губа вспоминает о событиях последних дней белого движения на Юге России. В ноябре 1920 г. Красная армия прорвала оборону у Перекопа и устремилась в Крым. Предвидя такие события, командование врангелевской армии четко спланировало эвакуацию. Корабли должны были забрать войска в Евпатории, Севастополе, Феодосии и Керчи. Войска же должны были успеть сосредоточиться в

условленное время в названных пунктах. М. В. Губа утверждает, что по уровню организации эвакуация 150-тысячной армии не знала равных. Крейсер «Буг» должен был забрать часть войск в Евпатории. Однако случилось так, что судно село на мель у берега, было повреждено, и экипажу пришлось его оставить, перейдя на баржу. Все корабли эскадры (более сотни) были сильно перегружены людьми. На палубах и во внутренних помещениях судов люди стояли могли лишь стоять, возможность присесть распределялась по очереди. Не хватало хлеба и воды. Перегруженные корабли и особенно баржи могли в любой момент пойти на дно, поскольку из-за перегрузки осадка судов значительно увеличилась. К счастью, стояла спокойная и безветренная погода, и караван судов благополучно дошел до Константинополя, где уже скопились тысячи беженцев. Здесь экипаж «Буга» перевезли на пароход «Добыча». Несколько дней на берег никого не выпускали, чем воспользовались местные жители-турки, устроив обмен: за немалые деньги, золотые предметы и т. д. они предлагали продукты питания. В Константинопольском порту Михаил от подошедшего на катере станичника И. Головки узнал, что его жена не осталась в Крыму, а находится рядом, на пароходе «Самара». С большим трудом уже на берегу в Константинополе Губа он нашел жену в лагере беженцев, который охраняли французские солдаты. Ей удалось бежать.

Использованная литература:

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 45.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 46.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 47.

Вскоре вышел приказ генерала Врангеля. Негодные к военной службе и имевшие об этом документы, увольнялись из армии и могли сойти на берег. Эскадра же доставила армию генерала Врангеля в Галлиполи, а затем на греческий остров Лемнос.

На этом часть воспоминаний Михаила Васильевича Губа о событиях Гражданской войны завершаются. Далее он сообщает о том, как оказался в Соединенных Штатах. С декабря 1920 г. супруги Губа скитались по Константинополю, зарабатывая средства на пропитание и жилье и ища возможность покинуть Турцию. Чисто случайно, как пишет Михаил Васильевич, из газеты он узнал тогда, что «Союз морских офицеров» при поддержке Американского Красного Креста и Лиги нации занимался организацией переезда в США. Имея на руках документы о службе М. Губы на корабле «Буг», семья в январе 1923 г. покинула Константинополь и переехала в США. Лишь в 1929 г. туда к родителям выехали, а вернее, были вывезены их дети, числе которых была Мария Михайловна, спустя несколько десятилетий передавшая нам воспоминания своего отца.

Данная публикация представляет собой первый опыт введения в научный оборот воспоминаний М. В. Губы в виде изложения отдельных частей данного документа. Очевидна необходимость полной публикации этого интересного и уникального по многим характеристикам исторического источника.

References:

1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 45.
1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 46.
1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 47.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Громов, В. П. Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М. В. Губы [Электронный ресурс] / В. П. Громов // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 78-89. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Gromov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gromov, V. P., A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba [A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2, pp. 78-89. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

*Д. Белюкин. Эвакуация дроздовцев и корниловцев из Крыма.
1994 г., холст, масло**

* Электронная копия оригинала с сайта народного художника России Дмитрия Белюкина: http://www.belukin.ru/_upload/catalogue/92_b.jpg

МОРОЗОВА Ольга Михайловна

доктор исторических наук,
доцент кафедры связи с общественностью
Донского государственного технического университета,
Ростов-на-Дону, Россия

Olga M. MOROZOVA

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Department of Public Relations,
Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia
olgafrost@gmail.com

**Дневник кадета Володи Ажинова,
11 марта – 4 мая 1917 года**

**The Diary of the Cadet
Volodya Azhinov
(March 11 – May 4, 1917)**

Публикуются материалы дневника Володи Ажинова, хранящегося в Государственном архиве Ростовской области в фонде 841, образованном из документов Василия Александровича Ажинова, родного дяди Володи. Автор дневника, представляющего собой несколько тетрадных листков, – ученик Донского императора Александра III кадетского корпуса, погибший 3 марта 1918 г. в Ледовом походе в районе станции Выселки.

В марте 1917 г. юный Володя, ощущая глубину происходящего, решил вести дневник, с помощью которого он намеревался следить за этапами собственного преобразования, ожидаемого им вслед за обновлением страны. В записях представлены также отдельные штрихи жизни и быта казачьей офицерской среды. По-детски непосредственное содержание этого небольшого документа заставляют обратить на него особое внимание.

Ключевые слова: Февральская революция, Область Войска Донского, Донской императора Александра III кадетский корпус, дневник, Володя Ажинов.

The materials of the diary of Volodya Azhinov, stored in the State Archives of the Rostov Region in the Fund 841, are being published from the documents of Vasily Alexandrovich Azhinov, native uncle of Volodya. The author of the few notebooks diary is a pupil of the Don Cadet Corps in honour of Emperor Alexander III. Volodya died in March 3rd, 1918 near the station of Vyselki, during the anti-Bolshevik Ice March.

In March 1917, young Volodya, sensing the depth of what was happening, decided to keep a diary, with which he intended to follow the stages of his own transformation, which he expected after the country's renewal. In the records there are also some touches of life and life of the Cossack officers' milieu. This small document is also interesting by its childish and immediate content.

Keywords: February revolution, The Province of the Don Cossack Host, Don Emperor, Alexander III Cadet Corps, diary, Volodya Azhinov.

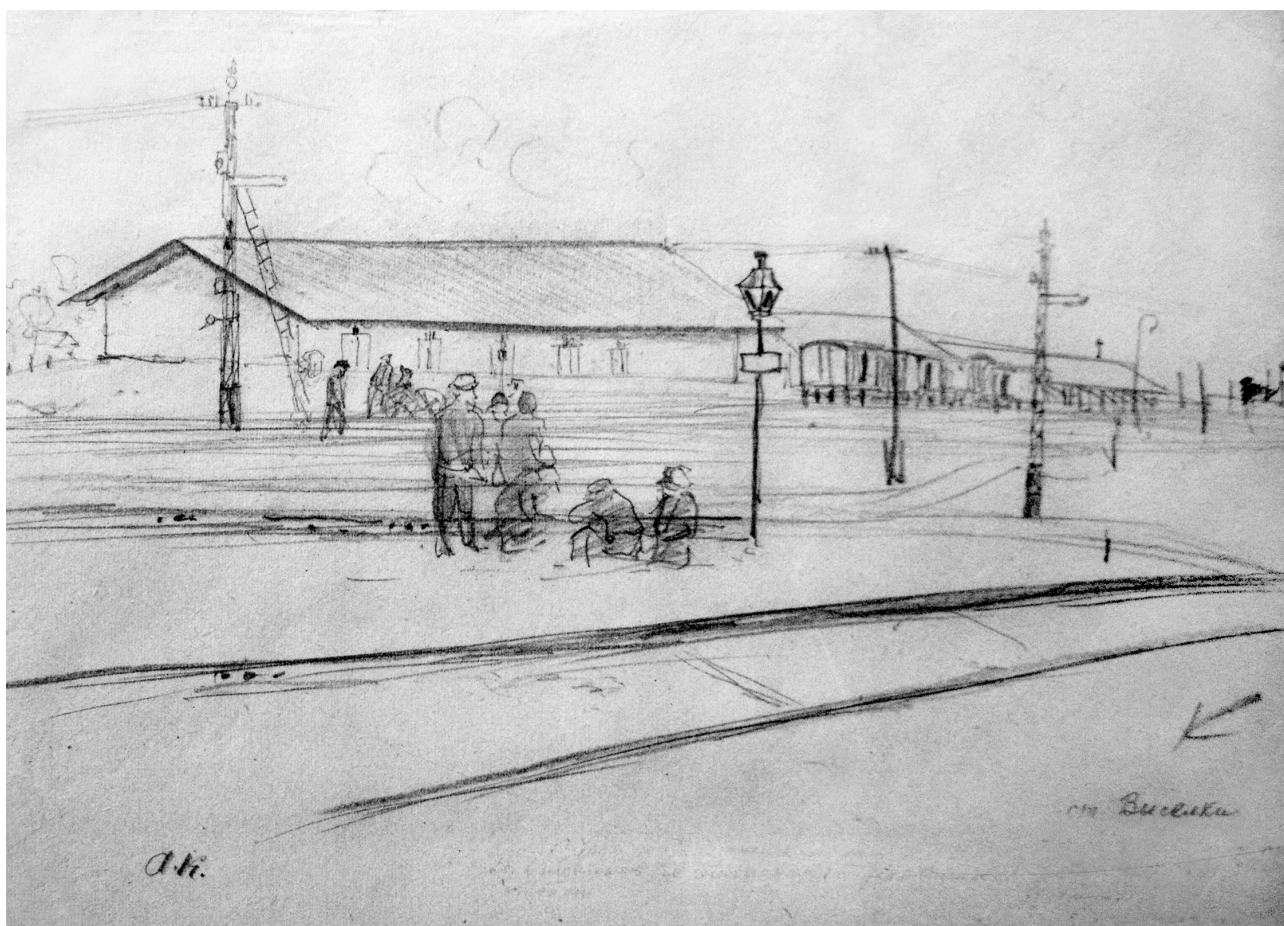
В вышедшем недавно первом томе сборника документов «Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.» [4, С. 37] опубликован отрывок из дневника Володи Ажинова, ученика Донского императора Александра III кадетского корпуса. По-детски непосредственное наивное содержание этого небольшого документа и трагическая судьба его автора заставляют обратить на него особое внимание.

Несколько тетрадных листиков хранятся в Государственном архиве Ростовской области в фонде 841 [2, л. 30-31 об.], образованном из документов Василия Александровича Ажинова (1866–1931), родного дяди Володи. Жизни В. А. Ажинова посвящен биографический очерк, основой для которого в значительной мере стали материалы его фонда [5].

В марте 1920 г. только что произведенный в генерал-лейтенанты Ажинов, испол-

нявший должность атамана зимовой станицы, т. е. посла, Донского правительства на Кубани, при спешном отступлении из Екатеринодара оставил свой архив в помещении «посольства» на улице Графской. Красноармейцы не пустили ворох разрозненных бумаг на самокрутки, должно быть среди них оказался какой-то сознательный, а может быть просто более образованный товарищ, который отдал их «куда следует»; и у этих папок началась новая – архивная жизнь.

Ажиновы были казаками донской станицы Новониколаевской. Их семья относилась к казачьей офицерской среде. Отдельные штрихи жизни и быта этого круга представлены в публикуемом тексте. Об отце Володи известно, что при Донском казачьем правительстве он состоял таганрогским градоначальником и имел чин генерал-майора.

Станция Выселки. Место боя корниловцев с красногвардейскими отрядами 3(16) марта 1918 г. в котором погиб Володя Ажинов (рисунок из чернового альбома «Путь 1-го Кубанского Ледяного похода», 1919). ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 20

В марте 1917 г. юный Володя, ощущая глубину происходящего, решил вести дневник, с помощью которого он намеривался следить за этапами собственного преобразования, ожидаемого им вслед за обновлением страны. К сожалению, он быстро охладил к своей затее. Его одноклассник Иван Сагацкий запомнил его милым и горячим [6, с. 169]. Высокая эмоциональность, романтизм, впечатлительность были фамильной чертой Ажиновых. Заметные по тексту метания от эйфории к настороженности к происходящему, а от них – к успокоению и безмятежности ставить в вину 16-летнему юноше нельзя. Более опытные и зрелые люди ошибались поболее его. Но расплата «за безумие мартовских дней», как писал М. А. Булгаков в эссе «Грядущие перспективы» (1919), настигла всех – и безусых кадетов, и убеленных сединами генералов. Менее чем через год, 3 марта 1918 г., участник Ледового похода кадет Ажинов погибнет в бою под Выселками. Воспоминания о последних минутах Володиной жизни оставили свидетели его смерти. Во время перестрелки с засевшими за железнодорожной насыпью большевиками он вел огонь с колена. На приказ офицера лечь ответил: «Кадет перед хамами не ляжет». Он уложил двух красных пулеметчиков, но вскоре пуля настигла и его [1, с. 61; 3, л. 21].

В этом кратком синопсисе можно только упомянуть, что отец Володи, Иван Александрович, скончался 14 января 1920 г. от сыпного тифа в Алушке. Его дядя, Василий Александрович, покинул Россию в ноябре 1920 г.; в эмиграции жил в Югославии, умер в 1931 г. в возрасте 66 лет.

* *
*

11 марта (суббота). <...>

Большое впечатление на меня произвела первая неделя Великого Поста, на которой мы говели. Я искренне раскаялся во всех своих грехах, и когда я уходил от исповеди, то так легко было на душе, будто гора с плеч свалилась, и я дал себе обещание впредь быть более благоразумным и настойчивым. Когда же на другой день я причастился Свя-

тых Тайн, в моей душе сделалось совершенно светло, и как бы ангелы пели херувимскую песнь... Но как трудно бороться с самим собой – (главная) победа – это победа человека над собой. Как я и предполагал, мне пришлось опять подвергаться всяким искушениям и я – не в силах был бороться. Но теперь, когда произошел громадной важности переворот в России, я не покладая рук буду бороться с собой, и теперь я уверен, что победа останется за мной.

В канун февраля в России начались недовольства старым строем правления, и на этой почве в Петербурге даже разгорелись бунты, которые много причинили вреда. Давно уже в России поговаривали о перемене правления, о недовольстве Государем, а тут еще война, измена, плохое поведение Государыни, да и Государя, Распутинщина, да и много других обстоятельств, которые вывели русский народ из терпения, и Государственная Дума во главе с ее представителем В. М. Родзянко предложила Государю оставить трон, который, т. е. Государь, и отрекся.

В это время у нас в корпусе все волновались, нас собирали очень часто в Сборной зале для чтения приказов нового правительства (т. е. Государственной думы и нового Министерства во главе с премьер-мин[истром] Кн[язем] Львовым). Причем при чтении [манифеста] об отречении Ник[олая] II от престола наш Директор прослезился, что произвело большое впечатление [на] кадет, особенно на младшие классы. Я радовался при сознании, что переживаю такой момент в жизни Русского народа, и что мы – молодежь – будем жить в новой светлой обновленной России. К этому государственному перевороту, который обновил душу и сердце, и я также новую светлую жизнь¹.

После этого, немного спустя, начались празднества и манифестации по поводу низвержения старого строя и обновления России, и 8 марта мы кадеты 1-й сотни с оружием пошли также на манифестацию, причем нам повесили красные бантики (революционеров), и в таком наряде пошли по городу под звуки «Марсельезы». Как радостно, свет-

¹ Так в тексте.

ло было на душе, сознавая всю важность и в тоже время всю необходимость этого положения. Не буду долго описывать хождения по городу, а скажу только, что настроение у всех было великолепное, несмотря на плохую погоду. Мы шли все время под несмолкаемыми криками «Ура».

Несколько дней спустя к нам в корпус приехал знаменитый оратор, представитель рабочих депутатов Сухов², который своей речью произвел громадное впечатление на всех слушателей. Как все-таки больно было слушать такие гадкие отзывы и насмешки о бывшей династии; несколько дней тому назад вся Россия молилась за Государя, а теперь... Невольно вспоминается басня И.А. Крылова: «Пускай ослиные копыта знает», так говорил осел, ударив беспомощного льва. Да это-то так, но нельзя отрицать, что Николай не хотел пользы России и был под влиянием немецкой партии.

Теперь довольно. Да здравствует новая Россия!

19 марта (воскресенье).

Вот уже и весна наступила, на дворе снег стаял, в саду уже чирикают птички, на улицах бегут ручейки, солнышко приветливо греется, как бы радуясь вместе с людьми наступлению весны в природе, а вместе с тем весны в России. Скоро Пасха, это самый светлый праздник в Церкви Православной, и скоро нас распустят

на Пасху в отпуск. Я собираюсь поехать в имение к бабушке С.³

Хорошо, если бы туда приехали бы и кузины (В).

Ну, довольно, уже зеваю.

4 мая.

Как долго я не заглядывал в это хранилище моих заветных тайн и несбыточных мечтаний. Нас уже распустили на лето, на дворе стоит май, и сердце так радостно стучит в такт вечернему звону церковных колоколов. В раскрытое окно доносится до моего слуха этот бархатный звон и вместе с собой приносит в мою изнывшую душу столько сладостных, чистых приятных воспоминаний, и невольно вспоминается: «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он о юных днях в краю родном, где мы росли, где старый дом». Как это подходит ко мне, хотя я сам еще нахожусь в юных годах.

В это время, в которое я не заглядывал сюда, произошло очень много перемен; как личных, т. е. относящихся ко мне и нашему семейству, так и государственных. Перечислять их все я не буду, т. к. я пишу дневник, а не какой-нибудь протокол. Во-первых, самое радостное событие для меня – был приезд моего любимого отца, во-вторых, как я провел Пасху. Праздники я провел довольно хорошо, и... всем было весело, т. е. была хорошая компания.

Использованная литература:

1. Гаттенбергер П. Кадеты в смутное время // Кадетская переписка. 1978. № 20. С. 60-63.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 116. Оп. 1. Д. 4.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. 841. Оп. 1. Д. 4.
4. Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.: сб. док.: В 2 т. Т. 1: Март 1917 – май 1918 / Науч. ред. О.М. Морозова. Ростов н/Д: Альтаир, 2017.
5. Морозова О. М. Революция генерала В. А. Ажинова // Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры. Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 132-163.
6. Сагацкий И. XXX-й выпуск // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / Сост., науч. ред., предисл. и комм. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. С. 166-180.

References:

1. Gattenberger, P. Kadety v smutnoe vremya [Cadets in Time of Troubles], in *Kadetskaya pereklichka*, 1978, no. 20, pp.60-63.
2. *State Archives of the Rostov Region [GARO]*, Fund 116, Inventory 1, File 4.
3. *State Archives of the Rostov Region [GARO]*, Fund 841, Inventory 1, File 4.
4. *Don v gody revolyucii i Grazhdanskoy voyny: 1917-1920 gody* [Don during the Revolution and the Civil War: 1917-1920]: *Sel. docs*, in 2 vols., vol. 1: Mart 1917 – May 1918 [March 1917 – May 1918], Morozova, O. M., Ed., Rostov-on-Don: Altair, 2017.
5. Morozova, O. M., *Revoluciya generala V. A. Azhinova*, in *Morozova, O. M., Tsari, kazaki, krasnye komandiry. Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psihologicheskogo portreta* [Tsars, Cossacks, Red Commanders. Seven sketches in the genre of historical and psychological portrait], Rostov-on-Don, Yuzhnyy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, 2010, pp. 132-163.

6. Sagackiy, I., XXX-y vypusk [30th Outlet], in *Kadety i yunkera v Beloy bor'be i na chuzhbine*, Volkov, S. V., Comp., Ed., Preface, Comments, Moscow: Tsentrpoligraf, 2003, pp. 166-180.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Морозова О. М., Дневник кадета Володи Ажинова, 11 марта – 4 мая 1917 года [Электронный ресурс] / О. М. Морозова // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 90-94. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Morozova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Morozova, O. M., Dnevnik kadeta Volodi Azhinova, 11 marta – 4 maya 1917 goda [The Diary of the Cadet Volodya Azhinov (March 11 – May 4, 1917)], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 90-94. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Morozova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна

Ph.D. в области политологии, научный сотрудник
Института качества государственного управления
Гётеборгского университета,
Гётеборг, Швеция

Marina S. NISTOTSKAYA

Ph.D. (Political Science), Assoc. Prof.,
Researcher, Quality of Government Institute,
University of Gothenburg (Sweden),
Gothenburg, Sweden

marina.nistotskaya@gmail.com

Как выживали российские ученые в ситуации гражданского противостояния

Рец. на книгу:

Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. ISBN 978-5-904316-47-1. 208 с.

How Russian Scientists Survived under the Extreme Conditions of the Civil War

Review of the book:

Eremeeva, A. N., «*Nahodjas' po uslovijam vremeni v provincii...*»: *praktiki vyzhivanija rossijskih uchenyh v gody Grazhdanskoj vojny* [Being in a Provincial Area Under the Conditions of the Time... «: the Survival Practices of Russian Scientists in the Years of the Civil War], Krasnodar: Platonov I., 2017, ISBN 978-5-904316-47-1, 208 pp.

Рецензируемая книга Анны Еремеевой – результат ее многолетнего труда, первое обобщающее исследование жизнедеятельности ученых в российских регионах в условиях Гражданской войны. Автор рассмотрела влияние интеллектуальной миграции на научную жизнь и развитие высшей школы в несоветской России, взаимодействие столичной и провинциальной научной интеллигенции. Сквозь призму профессиональной, просветительской и, в меньшей степени, политической деятельности ученых показаны их стратегии выживания в экстремальной ситуации. Автор опирается на широкий круг источников, в т. ч.

The reviewed book by Anna Eremeeva is a pioneering study about the life of Russian scientists in Russia's regions during the Civil War. The book considers the survival strategies of provincial intelligentsia under the extreme socio-economic and political conditions in 1917-1922, focusing on their scientific, educational and, to a lesser extent, political activities. The author analyses the influence of intellectual migration on the scientific life and development of higher education in non-Soviet Russia, and also examines the interaction of the capital and provincial scientific intelligentsia. The analysis is anchored in a wide range of original sources, including documents from

документы из архивов России, Украины, США, периодические издания и научные труды, относящиеся к изучаемому периоду. Особое внимание уделено источникам личного происхождения – письмам, дневникам, воспоминаниям ученых, позволяющим воссоздать их эмоциональное состояние, интерпретации происходивших событий.

Ключевые слова: российские регионы, Гражданская война, интеллектуальная миграция, производство и трансляция знаний, научная коммуникация, высшее образование, политическая деятельность, охрана культурного и природного наследия.

archives in Russia, Ukraine, and the United States, as well as media and scientific publications of the years of the Revolution and Civil War. The extensive use of such primary sources as letters, diaries, and memoirs allows elucidating the scientists' perceptions and interpretations of the events.

Keywords: Russia's regions, Russian Civil War, intellectual migration, production and transfer of knowledge, scientific communication, higher education, political activity, preservation of cultural and natural heritage.

В преддверии столетия начала Гражданской войны под грифом Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия вышла книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника этого учреждения Анны Еремеевой.

Книга – результат многолетнего труда, который, как отмечено во введении, дважды

(в рамках исследовательского и издательского грантов) был финансово поддержан Российским гуманитарным научным фондом, что дало возможность автору основательно изучить документальные богатства центральных и региональных архивов России и Украины. В процессе подготовки книги в научных журналах были опубликованы фрагменты будущих глав [2, 4].

В центре внимания автора – проблема выживания научной интеллигенции в условиях гражданского противостояния. В качестве объекта исследования выступают столичные ученые, покинувшие Петроград и Москву в революционные годы, и их провинциальные коллеги. Территориальные рамки охватывают регионы бывшей Российской империи, в основном окраинные, значительную часть времени находившиеся вне советской орбиты, ставшие центрами массовой миграции [3, с. 8].

Автор рассмотрела основные этапы, маршруты интеллектуальной миграции, ее влияние на научную жизнь и развитие высшей школы в регионах России. Прослежены три этапа такого рода миграции: годы Первой мировой войны – преимущественно с Запада Российской империи, 1918-1919 – из Петрограда и Москвы на несоветские территории, начало 1920-х гг. – из недавних центров беженства – в столицы. Рубеж второго и третьего этапов – время эмиграции, в т.ч. и героев рецензируемой книги. Показано как менялся культурный ландшафт городов, в одночасье

ставших вузовскими центрами и одновременно «белыми» столицами – Екатеринодара, Ростова-на-Дону и др.

Появление новых образовательных и научных учреждений рассматривается в контексте взаимодействия столичной и провинциальной научной интеллигенции. Воссоздана жизнь вузов, в том числе появившихся в революционные годы, стратегии ректоров и профессуры в решении насущных проблем в области материального обеспечения, образовательной и научной деятельности, признания формального статуса, взаимодействия с часто меняющимися «кураторами». Рассмотрен феномен вузовского «дуализма» (в Омске и Екатеринодаре).

Прослежены основные тенденции деятельности научных учреждений в условиях Гражданской войны. Исследовательские векторы, как отмечает автор, определялись социально-экономическими потребностями территорий. Ограниченные возможности экспедиционной работы ввиду отсутствия финансов или близости фронтовой полосы компенсировались кабинетными исследованиями. Ученые вовлекались в проектную работу по благоустройству регионов, созданию курортных и охраняемых природных зон [2, с. 188].

Отдельный раздел посвящен созданию научных трудов и учебно-методической литературы в годы Гражданской войны. Активность авторов и издателей стимулировал вузовский бум тех лет. При этом ученые осознавали и даже отмечали в текстах некоторую ущербность книг, создававшихся вдали от столичных и зарубежных библиотек, в условиях ограниченных полиграфических возможностей. Финансовые трудности и галопирующая инфляция значительно затрудняли издание заведомо убыточных научных журналов, отдельных трудов. Это приводило к нарушению периодичности, уменьшению объема. Однако средства в большинстве случаев изыскивались. Научные издания рассматриваются автором как важный канал научной коммуникации, стимул творческой деятельности ученых.

Сквозь призму профессиональной, просветительской и, в меньшей степени, политической деятельности ученых показаны

их стратегии выживания в условиях социальной катастрофы. Автор резюмирует, что сама «встроенность» в образовательные и научные институции являлась залогом хотя бы минимального материального достатка (учитывая не только жалование, но и корпоративную деятельность по снабжению продуктами питания, топливом и проч.), относительного психологического комфорта, а также «индугенцией» в условиях частой смены власти. В целом научная интеллигенция демонстрировала социальную пластичность, пытаясь приспособиться к условиям любого режима ради возможности продолжения профессиональной деятельности [3, с. 189-190]. Отметим, что предшественники А.Н. Еремеевой рассматривали стратегии выживания на примере отдельных ученых и вузов [1, 5]; автор рецензируемой книги ссылается на результаты имеющихся работ.

А.Н. Еремеева опирается на широкий круг источников, в т. ч. документы из архивов России, Украины, США, периодические издания, научные труды, а также художественные тексты изучаемого периода. Особое внимание уделено источникам личного происхождения – письмам, дневникам, воспоминаниям ученых, позволяющим воссоздать их эмоциональное состояние, понять интерпретации происшедших событий. Особенно интересны публикуемые впервые фрагменты воспоминаний академика К.И. Скрябина, документы семьи профессора-ботаника В. М. Арциховского (отца выдающегося археолога), письма ученых, живших в южных и восточных регионах, академикам А. Е. Ферсману и В. И. Вернадскому. Переписка ученых в экстремальных условиях рассматривается как важный фактор воссоздания прежних социальных связей.

Введение в научный оборот такого рода источников позволяет по-новому взглянуть на жизнь персонажей книги. Ведь фальсификация содержания собственной деятельности периода Гражданской войны была распространенной практикой в советские годы. Уже в 1921 г. новочеркасский профессор П. Н. Чирвинский (впоследствии репрессированный) писал А.Е. Ферсману, что не хочет описывать в журнальной статье научную жизнь недавнего прошлого из-за «изобилия

фигур умолчания» [3, с. 181]. Чем дальше, тем больше эта тема становилась табуированной и болезненно переживаемой.

Список литературы свидетельствует о работе автора с внушительным количеством относящихся к теме исследования трудов, в том числе новейших, опубликованных в центральных и региональных издательствах России, а также на Украине и в дальнем зарубежье.

Отметим и некоторые недостатки рецензируемого издания.

В книге не затронуты судьбы военной профессуры (и это не оговорено во введении).

А ведь многие из них, и даже целые высшие учебные военные заведения оказались «по условиям времени в провинции».

Те, кто будет читать книгу в бумажном, а не электронном виде (электронные копии, благо, доступны на многих сайтах), столкнется с проблемой сложного поиска интересующих его персонажей из-за отсутствия указателя имен.

В целом, книга ценна в научном отношении и будет востребована. Живой и понятный язык изложения делают ее доступной для восприятия широкой читательской аудитории.

Использованная литература:

1. Аврус А. И., Гапоненков А. А. Саратовский университет в годы революции и Гражданской войны (1917–1920) // Российская история. 2009. № 4. С. 91–103.
2. Еремеева А. Н. Вузы российских регионов в условиях гражданского противостояния (1917–1920) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2013. №3. С. 88–92.
3. Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017.
4. Еремеева А. Н. «Печатание... при условиях весьма неблагоприятных»: издание учебников и научных трудов в годы Гражданской войны // Клио. 2014. №1. С. 12–16.
5. Bailes K. E. *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

References:

1. Avrus, A. I. and Gaponenkov, A. A., *Saratovskiy universitet v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917–1920)* [Saratov University in the Years of Revolution and Civil War], *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 4, pp. 91–103.
2. Eremeeva, A. N., *Vuzy rossiyskikh regionov v usloviyakh grazhdanskogo protivostoyaniya (1917–1920)* [Regional Higher Schools in the Conditions of Civil Confrontation (1917–1920)], *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*, 2013, no. 3, pp. 88–92.
3. Eremeeva, A. N., “*Nakhodyas’ po usloviyam vremeni v provintsii...”: praktiki vyzhivaniya rossiyskikh uchenykh v gody Grazhdanskoy voyny* [“Being in a Provincial Area under the Conditions of the Time...”: the Survival Practices of Russian Scientists in the Years of Civil War], *Krasnodar: Platonov I.*, 2017.
4. Eremeeva, A. N., “*Pechataniye... pri usloviyakh ves’ma neblagopriyatnykh*”: izdaniye uchebnikov i nauchnykh trudov v gody Grazhdanskoy voyny [“Unfavourable Printing”: publication of educational and scientific works during the Civil War], in *Klio*, 2014, no. 1 (85), pp. 12–16.
5. Bailes, K. E., *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945*, Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Нистоцкая, М. С. Как выживали российские ученые в ситуации гражданского противостояния [Электронный ресурс] / М. С. Нистоцкая // *Наследие веков*. — 2018. — № 2. — С. 95–98. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Nistotskaya.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. – Краснодар: Платонов И., 2017.

Full bibliographic reference to the article:

Nistotskaya, M. S., *Kak vyzhivali rossiyskie uchenye v situatsii grazhdanskogo protivostoyaniya* [How Russian Scientists Survived under the Extreme Conditions of the Civil War], *Rewiew of the book: Eremeeva, A. N., “Nahodjas’ po usloviyam vremeni v provincii...”: praktiki vyzhivaniya rossijskikh uchenykh v gody Grazhdanskoy voyny* [“Being in a Provincial Area Under the Conditions of the Time...”: the Survival Practices of Russian Scientists in the Years of the Civil War], *Krasnodar: Platonov I.*, 2017 *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 95–98. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Nistotskaya.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (14)
2018

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использована цифровая копия картины Д. А. Белюкина «Белая Россия. Исход» (1992-1994 гг. Холст, масло. 252 x 440 см). Ссылка: http://www.belukin.ru/_upload/catalogue/89_b.jpg. Официальный сайт народного художника России Д. А. Белюкина: <http://www.belukin.ru/>

В оформлении номера также использованы: цифровая копия картины Д. А. Белюкина «Эвакуация дроздовцев и корниловцев из Крыма» (1994 г., Холст, масло. 60x70); Фото фрагмента экспозиции Национального музея Республики Адыгея «Культура и быт адыгов конца XVIII - начала XX в.». Ссылка: http://adyg-museum.ru/wp-content/uploads/2013/11/slider_5.jpg.

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com/>

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

А. Н. Еремеева, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков, А. Н. Еремеева

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Номер сверстан: 25. 06. 2018

Размещен в сети Интернет: 29. 06. 2018

Гарнитура: Cambria, Acrobat Modern

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: ____.

Уч.-изд. л.: ____

Размер файла: